

ISSN 1606-6251

РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ
ОБЩЕСТВО

ВЕСТНИК

РОССИЙСКОГО
ФИЛОСОФСКОГО
ОБЩЕСТВА

2022. Вып. 3-4 (101-102)

МОСКВА 2023

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Акад. РАН, д.филол.н. **А.В. Смирнов**

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Д.филол.н., проф. **Ю.М. Резник**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
К.филол.н. **Д.А. Шевелева**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Д.филол.н. А.Ю. Антоновский (Москва, ИФ РАН), к.филол.н. С.И. Бажов (Москва, ИФ РАН), к.филол.н. Л.Е. Балашов (Москва, ИФ РАН), д.филол.н. В.Н. Белов (Москва, РУДН), д.филол.н. В.Ю. Бельский (Москва, МУ МВД), д.ф.н. М.И. Билалов (Махачкала, ДГУ), д.филол.н., проф. Ю.Д. Гранин (Москва, ИФ РАН), д.филол.н. И.И. Докучаев (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена), д.филол.н. В.В. Колотуша (Голицыно, МОФО РФО), к.филол.н. А.Д. Королёв (Москва, ИФ РАН), д.филол.н. А.А. Крушанов (Москва, ИФ РАН), д.филол.н. И.К. Лисеев (Москва, ИФ РАН), д.филол.н. О.В. Малюкова (Москва, МГЮУ), д.филол.н. Б.В. Марков (Санкт-Петербург, СПбГУ), к.филол.н. Л.Ф. Матроница (Москва), к.филол.н. С.А. Павлов (Москва, ИФ РАН), к.филол.н. Т.П. Покровская (Москва, МГУ), д.филол.н. Г.В. Сорина (Москва, МГУ), д.филол.н. В.Н. Шевченко (Москва, ИФ РАН).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Акад. РАН В.А. Лекторский (Москва, ИФ РАН) – *председатель*, В.С. Диев (Новосибирск, НГУ), Г.В. Драч (Ростов-на-Дону, ЮФУ), Н.С. Кирабаев (Москва, РУДН), Т.Г. Лешкевич (Ростов-на-Дону, ЮФУ), В.В. Мантатов (Улан-Удэ, СВГТУ), В.В. Миронов (Москва, МГУ), А.В. Перцев (Екатеринбург, УрФУ), В.А. Рабош (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена), Г.Г. Салихов (Уфа, БГУ), В.Б. Устьянцев (Саратов, СГУ), Н.А. Шермухамедова (Ташкент, Нац. Университет Узбекистана), А.В. Шестопап (Москва, МГИМО), М.Д. Шелкунов (Казань, КГУ), Я.С. Яскевич (Минск, БГЭУ).

ЗАВЕДУЮЩИЙ РЕДАКЦИЕЙ – Н.С. Чижков

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА. 2022.
Вып. 3-4 (101-102). – М.: РФО, 2023. – 272 с.

Выходит ежеквартально с января 1997 г.

© Российское философское общество, 2023 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка редактора

<i>Резник Ю.М. (Москва)</i> Должна ли философия служить государству?	6
--	---

1. НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

1.1. Онтология и теория познания. Логика

<i>Крушанов А.А. (Москва)</i> О научной картине мира, которая теряет определенность	43
<i>Ляпустин А.Г. (Москва)</i> Еще об одном понимании основного вопроса философии	55

1.2. История философии

<i>Сидорин В.В. (Москва)</i> Становление философской ленинианы (1923-1924 гг.): штрихи к реконструкции контекста	69
--	----

1.3. Философская антропология и практическая философия

<i>Богданова В.О. (Челябинск)</i> Трансцендентально-феноменологические и экзистенциально-феноменологические практики самопознания	79
---	----

1.4. Философия науки и техники

<i>Бычков С.Н., Яковлев Е.А. (Москва)</i> Трудно ли понять школьную физику?	95
<i>Малинецкий Г.Г. (Москва), Войцехович В.Э. (Тверь), Вольнов И.Н. (Москва), Дудаков С.М. (Тверь)</i> Возможна ли эволюция ИИ к искусственному Разуму?	112
<i>Розин В.М. (Москва)</i> Философия техники на перепутье	134
<i>Яковлев А.А. (Москва)</i> К вопросу о различии научных, технических и технологических парадигм	143

1.5. Философия культуры и образования

<i>Копировский А.М. (Москва)</i> Концепция «живого музея» священника Павла Флоренского: утопия, антиутопия, реальность?	158
---	-----

<i>Лившиц Р.Л. (Санкт-Петербург)</i> Когда закончатся реформы образования в России?	178
<i>Маркова Т.Б. (Санкт-Петербург)</i> Библиотека как компонент образовательного пространства	188
<i>Пигалев А.И. (Волгоград)</i> Культурная идентичность и стратегический эссенциализм	202

1.6 Эссе

<i>Горелов А.А. (Москва)</i> Слово о А. А. Зиновьеве. Заметки к 100-летию со дня рождения	217
<i>Кулев А.В. (Санкт-Петербург)</i> О взаимоотношениях между наукой и искусством	223

1.7 Научная жизнь

<i>Семёнов С.Н. (Уфа)</i> Проблемы философии творчества на VIII российском философском конгрессе	226
<i>Смирнова Н.М. (Москва)</i> Философия творчества на VIII российском философском конгрессе	235

2. ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

2.1. Проекты и решения

Решения Президиума РФО (22.10.22)	245
---	-----

2.2. Рецензии

<i>Королев А.Д. (Москва)</i> О социальной юриспруденции	248
---	-----

2.3. Поздравляем с юбилеем

Лекторский Владислав Александрович – 90 лет!	252
Сердюков Юрий Михайлович – 60 лет!	253

2.4. Памяти коллег

Кутырев Владимир Александрович (1943-2022)	254
Перуанский Сергей Серафимович (1938-2022)	256
Дугина Дарья Александровна (1992-2022)	256

2.5. Информация для авторов и читателей

О членстве в РФО. 2023 г.	258
Порядок направления, оформления, рассмотрения и рецензирования рукописей в журнале «Вестник РФО»	262
Содержание (на англ.)	270

Колонка редактора

UDC 101.9

DOI: 10.21146/1606_6251_2022_3/4_6_42

Ю.М. Резник

ДОЛЖНА ЛИ ФИЛОСОФИЯ СЛУЖИТЬ ГОСУДАРСТВУ?

***Аннотация:** Философия всегда находилась в сложных отношениях с государством, переходя от сотрудничества с ним к конфронтации, и наоборот. Между тем подавляющая часть отечественных философов прямо или косвенно «работает» на государство. Философия как дисциплина прочно вошла в образовательные программы и вправе считаться государственной. Об этом и о многом другом размышлял В.С. Соловьёв больше 130 лет назад. Его мысли оказались актуальны и для нашего времени. Российская философия по-прежнему находится в тисках бюрократии. А сегодня она оказалось вместе со всей страной ещё и в политической изоляции.*

В центре внимания автора данной статьи оказывается не только статус государственной философии, но и возможности её участия в идеологической работе. Наши великие предшественники (В.С. Соловьёв, Н.С. Трубецкой и др.) пытались определить духовно-цивилизационные основания российской государственности, возлагая особые надежды на христианскую рели-

---

Резник Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, вице-президент РФО (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru

---

гию. Они критиковали подчиненную роль философии государству, а последнего — правительственной бюрократии.

По мнению автора, философия является государственной в том смысле, что она: (1) финансируется государством; (2) определяется государственными стандартами и подвергается бюрократической регламентации; (3) следует культурным традициям и участвует в свою очередь в формировании идеалов государства. В своём служении государству философы руководствуются интуицией, идеями и концепциями, реализуя их в форме проектных практик, а также посредством симфоничности и рефлексии. Их главная цель — обоснование культурно-цивилизационной миссии России в современном мире.

Ключевые слова: Россия, культура, цивилизация, философия, государство, культурная миссия, идея, идеология, концепция, практика, идеократия, служение, симфония, рефлексия, ирония.

Философия и государство. Сегодня, когда страна оказалась втянута в прямое, в т.ч. военное, противоборство с Западом, российским философам, как некогда прежде, следует определить своё отношение к собственному государству и его культурно-цивилизационным основаниям. Недавно мне попала на глаза заметка В.С. Соловьёва «Государственная философия в программе Министерства народного просвещения», опубликованная в сентябре 1885 г. в газете «Русь» (издатель — И.С. Аксаков) [1]. Она навеяла на меня грустные настроения по поводу одной трудноизлечимой социальной болезни России — бюрократизма. Как и 137 лет назад, положение философии в российском государстве вызывает много вопросов.

Наши предшественники, как и мы сегодня, пытались ответить на следующие вопросы:

- В чем состоит государственный (и шире — цивилизационный) статус философии?

- Чем должны заниматься отечественные философы — непринуждённой рефлексией, свободной от каких-либо обя-

зательств, работой по выполнению государственных заказов или прояснением цивилизационных оснований развития государства и общества?

- Какова степень их академической свободы и профессиональной автономии в государстве и обществе?

- Обязаны ли они участвовать в выработке государственной идеологии, в т.ч. в сфере образования и просвещения?

С тех пор, как в стране началась «перестройка», прошло свыше тридцати пяти лет. За это время многие отечественные философы уже не раз сменили свои идейные одежды — от поддержки реформаторов 1990-х гг. до критики их действий, от идеологической стерильности до поддержки руководителей государства и участия в выработке общенациональных стратегий. Вместе с тем они пережили момент смены поколений в философском сообществе России, которое стало ещё более идеологически неоднородным. Нужно признать, что значительная часть сообщества придерживается либеральной ориентации и продолжает определять умонастроения исследователей и преподавателей. Однако многие из них не потеряли связь с реальной практикой, пытаясь отстоять автономию своей профессии и непрерывность философского образования в самые трудные для страны этапы жизни.

Но пришла ли снова большая «перемена» в философии и философском образовании в современной России, о которой писал в 1885 г. В.С. Соловьёв? Можно ли сказать, что наступил период безмятежности и бессознательности и закончился цикл либеральных реформ? Может быть, философы, оказавшись в политико-идеологической изоляции со стороны Запада и оставшись один на один с собственной бюрократией, обратились к анализу как проблем цивилизационной идентичности России, так и собственной гражданской идентичности? Ведь так было и в конце позапрошлого века, когда Соловьёв писал свою заметку. И тогда его посещали тревожные мысли по поводу бюрократического принуждения в преподавании философии и возможной реакции самих философов на административный произвол (см. прим. 1).

Да, В.С. Соловьёв высказывал опасение, что между верховной властью и интеллигенцией находится бюрократическая прослойка, которая сдерживает развитие страны и зачастую провоцирует неоправданные социальные конфликты как внутри неё, так и за её пределами. Вместе с тем он высказывает предположение, что чем либеральнее власть (пример правления Александра Павловича), тем лучше она для народа, признавая вместе с тем, что «...необходимо прийти к тому заключению, что сильная государственная власть для своего благотворного действия нуждалась в известных условиях; сама же в себе она никакого источника живой воды не заключала и в годину испытаний одна, сама по себе, не могла спасти ни народа, ни самое себя» [1, 177-178]. Нужно честно признать, что критика власти Соловьёвым относится лишь к её бюрократической организации и не затрагивает сами основы монархического режима.

Более радикальную позицию в отношении действующей власти заняли евразийцы, предложившие сменить монархию и пришедший за ней большевистский режим на демотию и вместо бюрократии призвать на службу народных избранников — правящий отбор. Правда, гарантировать то, что вновь избранные слуги народа станут лучше нынешних чиновников и не будут подвержены древним социальным болезням (бюрократия, коррупция и пр.), никто не может. Так уж повелось испокон веков на Руси, что мало кто, придя к власти, смог избежать в дальнейшем соблазна либо приватизировать эту власть, либо использовать её как «кормушку», что, впрочем, во многом одно и то же.

Но перейду к вопросу о государственном статусе философии. Так, В.С. Соловьёв полагает, что Министерство просвещения относит философию к несуществующим наукам или дисциплинам, которые основаны «на принципе самодержавной неограниченной власти» [1, 179-180]. Самодержавие же есть сверхправовое начало, восполняющее недостаточность отвлеченного и формального права, принадлежащего к традиции восточной части римского права (Византийской им-

перии). Вместе с тем монархия — это не только единоличная власть, но и защитник православной апостольской церкви, статус которой регулируется церковным правом.

Следовательно, в отечественной философии, по мнению Соловьёва, сложилась двойственная ситуация: с одной стороны, она обязана служить государю как воплощению верховной власти, поддерживая дух самодержавия и православия, а с другой, она подвергается давлению правительственных чиновников, которые ненадлежащим образом исполняют царскую волю. Вам, уважаемые читатели, это не напоминает нынешнее положение российских философов? Не кажется ли вам, что нас давно бы уже «списали», если бы не метафизическая потребность высшей власти в самопознании, которую лучше всего осуществлять на идейном фоне русской философии? А это значит, что «войти в историю» России невозможно без приобщения к истокам русской философской мысли. Философы в России были нужны верховному правителю лишь в той мере, в какой они оправдывали его стремление «прослыть в вечности», стать неотъемлемой частью истории и культуры. Не этим ли занимались многие русские философы XIX — начала XX вв. (в т.ч. и В.С. Соловьёв), утверждавшие незыблемость православных устоев царской власти (см. прим. 2).

Отсюда следует, что во все времена философия была нужна российскому государству как форма его идейной легитимизации или шире — как самооправдание и самообоснование действующей власти. Так, В.С. Соловьёв отмечал попытку Министерства просвещения создать «действительную философию» государственно-церковного права “с точки зрения русского народа”» [1, 181]. Вопрос о том, какова природа самого государства, относится, на его взгляд, к компетенции философии. Однако его не устраивала посредническая роль чиновничества в отношениях между высшей властью и религией. В этой связи он писал: «Особый характер нашей государственности хотят определить её отношением к церкви...» [1, 181]. Но при таком подходе Министер-

ство народного просвещения вряд ли сможет вырастить своего Гегеля, «который подарил бы нам “феноменологию духовного ведомства”... [1, 181]. Тогда придётся заменить философию церковным правом или что ещё хуже — формальным правом правительственной бюрократии, которая лишь прикрывается авторитетом церкви, а на самом деле служит собственным интересам.

Понятно, что философия не нужна правительственной бюрократии, поскольку она разоблачает её своекорыстную суть, чуждую нуждам народа и чаяниям интеллигенции. Именно за это Соловьёв критикует министерскую программу философии, подчёркивая, что она оказалась недостаточно последовательной и не смогла выстроить приоритет церкви перед государством, а последнего перед правительственной бюрократией. «Итак, альфа и омега новой государственной философии есть то, что есть именно единовластие петербургской бюрократии под предлогом самодержавия» [1, 183]. Очевидно, что философия в государстве, которое не определяется церковью, а лишь утверждает всевластие правительственной бюрократии, не может выполнять свое прямое назначение — быть «глашатаем воли государя» как главного защитника православия и поборника общественных идеалов России.

Получается замкнутый круг. Так что же впереди — лошадь или телега? Во все времена российские чиновники, стремящиеся подменить государя и установить собственное самодержавие, не хотят быть лошадью, предоставляя это место народу, но при этом желают сидеть на телеге впереди лошади, хотя общеизвестно, что у последней нет заднего хода. Можно предположить, что философии ими уготована роль символического кнута. Не потому ли чиновники устраивают время от времени проверки самих философов на идеологическую лояльность и политическую благонадежность.

Так было в советское время и так остаётся сегодня. К тому же ситуация в нынешней российской философии усугубляется расколом внутри самой политической элиты в целом и правительственной бюрократии, в частности, которые под-

разделяются условно на два больших клана — либерально-западнический и консервативно-патриотический. Поэтому философам ничего не остаётся, как пытаться подстраиваться под интересы того или иного клана. От этого зависит их материальное положение, получение научных грантов, социальное самочувствие и пр. Хотя должен признать, что многие из них, прикрываясь зонтиком идеологической стерильности, уже давно «присягнули на верность» либерально-западническому крылу государственной бюрократии и продолжают извлекать из своего положения определенные дивиденды. Философы же консервативно-патриотической ориентации подвергаются зачастую остракизму и другим нападкам. Получается, что быть философом-патриотом сегодня невыгодно. Проще прикрываться маской идейного безразличия и не выдавать своих истинных убеждений, занимаясь к тому же какой-нибудь узкой темой.

Полагаю, что всё сказанное выше В.С. Соловьёвым, относится во многом к характеристике сегодняшнего состояния отечественной философии. Последняя, как и прежде, находится под прессом бюрократии, уповая при этом на высшую волю своего правителя и обращаясь к нему по любому поводу. Но служит ли она при этом государству? В какой-то мере да, поскольку пытается соответствовать государственным научным и образовательным требованиям, контроль за разработкой которых опять же находится в руках правительственной бюрократии, ориентированной преимущественно на западные стандарты, несмотря на то, что нас уже давно вычеркнули на Западе из списка «цивилизованных» стран.

И если для Соловьёва было важно сохранить не только государственную, но и религиозную сущность философии, то сегодня перед российскими философами стоит несколько иная задача. С одной стороны, они продолжают заниматься тем, чем занимаются, а именно — пытаются выжить и сохранить свой профессиональный статус в ситуации идеологической изоляции со стороны Запада и усиливающейся бюрократической регламентации внутри страны. С другой сто-

роны, они с надеждой ждут перемен в своём положении, которые рано или поздно должны прийти «сверху». Ведь не случайно наш Президент всё чаще обращается к мудрым заветам великих русских философов.

Так что реальность, в которой живут сегодня многие наши философы, может быть вполне названа вымышленной или иллюзорной. Как правило, они предпочитают иметь дело с идеальным («свободным», «демократическим», «социальным» и пр.), а не с реальным государством, которому к тому же наши западные «коллеги» присваивают нелицеприятные ярлыки (автократия, деспотия и пр.).

Поэтому следует отметить, что платоновский образ идеального государства и управляющих им философов продолжает жить. И надо признать, что и Соловьёв в своё время также не терял надежды на возрождение государственной философии, чтобы с её помощью «воспитать будущих государственных и общественных деятелей» [1, 184]. Но для этого потребуются, с его точки зрения, излечить вначале государственность и направить её в русло христианской церкви, так как только последняя несет в себе «живую сущность» Бога. Философия же призвана возвести эту сущность в мыслимую формулу и показать «пути к действительной правде (идеалу), т.е. тому, что *должно быть* в обозримой перспективе. Нельзя её отдавать в услужение политическому оппортунизму...» [1, 184].

Но что же считать сегодня «действительной» правдой, с одной стороны, и «политическим оппортунизмом», с другой?

Во-первых, у каждого субъекта (власти, народа, какой-либо группы интеллигенции) имеется своя правда, далекая зачастую от общепринятых представлений об истине или справедливости. Для православных людей, в т.ч. философов, правда заключается в слове божьем. Другие же пытаются найти её в субъективно понимаемой истине. Но правда, в отличие от истины, близка к идеалу, т.е. к тому, что, по мнению В.С. Соловьёва, *должно быть* в перспективе, но ещё не стало таковым в реальности. Следовательно, она не относится к действительному положению вещей, а лишь свидетельствует о

благих намерениях субъекта («истина во благе»), стремящегося во что бы то ни стало изменить своё жизненное положение к лучшему.

Во-вторых, для правящей элиты в целом и философской общественности России, в частности, оппортунизмом выступает не просто «заигрывание» с Западом, а осознанное стремление определённых (как правило, прозападных) сил навязывать идеалы и ценности последнего в публичной сфере страны, в т.ч. в области гуманитарного образования и общественных наук. При этом проявления «политического оппортунизма» можно наблюдать и в ходе специальной военной операции, когда либерально-западническая бюрократия и прислуживающая ей интеллигенция продолжают блокировать любые попытки обращения к собственным культурным истокам и философским основаниям. Может быть, по этой причине воюющая страна никак не перейдёт к формированию собственной модели «смешанной» экономики и политической мобилизации всех слоёв населения в ситуации всё более обостряющегося противостояния с Западом.

В то же самое время современная консервативно-патриотическая философия не может оставаться на прежних позициях, отстаивая, например, идеалы русской религиозной философии. Ведь в чём, например, видел роль государственной философии В.С. Соловьёв, говоря о том, что должно быть? Философы, по его мнению, обязаны стать хранителями высших религиозных ценностей, которые олицетворяет верховная власть государя. Именно это делает их представителями как народной мысли, так и царской воли. Но в наше время нет необходимости подчинять государство церкви, а философию — христианскому государству. Они давно существуют раздельно, хотя и в тесном взаимодействии друг с другом.

Каково же тогда предназначение современной отечественной философии в ситуации раскола российской элиты и цивилизационного противостояния с Западом? Сможет ли она выстроить мост между расколотыми частями и предложить близкие им всем ценностные приоритеты? Полагаю, что смо-

жет, но лишь при условии самоизменения и принятия установки на служение собственному государству, каким бы далёким от идеала оно не было. Сформулирую в этой связи некоторые положения.

Первое. Философия, чтобы быть востребованной государством и обществом, должна быть *культуроцентричной*, т.е. вырастать из глубин, из самого ядра собственной культуры. Именно на этом настаивали русские философы XIX в. и классические евразийцы (П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Н.Н. Алексеев, Г.В. Фроловский, П.П. Сувчинский и др.). И пока современные отечественные философы не смогут выразить логику смысла своей культуры (или культур) и представить её в новых концепциях, трудно рассуждать о культурных основаниях самой философии и её способности противостоять чужому цивилизационному влиянию.

А что же происходит с нынешними поколениями философов? На словах их призывают к идеологической нейтральности, а на практике большинство философов руководствуются европоцентристской и в целом западноцентристской логикой смысла, что не мешает им, конечно, критически относиться к Западу. По словам А.В. Смирнова, западная цивилизация руководствуется субстанциальной логикой, центрированной на субъекте [7, 173-174], и добавлю от себя – на его представлениях о правах и свободах (свободе слова, праве на частную собственность и пр.). Поэтому следует признать, что большинство философских исследований в России проводятся в соответствии с западными традициями. Нам только ещё предстоит «вырастить» свою культууроцентричную философию, прежде чем доказать её практическую востребованность со стороны государства в лице его официальных представителей.

Второе. Философия должна быть *общественно значимой*, т.е. быть публичной дисциплиной и служить высоким общественным идеалам, а не интересам бюрократической корпорации, прикрывающейся вывеской «российское государство». А это потребует не только изменения философского самосоз-

нения, но и трансформации самого государства, что связано в свою очередь с преодолением либерально-западнического духа бюрократической корпорации и выработкой общественно-государственной идеологии, соответствующей логике культуры российской цивилизации.

Увы, постсоветское российское чиновничество не только не утратило, но и укрепило свой бюрократический дух. Кроме того, оно продолжает во многом культивировать западные корпоративные ценности и игнорировать общественные идеалы, характерные для большинства наших соотечественников. Свидетельств тому более чем достаточно. Либерально-западническая часть высшей бюрократии, будучи «государством в государстве» или мегакорпорацией, создает подконтрольные ей корпорации снизу, что порождает множество малых и средних бюрократических структур, в т.ч. в академической науке и университетском образовании. Как говорят, подобное притягивает подобное. Замечу, что не только притягивает, но и умножает.

Ещё раз подчёркиваю, идеология в России возможна только как конвенциональная по форме и общественно-государственная по сути система идей, укоренённых в собственной культуре. А значит, философы призваны отстаивать общественные идеалы, вырастающие из недр своей культуры, а не навязанные им извне, и побуждать государство к диалогу с обществом, чьи интересы оно должно отстаивать. Нам необходимо постепенно преодолевать губительные последствия либеральных реформ в сфере высшего образования и науки. В то же время нельзя принимать целиком православный уклон и утопический этатизм, свойственный определённой части консервативно-патриотической интеллигенции, в т.ч. неоевразийцам.

Таким образом, одной из главных задач нынешних поколений отечественных философов выступает разворачивание «критики критической критики», если иметь в виду под «критикой» анализ попыток отдельных мыслителей законсервировать православно-монархический или иной авторитарный

режим, а под «критической критикой» — опыт либерально-западнической интеллигенции в ниспровержении «идолов» советского (коммунистического) строя и изобличении всего «советского», который особенно ярко проявил себя в 1990-е гг., а сегодня продолжает вытравливать в стране всё «российское» и «самобытное» (пример — формирование негативного образа русского мира).

Одним словом, с позиций «критики критической критики» необходимо подвергнуть не только критическому, но творческому переосмыслению как либерально-западнические, так и консервативно-патриотические идеи, чтобы выработать на этой основе культуроцентричные общественные идеалы, наполняющие конкретным содержанием государственную идеологию. В этом и заключается, на мой взгляд, участие отечественных философов в идеологической работе, сколь бы негативно к этому ни относились мои предполагаемые оппоненты.

Третье. Философия, чтобы быть полезной российскому государству, должна быть формой *гуманистического познания*, обосновывающей приемлемые в нравственном смысле средства для достижения государственных целей. «Истинно русский человек, христианин... полон благоволения ко всему человеческому — к добру, красоте и правде в каждом смертном» [2, 287]. Это же относится и ко всем философам современной России, принадлежащих к другим конфессиям.

К сожалению, ныне, как и в конце XIX века, в мире снова возобладала человеконенавистническая идеология, которая прикрывается радикально-религиозными и даже откровенно нацистскими лозунгами. Об этом свидетельствуют многочисленные конфликты, возникающие на геополитической и этнорелигиозной почве в разных уголках мира, в т.ч. на границах Российской Федерации. Поэтому философы призваны противостоять такой идеологии и предлагать пути гармонизации отношений между отдельными людьми, народами и государствами. «Миролюбие и кротость, любовь к идеальному и открытие образа Божия даже под оболочкой временной мерзости и позора — вот идеал русского мыслителя, мечта русской

нравственной философии» [2, 287]. К этому следует добавить, с точки зрения Соловьёва, жажду духовного равенства и истинную соборность сознания российских людей.

Надо отметить, что распространённый ныне когнитивный аппарат и условный моральный облик российского философа во многом срисован с его западного коллеги, у которого на первом месте стоят субстанциализм, рационализм, сциентизм и плюрализм. То, в чем состоит собственная этическая и когнитивная позиция отечественного философа, пока не прояснено до конца. Но я не уверен, что он должен руководствоваться исключительно познавательными и этическими средствами западной философии, игнорируя собственные исследовательские (и шире – культурные) традиции. Но и миролюбие или любовь к идеальному, воплощённому в образе Бога, вряд ли помогут современному российскому философу выработать свое видение настоящего и будущего России, которая оказалась сегодня в состоянии открытого военно-политического и духовно-культурного столкновения с западной цивилизацией.

Опыт познавательной деятельности русских религиозных мыслителей демонстрирует нам то, что философия не должна превращаться в подобие науки и следовать её канонам (сциентистская установка). Последняя может также вступать в союз с религией (пример – религиозная традиция в русской философии), становясь частью общего дела всей духовной элиты общества (религиозная ориентация). Кроме того, Н.А. Бердяев и другие русские философы подчёркивали гуманистическую и виталистическую (жизнеутверждающую) функции отечественной философии, т.е. её стремление к благоговению перед человеком и благоговению перед жизнью вообще. И это далеко не всё, что характеризует российскую философию в познавательном и нравственном плане. Но главное – сохранить гуманистический вектор развития российской философии, которой пока не удалось предложить и обосновать конвенциональную и человекообразную модель цивилизации, способную преодолеть раскол элиты и стать идей-

ной альтернативой западной цивилизации.

Четвёртое. Если признать, что философы являются слушателями и творцами культуры, чем они и могут быть полезны государству, то их деятельность должна опираться на развитую *инфраструктуру* (институты, фонды, периодические издания, технические средства и пр.), соразмерную их творческому потенциалу. Инфраструктурная составляющая философии (в т.ч. философские издания) призвана «дать полный простор русской мысли, искренней проповеди человеческого добра и вселенской правды...» [2, 288]. И отставание материально-технической и структурно-организационной базы является одним из факторов, тормозящих развитие философии в современной России.

Вот здесь нам пригодится язык цифр. Возьмем, к примеру, обеспеченность России философскими журналами. По данным РИНЦ в стране зарегистрировано 261 тыс. исследователей, имеющих прямое или косвенное отношение к философии. А это – целая армия. Конечно, многих из них уже нет в живых и далеко не все из живущих работают в философии в качестве исследователей и преподавателей. Но специалистов, регулярно публикующих (или опубликовавших) труды по философии, насчитывается примерно 10 тыс. человек. К ним необходимо добавить множество аспирантов и соискателей, которые готовят диссертации по философским наукам.

При этом количество журналов, которые публикуют статьи по философии, составляет 481, в т.ч. 160 журналов, включенных в ядро РИНЦ, 74 журнала входят в перечень ВАК РФ и 120 журналов имеют высокий рейтинг по числу цитирований (свыше 1000 ссылок) (см. прим. 3).

Я рад сообщить, что журналы Российского философского общества (РФО) имеют устойчивый рейтинг. Так, например, журнал «Личность. Культура. Общество» занимает 10 место по цитируемости среди 196 философских журналов, представляющих полные тексты в базу данных РИНЦ (2519 статей и 7198 цитирований), а «Вестник РФО» – 27 место при 3380 цитированиях (см. прим. 3).

Но достаточно ли такого количества философских журналов для того, чтобы обеспечить потребности в публикационной активности исследователей, в т.ч. членов РФО? Конечно, нет. Так, опубликоваться в философских журналах, входящих в перечень ВАК, могут далеко не все желающие (по моим подсчетам примерно 9 тыс. чел. из 25-30 тыс.). Не удивительно, что к защите допускаются только 12% аспирантов, а многие преподаватели философии не выполняют своих научных обязательств и регулярно не публикуются.

Всё ли делает российское государство для того, чтобы укреплять издательскую базу и иную инфраструктуру философии? Ответ очевиден. И это одна из причин (наряду с усилением бюрократической регламентации и засильем западных идей) того, почему многие философские журналы прекращают издание, а исследователи не могут удовлетворить свои потребности в публикациях. К сожалению, по этим и другим причинам мы вынуждены завершить издание журнала «Личность. Культура. Общество» с 2024 г.

Таким образом, отечественная философия, чтобы соответствовать вызовам эпохи и быть востребованной собственным государством, должна стать более культуроцентричной, общественно значимой и публичной, гуманистически направленной и инфраструктурно обеспеченной. Но достаточно ли этих изменений в положении философии и философов, чтобы ей обрести статус государственной дисциплины?

Что значит для философии быть государственной дисциплиной? А теперь перейду к рассмотрению следующей группы вопросов:

- возможно ли философам служить государству в ситуации господства корпоративно-бюрократических структур и доминирования либерально-западнической интеллигенции?

- как самой академической науке, в т.ч. философии, избежать бюрократизации и не превратиться в придаток государственно-бюрократической корпорации?

Мой самый краткий ответ на первый вопрос таков: да, философам нужно и должно служить государству, способствуя

при этом его трансформации в жизнеспособный, человеко-размерный организм и препятствуя его окончательному превращению в либерально-бюрократическую корпорацию. Перейду теперь к детальным пояснениям.

Во-первых, в первом приближении государственной называют философию, которая *финансируется государством* (научно-исследовательские институты РАН, философские кафедры и факультеты вузов, кабинеты философии колледжей, философские издания и пр.). Но является ли отечественная философия государственной по духу? И в какой мере можно относить к ней работы независимых исследователей и исполнителей грантов, финансируемых частными научными фондами?

Ответы на эти и другие вопросы не столь очевидны, поскольку предполагают обсуждение фактов участия философов в выработке и реализации государственной идеологии определённого типа. Но так как единой идеологии в российском государстве нет, да и не может быть де-юре (по действующей Конституции РФ), то остается признать, что де-факто философы вынуждены исполнять идеологические стандарты, навязываемые им представителями либерально-западнического крыла бюрократии.

Так называемое «глубинное государство», несмотря на не очень удачный и расплывчатый по смыслу термин, продолжает свой губительный (пролиберальный по сути) курс вопреки заявлениям Президента РФ о кризисе либерализма и исчерпанности потенциала либеральных реформ. Иначе как объяснить многочисленные свидетельства сохранения западно-либеральных идей и технологий в сфере образования и науки со стороны государственных чиновников (например, замораживание, а не полная отмена Болонского процесса, копирование западных образовательных программ и форм обучения, заимствование зарубежных критериев и методик оценки результативности научно-образовательной деятельности, использование западных баз данных для определения рейтинга публикаций отечественных авторов в научных жур-

налах и пр.). И эти процессы продолжаются даже в условиях нарастающей конфронтации с Западом.

Одним словом, отечественная философия, несмотря на переживаемый страной момент, по-прежнему находится в интеллектуальной и финансовой зависимости от Запада. Но нашим «старшим братьям» прямо или косвенно оказывают содействие отдельные группы чиновничества и интеллектуалов. И это происходит, несмотря на то, что исторический опыт уже показал, что либеральная прививка обществу и государству, проведённая в 1990-е гг., не принесла ощутимых и полезных плодов. Напротив, многовековое цивилизационное противостояние России и Запада продолжает только усиливаться. А это значит, что русская философия, как и вся русская культура, продолжает испытывать на себе не только внутреннее, но и внешнее давление. Ей ещё только предстоит отделиться от «материнской пуповины» западной философии, продолжая изучать многовековой опыт последней. Вопрос же о том, стоит ли государству финансировать прозападные исследования философов, я оставляю открытым.

Во-вторых, философия, как известно, может служить государству и целям «мирового разума» главным образом в контексте *рефлексивного освоения* (и присвоения) *собственной культуры* и критически-избирательного отношения к чужим культурам. Не случайно Н.С. Трубецкой и другие классические евразийцы призывали к построению идеократического государства, базирующегося на русской культуре и православной религии. Культура, с их точки зрения, первична по отношению к государству. Поэтому философам нужно и должно служить государству, которое в свою очередь подчинено культуре. А значит, они призваны сохранять свою культуру, защищая тем самым тот базис, на котором должно быть построено государство.

А что же делать с тем государством, которое мы имеем, со всеми его недостатками и пороками, не подлежащими перечислению в силу небольшого объёма данной статьи? Исторически оно сформировано на чужом культурном и политическом базисе. Поэтому, на первый взгляд, оно недостаточно

культуросообразно и его надо «окультуривать», т.е. пересаживать на собственную культурную и социальную почву. И казалось бы философии здесь принадлежит величайшая *культуротворческая миссия*. Именно она, претендуя на то, чтобы быть *самосознанием культуры*, отвечает в первую очередь за рефлексивное и проектное сопровождение взаимоотношений между культурой и обществом-государством.

Но так ли это происходит на практике? Или отечественные философы продолжают «умножать сущности» и находиться в чужой системе культурных координат, так и не включившись до сих пор в общенациональный цивилизационный дискурс? Иными словами, они продолжают дело «большого брата». Да, достучаться до небес (высшей власти) и пробить стену, возведённую бюрократией, снизу сложно. К тому же и власть не особенно балует философов, ограничивая возможности их публичного участия в обсуждении важнейших мировоззренческих проблем. Увы, философы задают слишком много неудобных вопросов, ставящих под сомнение действия и реформы самой власти. Пусть уж лучше занимаются в тиши кабинетов интерпретацией своих «вечных проблем», а не критическим анализом повседневного бытия людей в нынешнем государстве.

Но всё это нисколько не снимает вопрос о мировоззренческой и гражданской ответственности самих философов. Они по-прежнему идеологически разобщены, а потому не могут служить государству в полной мере. Различие между ними заключается в том, какое цивилизационное будущее они предсказывают. И вот здесь их дороги расходятся. Но всё же надо попытаться найти точки соприкосновения между ними. Для этой цели как нельзя лучше подходит Российское философское общество, в стратегию которого входит поиск путей интеграции ценностных ориентаций философов. Только так мы можем приблизиться к служению государству.

В-третьих, философия может и должна служить не только идеальному государству, представленному в утопиях Платона или тех же евразийцев, а также других мыслителей про-

шлого, но и реальному, в т.ч. *авторитарному, государству*, пораженному бюрократической коррозией и вирусом коррупции. Как сказал бы В.С. Соловьёв, наше государство надо лечить, избавляя его от бюрократического диктата среднего эшелона власти (правительственных чиновников) и усиливая влияние христианской религии. Ему бы, наверное, возразили евразийцы, заявив о том, что причина болезни как раз и заключается в отсутствии подлинной идеологии и её основного субъекта — правящего отбора, который, в отличие от бюрократии, служащей собственным интересам и представляющей «государство в государстве» или «глубинное государство», способен принести себя в жертву ради реализации евразийской идеи.

Но проблема заключается также в том, что бюрократия, однажды поселившись в нашем общем доме (государстве), становится доминирующей формой власти, вытесняя другие формы, в т.ч. прямое народовластие (демотию), которое предлагали учредить евразийцы вместо царского (а затем и большевистского) режима. Но, как говорится, до Бога высоко, до царя далеко, а чиновники всегда находятся рядом и в непосредственной близости от тех, в чьей судьбе они принимают участие. Их нельзя обойти. Поэтому им грех не воспользоваться своей «срединной» позицией и под ширмой государственных дел продолжать свою частно-корпоративную деятельность. А что же остаётся делать философам и другим представителям интеллигенции? Ведь это об их ситуации сказал Чацкий в «Горе от ума»: «служить бы рад, прислуживаться тошно».

Убеждён, что отечественные философы в своем большинстве готовы служить высоким идеалам и ценностям, записанным в Конституции РФ, но они не могут прислуживать интересам компрадорской (по сути) и околонаучной (по характеру) бюрократии, ориентированной главным образом на западные исследовательские стандарты, или «быть на подхвате» у разного рода дельцов от науки. Возможно потому, что это не соответствует их идейным установкам и нравственным принципам. А, возможно, ещё по какой-то иной причине.

Однако, очевидно, что для многих отечественных философов служение её величеству Истине и служение государству не противоречат друг другу, хотя их опыт общения с последним не позволяет относиться к нему с должным доверием. Примечательно, что нынешнее российское государство оказалось в значительно большей степени подвержено бюрократизации и коррупции, чем советское государство, хотя я нисколько не намерен идеализировать советский строй. Думаю, что одна из причин этого связана с тем, что у нынешних чиновников значительно меньше идейных и моральных преград, чем у их советских предшественников.

Каждый раз, вступая во взаимодействие с государством, мы наталкиваемся на новые, всё более изысканные бюрократические барьеры и связанные с ним ограничения в нашей профессиональной деятельности. Поэтому нас не оставляет страх перед Левиафаном, который выступает в разном обличье. Увы, либеральный тоталитаризм, вырождающийся местами в откровенный либерал-фашизм, представляет сегодня не меньшую опасность, чем обыкновенный нацизм. Правда, в отличие от последнего, он действует в долгосрочной перспективе, постепенно загоняя людей в сети социальной сегрегации и тиски тотального (информационного, потребительского и пр.) контроля. К этому следует добавить практикуемые на Западе такие методы, как «отмена культуры», принижение и размывание традиционных ценностей, конструирование «нового человека», гендерные технологии, форматирование сознания и др.

И всё же, несмотря на трудности, философы должны научиться работать с той частью бюрократии, которая относится к науке как к национальному достоянию России. Хочется надеяться, что таких осталось ещё не мало.

В-четвертых, опасность либерально-западной бюрократизации отечественной науки в целом и философии, в частности, заключается ещё и в том, что она проникает в наши умы и повседневное общение, становясь частью *научного этоса*. Дело в том, что, перенимая чужие образцы, «организаторы»

науки и образования создают аналогичные государственным корпоративно-бюрократические структуры, которые не подотчетны рядовым исследователям и преподавателям философии. Как и любая корпорация, они закрыты для участия посторонних. Членство в них определяется корпоративным отбором, в котором принимают участие только действующие члены. Всё это находится далеко от идеи правящего отбора евразийцев.

И всё же признание бюрократического несовершенства правительственной бюрократии и навязанной ею западной системы регламентации науки не избавляет философов от ответственности за формирование образа будущего страны и государства. Нельзя предоставлять чиновникам монопольное право самим решать то, какими будут или должны стать российское государство и цивилизация. Они и так превратили их во многом в собственную вотчину, разделив между собой сферы влияния и финансовые потоки. И на этом «празднике жизни» обычным философам и учёным, не наделенным руководящими привилегиями, уже давно не осталось места. Поэтому им надо самим определиться с тем, как они должны действовать на государственной службе вопреки тому, что последняя подчинена в значительной мере логике чужой культуры и интересам компрадорской части политической элиты.

Как философы могут служить государству? Слагаемые служения. Ранее мы выяснили, что философия в России является, помимо прочего, государственным делом. И отечественные философы, хотя они этого или нет, служат не идеальному государству, а тому государству, которое они имеют. Они обязаны наладить сотрудничество с конструктивной и патриотической частью государственной бюрократии. Впрочем, никто не запрещает им культивировать образы другого (например, идеального) государства. Но пусть это остаётся их частным делом.

Представлю теперь некоторые предложения по плану возможного участия философов в деятельности государства. Я намерен рассмотреть вкратце слагаемые философской деятельности, которые могут быть полезны государству. А это, на

мой взгляд, – философские интуиции, идеи, концепции, практики, сотрудничество («симфония»), рефлексия и ирония.

1. *Философская интуиция.* Интуиция (от лат. *intueri* – наблюдать, созерцать) предшествует всему процессу философского познания мира, рассматриваемого в целостности и во всем его многообразии. Как известно, философы имеют дело с целокупностями. По Н.А. Бердяеву, философия и есть не что иное как «целостная реакция духа на совокупность бытия». Поэтому философская интуиция – это целостное схватывание любых предметов или явлений путем их бессознательного постижения (инсайт, озарение и пр.).

Следовательно, философы проникают в «запредельную сущность мира» посредством интуитивного постижения и на основе первичного погружения в реальность, связанного с её переживанием, чувственным (или сверхчувственным) восприятием. Но интуиция интуиции рознь. Можно предположить, что государству интересна в первую очередь интуиция, позволяющая схватить культурно-цивилизационную целостность России и представить её в виде идей и концепций.

2. *Философская идея.* Считается, что философы сильны, прежде всего, своими идеями (конечно, при условии, что эти идеи оказывают влияние на окружающих и являются востребованными представителями власти). Хочется также верить, что именно в качестве авторов и носителей идей они представляют интерес для государства и общества. Известно, что идея (греч. *idéa*) есть не что иное, как «форма постижения мира в мысли» (см. прим. 4). Принято считать, что она выступает в виде устойчивого прообраза того или иного явления (предмета), схватывая его главные или сущностные черты. Другими словами, идея выражает основную мысль о сущности какого-либо феномена.

Как правило, формулирование идеи начинается с проблематизации. В этом смысле идея есть логически обоснованный способ решения философской проблемы. Но далеко не всякая проблема попадает в фокус философии и трансформируется в идею. Философской считается проблема, характеризующая

всеобщие основания противоречия между человеком (субъектом познания и практики), с одной стороны, и миром, с другой. Иначе говоря, это — предельные вопросы о мире, в котором мы существуем, и о способах его постижения.

Сегодня, когда в мире происходит столкновение цивилизаций, нам нужны не просто идеи, а сильные и продуктивные идеи. Вспомним слова К. Маркса: «Идея становится материальной силой, когда она овладевает массами». Как редактор одного из философских журналов могу отметить, что идеи, предлагаемые большинством авторов статей, следует рассматривать скорее как «идеи идей» или представления о должном, а не как руководящие и конструктивные положения, которые способны, к примеру, направлять и «одухотворять» деятельность государственных служащих. Увы, философы слишком далеки как от народа, так и от тех, кто принимает решения на государственном уровне. Всё это связано, так или иначе, не только с недостаточной активностью философов в публичном пространстве современной России, но и с отсутствием «прорывных» идей («бросков мысли» по Эпикуру).

К примеру, одна из главных проблем современной России — проблема справедливости, которая, разумеется, не может быть решена раз и навсегда. Об этом писал тот же Эпикур. «Справедливость не существует сама по себе; это — договор о том, чтобы не причинять и не терпеть вреда, заключенный при общении людей и всегда применительно к тем местам, где он заключается» (см. прим. 5). А значит справедливости вообще не существует. Она формулируется каждым народом и каждой цивилизацией самостоятельно.

Это относится и к российскому государству-цивилизации. По словам В.С. Соловьёва, необходимо «трудиться над освобождением России от явных общественных неправд... Русский народ не пойдёт за теми людьми, которые называют его святым только для того, чтобы помешать ему быть справедливым» [2, 295]. Философы же предлагают разные идеи справедливости, хотя лишь немногие из них могут оказаться полезными для государства как материал для принятия решений. Но

справедливость в образе Правды, привязанной к культурно-историческому контексту России и её регионов, — вот что должно стать предметом их исследований в ближайшие годы.

Другой пример относится к разным интерпретациям русской идеи. Тот же Соловьёв писал следующее: «...Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [3, 220]. Можно предположить, что русский мир может быть определён как пространство справедливости или Правды («истины во благе»). Но не так думал сам В.С. Соловьёв, который видел цивилизационное будущее России в лоне Вселенской церкви. Именно Россия, с его точки зрения, соответствует трем условиям: духовный авторитет первосвященника, символизирующего прошлое; наличие сильной светской власти национального государя (главы государства), олицетворяющего настоящее; свободное служение пророка, представляющего идеальное будущее человечества [3, 242]. Не буду здесь вдаваться в критический анализ данного высказывания. Своё отношение к цивилизационному проекту Соловьёва я высказал в соответствующей статье (см. [8]).

Однако мне импонирует не столько идея Вселенской церкви, сколько идея всечеловечности, у истоков которой стояли Н.Я. Данилевский и Ф.М. Достоевский. Одна из удачных интерпретаций этой идеи принадлежит А.В. Смирнову [7]. Предположительно, с точки зрения последнего, всечеловечность можно соотнести с русской идеей как общее («всецеловечность» — идентичность второго уровня) и особенное («русскость» — идентичность первого уровня).

К идее всечеловечности близка евразийская идея, о которой как об идее-правительнице писал один из главных представителей классического евразийства Н.С. Трубецкой. Это — идея свободного развития всех тех народностей, языков, религий и т.д., т.е. всех субъектов, которые составляют симфоническую культуру-личность или всесубъектность в понимании А.В. Смирнова [7, 180]. А евразийская идентичность состоит в том, что «...человек будет сознавать не только самого себя, но и свой класс и свой народ как выполняющую опре-

делённую функцию часть органического целого, объединённого в государство» [5, 442]. Другими словами, он (человек) в понимании евразийцев – осознающая себя часть особого мира (или цивилизации в моем понимании – Ю.Р.). Осознание себя частью особенной цивилизации и есть краеугольный камень культурной идентификации.

Именно евразийской идеей должен руководствоваться, с точки зрения Трубецкого, так называемый правящий отбор, избираемый по признакам общности мировоззрения и готовности к самопожертвованию [5, 439]. При этом русский мыслитель ставит вопрос так: каково то целое, ради блага которого нужно жертвовать своей жизнью? И сам же на него отвечает. Это – ни класс, ни народ и даже ни человечество в целом. Между конкретным народом и человечеством лежит особый мир, который представляет собой «совокупность народов, населяющих хозяйственно самодовлеющее (автаркическое) месторазвитие и связанных друг с другом не расой, а общностью исторической судьбы, совместной работой над созданием одной и той же культуры или одного и того же государства...» [5, 441].

Следовательно, цивилизация и есть то самое целое, ради которого должны жертвовать собой представители правящего (и не только) класса. А философы обязаны им помогать осмысливать процессы цивилизационного развития и определять его ценностные и мировоззренческие критерии. Для этого те и другие должны научиться работать вместе и воспринимать цивилизацию как свой общий дом. Месторазвитие цивилизации как раз и указывает нам на этот дом. «Дом есть фундаментальная цивилизационная ценность человека, отнесенная к топосу» [6, 276]. С этой точки зрения, цивилизовывание является не только «окультуриванием», но и «одомашниванием» конкретной территории, чем и обязаны заниматься государственные деятели с помощью философов.

Одной из «сильных» идей является также идея России как государства-цивилизации. Об этом размышляют, в частности, В.И. Спиридонова и В.Н. Шевченко (см. прим. 6). Россия – это государство, которое представляет собой уни-

кальную цивилизацию, как Китай или Индия. «Государство-Цивилизация может вступать во взаимодействие с внешним миром, но никогда не впадает от него в зависимость и всегда сохраняет самодостаточность, автономию и автаркию» (см. прим. 7). В целом эта идея близка евразийству, поскольку делает акцент на сильной государственной власти, исторической преемственности, культурном единстве страны и общей цивилизационной идентичности.

Ещё хотелось бы назвать идею экологической цивилизации в России, в основе организации которой лежат принципы допустимости (допустимого вмешательства в социоприродные процессы) и сбережения среды существования, включая людей, а также культурное и биологическое разнообразие всего мира. Об этом я уже писал в одной из своих статей [9].

Таким образом, отечественные философы располагают рядом идей (справедливость-правда, русский мир, всечеловечность, симфоничность, государство-цивилизация, экологический вектор и др.), которые определяются культурной спецификой российской цивилизации и могут оказаться полезными для патриотически настроенных государственных деятелей. И из всего многообразия мнений, позиций и идей философам как участникам государственной программы (проекта) необходимо выбрать и обосновать опорные конструкции того корпуса полученного знания, которое станет в дальнейшем базисом их концепций.

3. *Философская концепция.* «Концепция связана с разработкой и развёртыванием личного знания, которое, в отличие от теории, не получает завершённой дедуктивно-системной формы организации, и элементами которого являются не идеальные объекты, аксиомы и понятия, а концепты — устойчивые смысловые сгущения, возникающие и функционирующие в процессе диалога и речевой коммуникации... Референциальное отношение к предметам в них опосредовано речью Другого и моей речью, ориентированной на Другого. Каждый элемент концепции коррелирует не с объектом, а с целостностью личного опыта» (см. прим. 8).

Следовательно, концепция (в отличие от теории) – это промежуточный продукт философского творчества. В ней ещё присутствуют личные «включения» (экзистенциальный опыт и персональные наслоения), но они уже опосредованы дискурсом. Без построения развернутой концепции невозможна разработка программы, поддержанной или финансируемой государством. Ведь в любом случае необходимо начинать с формулирования руководящей идеи, которая в процессе дискурса наполняется новым содержанием, «обрастает» концептами и тем самым становится конвенциональной концепцией.

Так, например, из идей *свободы и равенства* вырастают целостные концепции, имеющие разную идейную направленность (социализм – капитализм, коммунизм – либерализм и др.). По мнению В.С. Соловьёва, свобода и равенство для большинства народа являются отвлечёнными понятиями. Верховная власть и собственность принадлежат богатой буржуазии, т.е. капиталистам, что ставит последних в заведомо привилегированное положение [4, 9]. Поэтому стремление социализма к равноправию материального благосостояния вполне оправдано. Однако его претензии на роль духовно-нравственной силы, с точки зрения русского мыслителя, не вполне обоснованы. Как он полагает, восстановление прав материи при социализме ничуть не лучше торжества прав эгоизма при либерализме.

Столь же необоснованным Соловьёв считает и провозглашение социализмом принципа справедливости как самоограничения «своих прав в пользу чужих прав...» [4, 10]. Можно, конечно, не согласиться с такой трактовкой, тем более, что далее русский мыслитель заключает, что если христианство требует отдавать своё, то социализм предлагает брать чужое. Я не буду спорить с данной формулировкой, которая мне представляется неточной и надуманной. Отмечу лишь, что столь же критически Соловьёв относится к капитализму, заявляя, что общественный строй, основанный на эгоизме отдельных лиц, порождает под вывеской соревнования или конкуренции вражду и общественное зло [4, 11]. Такова при-

рода современного капитализма. И далее следует вывод Соловьёва: только христианство есть безусловное начало нравственной жизни. И в его проекте Вселенской церкви оно должно послужить альтернативой как социализму, так и либерализму. Надо отметить, что такой подход в начале XXI века представляется мне утопичным, а социализм и капитализм ещё рано списывать с исторической арены. Вероятно, в разных комбинациях они продолжают своё существование в нынешнем веке. А вот христианство подвергается давлению не только со стороны других мировых религий, но и изнутри, что связано не столько с расколом его ветвей, сколько с внутренним кризисом.

В свою очередь Н.С. Трубецкой, развивая евразийскую идею, предлагает концепцию *идеократического государства* или государственно-идеологической организации, которая управляется правящим слоем — «совокупностью людей, фактически определяющих и направляющих политическую, экономическую, социальную и культурную жизнь общественно-государственного целого» [5, 407]. При этом каждому типу отбора соответствует своя форма правления: аристократическому отбору — монархия, которая прекратила свое существование, демократии и плутократии — республика. Идеократия же приходит им обоим на смену. Она предполагает правящий отбор с новым мирозерцанием, а в качестве цивилизационной основы — всю «совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация...» [5, 423].

Но насколько актуальны эти концепции в наше время? Ведь идеалы идеократического государства далеки от реальности, сложившейся у нас за последние тридцать лет. И столь же нереалистичными являются западные образцы национального и демократического государства, которые так и не прижились на нашей культурной почве. Какому же государству должны тогда служить философы? Если взять на вооружение уже названные идеи и концепции, отстаивающие самобытный путь России, то мы можем иметь дело с концепциями государства-цивилизации, идеократической (социалистичес-

кой или буржуазной) и экологической цивилизации. Но всё это требует, разумеется, дальнейшего обоснования. И не стоит надеяться, что большинство российских философов примут эти концепции на вооружение. Я не уверен, что наши философы смогут предложить сегодня нынешнему государству конвенциональные решения. Предстоит длительный процесс их идейно-ценностной консолидации.

4. *Философская практика.* Считается, что философия не ставит перед собой практических задач, оставаясь в пространстве абстрактных истин. Но это далеко не так. Сложилось разное направления практической философии. Вот одно из них: «Практическая философия (софология) – это философия, имеющая целью воздействовать на людей силой мысли через посредство слова, убеждения... » (см. прим. 9). Имеется также движение по распространению философских практик (см. прим. 10). Несмотря на разнообразие подходов, ясно одно, что философы осуществляют собственные практики в публичной сфере, переводя в реальность свои идеи и концепции. И этим они потенциально могут быть полезны государству и обществу.

Но что же такое философская практика? Прежде всего, это – деятельность по применению философских идей и концепций для решения конкретных мировоззренческих проблем общества, организации или конкретного клиента. К числу практик следует отнести, на мой взгляд, такие виды философской деятельности, как аналитика, метафизическое проектирование, рабочие совещания (научно-практические семинары, диалоги, организационные игры и пр.), выполнение госзаказов и мировоззренческое консультирование. Именно они чаще всего применяются в работе с органами государственного управления. Однако востребованность государством большинства философских практик не слишком велика, если не сказать ничтожна. А пока преобладает практика выполнения государственных заданий, которые вписывается в нынешнюю систему управления наукой.

И здесь важно отметить ещё одно обстоятельство. Отечественные философы, настаивая на своей идейной и профес-

сиональной автономии, так и не смогли до сих пор наладить диалог с властью. А значит, их проекты и практики по-прежнему далеки от момента их публичного признания и последующей реализации, о чем уже было сказано ранее. Конечно, можно сколько угодно обвинять в этом саму власть, присваивая ей ярлыки авторитарности, недемократичности, колониальности и пр. Но не лучше ли признать, что реальность власти такова, какова есть. И другой власти или другого государства у нас не будет в ближайшей перспективе. А, следовательно, ещё раз подчёркиваю, нужно научиться работать с конкретными представителями государственной власти, постепенно, шаг за шагом подвигая их к культуроцентричным философским практикам.

5. *Философская симфония.* Существует мнение, что философ мыслит о всеобщем, опираясь, с одной стороны, на собственный экзистенциальный опыт, а с другой, на достижения философской мысли великих предшественников. Иными словами, его философская практика (например, проект) вырастает не только из глубин самосознания, но из всего наследия, которое ему удалось освоить и переработать. Следует также отметить, что практически у каждого философа есть свой персональный проект или проект его философствующего «Я», которое характеризуется особым складом мировоззрения и индивидуальным стилем (или авторской манерой исполнения), представленным в речи, тексте, жестах, характере самовыражения.

Когда же мы говорим о служении философии государству, то речь идет уже не об особом опыте философов (их проектах или индивидуальных траекториях движения внутри философии или философского сообщества), т.е. не о его личном призвании, а об общем деле. Государству не может служить отдельный философ со своим персональным проектом, который разрабатывается с учётом индивидуальных интересов. Государственная служба — удел всего философского сообщества. Каждый из нас служит государству вместе с другими представителями философского цеха. Сам же характер

такой деятельности классические евразийцы называли симфоничностью или «сорботничеством». Не пора ли на этом основании приравнять философов, как и учителей или врачей, работающих в государственных учреждениях, к государственным служащим?

Таким образом, быть на службе государства означает для философа стать частью общего дела коллективного организма (сообщества, институции и пр.), встроенного в социокультурное целое (цивилизацию). Именно этим мы должны заниматься, выполняя государственные задания и программы. И здесь мы обязаны по возможности воздерживаться от личных амбиций и идейных предпочтений, о чём писал и В.С. Соловьёв. «Всякое исключительное отстаивание своей личности, своей односторонней личной правды — есть грубое самозванство, есть подражание духу чуждому, иноземному. Всякое глумление над правдою только потому, что она не моя правда, есть оскорбление правды — вечной, общечеловеческой. Если русскому народу суждено получить значение в будущих судьбах человечества, то лишь как носителю великой истины взаимного дополнения духовных личностей, нравственного единения всех людей, — превознесённых и униженных, знающих и только ищущих знание и правды» [2, 288].

Следовательно, субъектом такой правды может выступать только вся совокупность людей, которую евразийцы именовали культурно-личностью или симфонической личностью. Отечественная философия призвана вырабатывать целостное мировоззрение и реализовать свою исследовательскую программу, адресуя её симфонической личности (всему обществу) и участвуя тем самым в общем деле. Ещё раз повторяю, служение философии государству возможно, прежде всего, как коллективное предприятие, подобное оркестру, в котором каждый музыкант играет свой фрагмент композиции и исключительно на том инструменте, которым он владеет в совершенстве. Только так может сложиться нравственное единение и духовное сорботничество в российском обществе, т.е. социокультурная симфония.

Ведь философское сообщество России и есть тот самый оркестр, где первую скрипку, как правило, доверяют играть не просто самому опытному или продвинутому музыканту, а человеку-симфонии, способному слиться со всеми в едином творческом процессе и вместе с ними создать уникальное произведение. А ещё философскому оркестру нужен талантливый дирижер (человек-оркестр), который способен не заглушать голос каждого участника, а поддерживать гармонию и создавать единый строй мысли. Единомыслие здесь – не признак тоталитаризма, а проявление симфоничности всей государственной философии. Без солидарности (не путать с лояльностью) невозможно служение философии государству или обществу. К сожалению, в нашем философском сообществе явно не хватает первых скрипок, как, впрочем, и дирижеров. А без них трудно вообразить себе образование симфонического оркестра государственной философии.

6. *Философская рефлексия и ирония.* Как известно, рефлексия (от позднелат. reflexio – «обращение назад») есть способ самопознания, характеризующийся особым поворотом сознания на самое себя и вынесением Я «за скобки» рассматриваемой ситуации, а ирония (от др. греч. eironeia/εἰρωνεία – притворство) – неотъемлемая часть философской рефлексии, которая подвергает сомнению что-либо в виду его неявного смысла, кажущегося окружающим неистинным.

С этой точки зрения, философы не должны относиться к себе и своим произведениям слишком серьезно, избегая при этом живого дискурса и не проверяя свои идеи и концепции на практике. Иначе они рискуют превратиться в «ходячие памятники мысли» или «музеи мировой мудрости». Для участия в государственных заказах или образовательных программах нужно быть ироничным и самоироничным. Тонкая и неоскорбительная ирония позволяет избежать субъективных пристрастий или заблуждений, высокомерия или комплекса собственной неполноценности, профессионального снобизма или самоуничужения. Она актуальна как по отношению к другим участникам программы, так и (в первую очередь) к

самому себе. А ещё предметом иронии в рефлексивной форме выступает содержание самой программы, которая чаще всего «спускается» сверху, из чиновничьих кабинетов, хотя, как правило, с подачи самих исполнителей. Его необходимо адаптировать к потребностям каждого и преобразовать в продукт осмысленной деятельности, сделать мыслимое явным, а совместную работу – симфонией. В этом и состоит одна из первоочередных задач отечественных философов.

Вместо заключения. Приведу некоторые выводы.

1. Философия нужна в первую очередь тому государству, которое, с одной стороны, развивается в логике своей культуры, и у которого, с другой стороны, есть потребность в чёткой цивилизационной стратегии и собственной идеологии. Профессиональное философствование – признак зрелости общества и государства, их способности к рефлексии и саморефлексии. Именно посредством философии общество и государство познают себя и определяют пути дальнейшего развития. Однако в реальности философам приходится иметь дело с тем государством, которое сложилось во многом помимо их воли или желания. Поэтому необходимо не столько приспособлять свои идеи и практики к текущему государственному курсу, сколько корректировать последний в сторону гуманистичности и культуроцентричности, а также поднимать его на высоту идеала всечеловечности.

2. Служить государству для философа означает содействовать его идейно-нравственному совершенствованию и духовному очищению. Вместе с тем философ обязан позаботиться и о собственном духовном здоровье, преодолевая корпоративный дух философского сообщества и участвуя в общем деле цивилизационного проектирования России на её собственных культурных основаниях. И здесь философии принадлежит ключевая роль.

3. Быть на службе государству означает для философа способствовать укреплению и продвижению его цивилизационного статуса в современном мире. Никто не отменял экономической, военно-политической и культурной экспансии

западной цивилизации. Государство-цивилизация – это больше чем государство. В прежние времена такое государство называли империей, т.е. особым геополитическим образованием, которое оказывает всестороннее влияние далеко за пределами своих политических границ. Можно сколько угодно критически относиться к идее империи, обвиняя её авторов в приверженности насилию, но нельзя не признать, что государство, претендующее на создание собственной цивилизации, не может ограничиваться только выполнением взятых на себя международных обязательств. Его культурно-цивилизационная миссия значительно шире. И в обосновании данной миссии могут и должны принимать участие философы, если они, конечно, хотят служить государству.

В качестве же заключительной и иронической фразы приведу слова одного известного советского руководителя, произнесенные на XXII съезде Коммунистической партии Советского Союза (1962): «Наши цели ясны, задачи определены. За работу, товарищи!». И добавлю от себя: «За новые победы философии!». А это – победы концептуального, практического, рефлексивного и ироничного разума, определяющего возможности и перспективы развития государства из логики его же собственной культуры, а не пытающегося конструировать его по чужим цивилизационным лекалам. Борьба за продвижение ценностных и мировоззренческих приоритетов российской цивилизации продолжается. И философы призваны вести идеологическую работу на этом важном участке. Такой мне видится государственная роль отечественной философии в текущий исторический момент.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьёв В.С. Государственная философия в программе Министерства народного просвещения // *Соловьёв В.С. Соч.* в 2 т. Т. 2. Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика. – М.: Изд-во «Правда», 1989. – С. 175-184.
2. Соловьёв В.С. Русский национальный идеал // *Соловьёв В.С. Соч.* в 2 т. Т. 2. Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика. – М.: Изд-во «Правда», 1989. – С. 286-295.
3. Соловьёв В.С. Русская идея // *Соловьёв В.С. Соч.* в 2 т. Т. 2. Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика. – М.: Изд-во «Правда», 1989. – С. 219-246.

4. Соловьёв В.С. Чтения о богочеловечестве // Соловьёв В.С. Соч. в 2 т. Т. 2. Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика. — М.: Изд-во «Правда», 1989. — С. 5-175.
5. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. — М.: Прогресс, 1995. — 800 с.
6. Мень М.А. Базовые ценности цивилизации: порядок дома // Цивилизация: Вызовы современности: Сб. статей / Под ред. М.С. Уварова. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. — С. 268-276.
7. Смирнов А.В. Всечеловеческое vs общечеловеческое. — М.: ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2019. — 216 с.
8. Резник Ю.М. Подходят ли России проекты «цивилизация Софии» и «Вселенской церкви»? (Двойная утопия В.С. Соловьёва и её реконструкция) // Вестник ННГУ. Серия «Социальные науки». — 2020. № 3 (59). — С. 60-69.
9. Резник Ю.М. Пути построения экологической цивилизации в России (экоинтегральный подход) // Личность. Культура. Общество. — 2022. Том XXIV. Вып. 2. — С. 89-115.

Примечания

1. И всё это у него происходило на фоне осмысления В.С. Соловьёвым политических событий как внутри страны (морозовская стачка, забастовки и пр.), так и на внешнеполитическом периметре (военный конфликт с Афганистаном и связанный с ним англо-русский кризис, участие России в преодолении сербско-болгарского конфликта, военное напряжение на Дальнем Востоке и др.). Но, несмотря на эти политические и военные конфликты, Россия не вела тогда большую войну. Её суверенитет не подвергался таким испытаниям, как в 2022 г. Мы живём сегодня в совершенно другой международной ситуации, которую разные эксперты называют фазой ограниченных военных конфликтов, предвещающих вступление ведущих стран в третью мировую войну. Запад фактически объявил России войну и при этом прилагает все усилия, чтобы ослабить её военно-технический и человеческий потенциал. И, к огромному сожалению, это война направлена на полное уничтожение России как государства и цивилизации.

Должны ли философы в данной ситуации поддерживать высшее политическое руководство страны? Конечно, должны, что не отменяет их права на критическую рефлексию и конструктивные предложения, направленные на поиск путей преодоления глобального противостояния России и Запада, а также на формирование нового миропорядка.

2. Разумеется, нельзя однозначно утверждать, что философы обладают монополией на решение «вечных вопросов». Скорее всего, «вечность» как сфера познания и конструирования является предпосылкой для достижения консенсуса между верховной государственной властью, высшими церковными иерархами и официальными, т.е. признанными властью, философами. При этом каждая из сторон получает свою выгоду: светская власть — «прописку» в пространстве вечности, церковная — гарантии своей неприкасаемости, а академическая — звания и материальное положение. Кроме того, «попадание в вечность» всех участников этого процесса предполагает помимо прочего переписывание истории современной отечественной философии под сложившуюся политическую конъюнктуру. Следовательно, самой власти удобны, прежде всего, те философы, которые поддерживают и усиливают её иллюзию «пребывания в вечности».

3. См.: <https://www.elibrary.ru/titles.asp> (Дата обращения — 14.08.22).

4. См.: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH019bdfaf98c387c8da2579b> (Дата обращения — 15.08.22).

5. См.: <http://ancientrome.ru/antlitrt/t.htm?a=1358239035> (Дата обращения – 14.08.22).

6. См.: Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; В.И. Спиридонова, Р.И. Соколова, В.Н. Шевченко; Отв. ред.: В.И. Спиридонова, В.Н. Шевченко. – М.: ИФ РАН, 2016 – 122 с.

7. См.: <https://katehon.com/ru/article/gosudarstvo-civilizaciya> (Дата обращения – 16.08.22).

8. См.: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHc976be694a17700058b2c9> (Дата обращения – 14.08.22).

9. См.: <http://www.eduevents.ru/articles/575> (Дата обращения – 14.08.22).

10. См.: <http://raphp.ru/ru/filosofskaya-praktika/#:~:text=%D0%A4%D0%98%D0%9B%D0%9E%D0%A1%D0%9E%D0%A4%D0%A1%D0%9A%D0%90%D0%AF%20%D0%9F%D0%A0%D0%90%D0%9A%D0%A2%D0%98%D0%9A%D0%90%20%E2%80%94%20%D1%8D%D1%82%D0%BE%20%D0%BD%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D1%81%D0%BE%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B9%D0%B8%D1%81%D1%85%D0%BE%D0%B4%D1%8F%20%D0%B8%D0%B7%20%D0%B4%D1%83%D1%85%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D0%B7%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B2%20%D0%BA%D0%BB%D0%B8%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0> (Дата обращения – 14.08.22).

Reznik Yu. M.

SHOULD PHILOSOPHY SERVE THE STATE?

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; 12 / 1
Goncharnaya Str., Moscow, 109240 Russian Federation. E-mail:
reznik-um@mail.ru

***Abstract:** Philosophy has always been in a difficult relationship with the state, moving from cooperation with it to confrontation, and vice versa. Meanwhile, the overwhelming majority of Russian philosophers directly or indirectly “work” for the state. Philosophy as a discipline is firmly embedded in educational programs and has the right to be considered state. V.S. Solovyov thought about this and many other things more than 130 years ago. His thoughts turned out to be relevant for our time as well. Russian philosophy is still in the grip of bureaucracy. And today she found herself, along with the whole country, still in political isolation.*

The author of this article focuses not only on the state status of philosophy, but also on the possibility of its participation in ideological work. Our great predecessors (V.S. Solovyov, N.S. Trubetskoy, etc.)

tried to determine the spiritual and civilizational foundations of the Russian statehood, placing special hopes on the Christian religion. They criticize the subordinate role of philosophy to the state, and the latter to the government bureaucracy.

According to the author, philosophy is state in the sense that it is: (1) funded by the state; (2) determined by state standards and subjected to bureaucratic regulation; (3) follows cultural traditions and participates in its own part in the formation of the ideals of the state. In their service to the state, philosophers are guided by intuition, ideas and concepts, implementing them in the form of reflexive and project practices, as well as through symphonicity and reflection. Their main goal is to substantiate the cultural and civilizational mission of Russia in the modern world.

Keywords: *Russia, culture, civilization, philosophy, state, cultural mission, idea, ideology, concept, practice, ideocracy, ministry, symphony, reflection, irony.*

REFERENCES

1. Solov'yov V.S. Gosudarstvennaya filosofiya v programme Ministerstva narodnogo prosveshcheniya // Solov'yov V.S. Soch. v 2 t. T. 2. Chteniya o bogochelovechestve. Filosofskaya publitsistika. — M.: Izd-vo «Pravda», 1989. — S. 175-184.
2. Solov'yov V.S. Russkiy natsional'nyy ideal // Solov'yov V.S. Soch. v 2 t. T. 2. Chteniya o bogochelovechestve. Filosofskaya publitsistika. — M.: Izd-vo «Pravda», 1989. — S. 286-295.
3. Solov'yov V.S. Russkaya ideya // Solov'yov V.S. Soch. v 2 t. T. 2. Chteniya o bogochelovechestve. Filosofskaya publitsistika. — M.: Izd-vo «Pravda», 1989. — S. 219-246.
4. Solov'yov V.S. Chteniya o bogochelovechestve // Solov'yov V.S. Soch. v 2 t. T. 2. Chteniya o bogochelovechestve. Filosofskaya publitsistika. — M.: Izd-vo «Pravda», 1989. — S. 5-175.
5. Trubetskoy N.S. Istoriya. Kul'tura. YAzyk. — M.: Progress, 1995. — 800 s.
6. Men' M.A. Bazovyye tsennosti tsivilizatsii: poryadok doma // Tsivilizatsiya: Vyzovy sovremennosti: Sb. statey / Pod red. M.S. Uvarova. — SPb.: Izd-vo SPbGU, 2009. — S. 268-276.
7. Smirnov A.V. Vsechelovecheskoye vs obshchechelovecheskoye. — M.: OOO «Sadra»: Izdatel'skiy Dom YASK, 2019. — 216 s.
8. Reznik Yu.M. Podkhodyat li Rossii proyekty «tsivilizatsiya Sofii» i «Vselen-skoy tserkvi»? (Dvoynaya utopiya V.S. Solov'yova i yeyo rekonstruktsiya) // Vestnik NNGU. Seriya «Sotsial'nyye nauki». — 2020. № 3 (59). — S. 60-69.
9. Reznik Yu.M. Puti postroyeniya ekologicheskoy tsivilizatsii v Rossii (ekoin-tegral'nyy podkhod) // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. — 2022. Tom XXIV. Vyp. 2. — S. 89-115.

Поступила в редакцию 15.07.22 г.

1. НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

1.1. Онтология и теория познания. Логика

UDC 141.2

DOI: 10.21146/1606_6251_2022_3/4_43_54

А.А. Крушанов

О НАУЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА, КОТОРАЯ ТЕРЯЕТ ОПРЕДЕЛЁННОСТЬ

***Аннотация:** Принятая научная картина мира имеет две характерные черты. Прежде всего она делит реальность на ряд структурных уровней. Причем считается, что эти уровни существенно отличны, несопоставимы по своим свойствам. Вторая характерная черта принятой научной картины мира – объекты структурных уровней созданы единой космической эволюцией, но отличаются своей сложностью. Объекты уровней, которые сформировались позже, обладают большей сложностью и более богатым содержанием.*

Автор статьи стремится показать, что сегодня эти характеристики научной картины мира становятся менее четкими и размываются. Потому важен вопрос, какой может и должна стать более точная научная картина мира?

***Ключевые слова:** научная картина мира, структурные уровни реальности, исследования универсального типа, универсаль-*

Крушанов Александр Андреевич – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора философии естественных наук Института философии РАН (Москва). E-mail: krushanov@yandex.ru

---

ные свойства и закономерности, кибернетика, системные исследования, синергетика, универсальный эволюционизм.

Предисловие. Анализ динамики современного научного познания убеждает, что сложившейся картине мира пора обратить внимание на пока пропускаемые, но, похоже, весьма серьезные вызовы.

Для пояснения сути и значимости происходящих перемен, уточняю: в рамках данной статьи речь идет об «общенаучной» научной картине мира, которую, в соответствии с традицией, можно рассматривать как обобщённое представление о Вселенной, живой природе и человеке, которое сформировано на основе синтеза знаний, полученных в различных научных дисциплинах [16, 32].

Правда, развернутое обсуждение современной научной картины мира в данном случае не предполагается. Кажется важным привлечь внимание лишь к таким обычно выделяемым характерным чертам общенаучной картины мира, как:

- последовательность *самобытных, качественно различных структурных уровней реальности* («форм движения» — в нашей традиции), а так же

- *изменяемость свойств реальности от простого к сложному в чередке этих структурных уровней.*

В первом случае, на мой взгляд, принципиально то, что в сложившейся и до сих пор фактически принятой картине мира структурные уровни считаются резко отличными по своим свойствам и потому просто несопоставимыми. Этим мы, по видимому, изначально обязаны О. Конту, который как раз и противопоставил основные науки весьма резким образом, соответственно разведя и области реальности, которые изучались этими науками.

Характерно, что об этом акценте французского философа в понимании наук до сих пор вспоминают ученые: «Огюст Конт в своих трудах проводил мысль о существовании жестких барьеров между науками» [4, 17]. А ведь здесь важно и то, что одновременно Конт предполагал, что «зависимость меж-

ду различными науками определяется зависимостью, существующей между соответствующими явлениями внешнего мира» [6, 103]. Отсюда естественным образом следует вывод о том, что реальность фактически фрагментирована. Это и свойственно традиционной картине мира, нарезавшей реальность на самостоятельные структурные уровни.

Позже этот акцент был закреплён:

- *в нашей стране*: в рамках диалектического материализма. Констатировалось, что «в материальном мире существуют три большие группы явлений, качественно различающихся между собой по своим свойствам и закономерностям развития: 1) явления неорганической природы; 2) живой природы; 3) общественные явления» [10, 7]; И еще: «Несмотря на теснейшую связь, основные формы движения различаются между собой самым существенным образом» [1, 33].

- *в западных странах*: в XX в. жесткое, разделяющее структурирование реальности закрепились в варианте эмерджентной концепции выделения структурных уровней, которые рождаются скачкообразно, внезапно и без какой-либо закономерной связи с предшествующими структурными уровнями.

Это первая характерная особенность сложившейся картины мира, которая теперь, как кажется, требует переосмысления или хотя бы уточнения.

Вторая характерная особенность принятой картины мира состоит в признании того, что структурные уровни реальности сформировались в ходе разворачивания космической эволюции, которая порождала их последовательно, — *от простого к сложному*. Т.е. объекты и явления эволюционно более поздних структурных уровней сложнее, нежели объекты и явления эволюционно более ранних структурных уровней реальности. При учёте того, что, как считается, именно такой процесс привел в свое время к появлению человека, рассматриваемый эволюционный процесс получает дополнительную определённую как процесс порождения все более «совершенных», «прогрессивных» объектов и явлений, как движение от «низшего» к «высшему».

Судя по переменам в современной науке, эти две отмеченные особенности принятой картины мира пришли в противоречие с новыми научными данными, а потому, видимо, нуждаются в уточнении и корректировке, несмотря на их принципиальный, определяющий для картины мира характер.

Рассмотрим основания для высказанного предположения.

Как вписать в картину мира «универсальные свойства и закономерности»? Начиная с середины XX в., в научном познании обозначилась и стала набирать силу устойчивая новая тенденция. В рамках строгой дисциплинарно-специализированной науки вдруг стали приоткрываться свойства и закономерности, совершенно нетипичного масштаба и рода, выходящие за пределы отдельных классических наук. Теперь они именуется «универсальными». По определению, свойства и закономерности универсальны, если они равным образом присутствуют и действуют и в неорганическом, и в органическом, и в социальном мирах. Отличным и наглядным примером выступают в этом случае, скажем, универсальные закономерности самоорганизации, изучаемые синергетикой. Это хорошо известно, должным образом оценено, и ещё остаётся на слуху.

Однако, ещё более интересно то, что универсальные свойства и закономерности теперь открываются и изучаются *целым семейством* исследований. К этому семейству относятся, например, такие известные и авторитетные направления научного поиска, как:

1. *Системные исследования, и особенно работа в области общей теории систем* [5;18]. В этом случае внимание уделяется объектам, между частями которых существуют различные взаимосвязи, в силу чего объект в целом обладает не только суммой свойств объединённых частей, но и важными дополнительными свойствами. Скажем, кислород и водород по отдельности горючи, а если они объединены в молекулы воды, то огонь способны даже тушить. Сами системные исследования теперь имеют не только универсалистскую, фундаментальную направленность, но и прикладную.

2. *Синергетика как наука об открытии и исследовании универсальных свойств и закономерностей самоорганизации.* [8;14] Синергетический бум возник сразу после ухода моды на системные исследования. «Конёк» синергетики – в изучении процессов самопроизвольного возникновения порядка из существующего хаоса. И что очень важно, синергетика наглядно продемонстрировала, как важны универсальные закономерности и свойства. На неё равным образом опирались и опираются как при работе с физической плазмой, так и при организации цветных революций.

3. *Универсальный эволюционизм как исследование универсальных свойств и закономерностей эволюционных процессов* [11; 12; 13]. В данном случае стоит заметить, что последний фактически имеет дело с Большой эволюцией, представляющей собой масштабный космический процесс последовательного порождения объектов известных структурных уровней реальности. Особый интерес в данном случае проявляется к тому, имеются ли «сквозные», универсальные закономерности, равным образом определяющие ход «частных» эволюционных процессов (в живых системах, социальных и иных). И, как выясняется, в этом «Большом» эволюционном процессе действительно работает, например, единая дарвиновская триада (изменчивость, наследование, отбор). В этой же связи делаются попытки описания Большой эволюции с помощью моделей синергетики. На её основе универсальные эволюционисты предпринимают попытки, например, разобраться с приоритетами в социальной динамике, рассматривая её в широком контексте Большой эволюции.

Вся эта новая работа началась с прорыва монодисциплинарной практики, который осуществила в 1948 г. кибернетика – наука об универсальных закономерностях управления. Если говорить точнее, «отец» кибернетики – Норберт Винер – первоначально выявил сходство управления в технических и биологических системах. Позже он же распространил кибернетику и на социальные системы. Теперь, как показывает соответствующий анализ, есть основания полагать, что в ки-

бернетике со временем могут выделить кибернетику неорганического мира, что придаст ей настоящий универсальный статус, как и другим исследованиям этого семейства.

Каждое из выделенных выше исследовательских направлений в своё время прошло через фазу ажиотажного интереса и уже в той или иной степени философски проработано. Но проблема видится в том, что такого рода исследования обычно рассматриваются лишь по отдельности. Потому для семейства таких исследований даже не появилось однозначного обозначения. Соответственно данный феномен по сути остается и не замечаемым, и не изучаемым.

Здесь стоит вспомнить, что в истории научного поиска встречались отдельные более или менее удачные попытки именовать подобного рода исследования «трансдисциплинарными» [9, 36]. Но параллельно с этим появились развернутые издания [7; 17], в названии и содержании которых присутствовало это же обозначение, но для совершенно иной тематики. В связи с этим для однозначного выделения и фиксации обсуждаемых исследований я ввёл для них новое именование, назвав *«исследованиями универсального типа»*.

Исследования универсального типа рождались практически независимо друг от друга. Но их внезапное коллективное появление крайне интересно, так как открыт и изучается совершенно новый класс (универсальных) закономерностей и свойств.

Ведь это очень странно — принятая картина мира просто не предполагает такой возможности. Новые исследования даже не ясно, как вписывать в корпус Большой науки. Соответственно не ясно и то, чему в объективной реальности соответствуют открываемые свойства и закономерности. Какова же тогда должна быть картина мира, чтобы новые свойства и закономерности обрели в ней своё внятное положение?

Наряду с приведёнными выше широко известными исследованиями универсального типа подобная работа неявным образом ведется и по другим родственным линиям, со временем даже расширяясь. Так в «фоновом» режиме рас-

смаатриваются: универсальный феномен колебаний и волн, симметрия, экстремальность процессов и др. Иначе говоря, наука явно демонстрирует не случайность, устойчивость об-суждаемого явления.

И тогда, следуя практике Конта и науки, из фактической структуры современного научного знания можно сделать вы-вод о том, что открытие универсальных свойств и закономер-ностей приоткрывает нам какой-то весьма мощный «слой» реальности, выступающий для структурных уровней Мироз-дания единым и сквозным, придающим им существенную однородность. И это несмотря на традиционную разорван-ность и противопоставленность структурных уровней!

Как в этом случае должна измениться принятая картина мира – это вопрос, требующий специального анализа. Но тра-диционный взгляд на структурные уровни реальности, при-знающий, что они принципиально отличаются друг от друга по свойствам, теперь явно неточен. Ведь получается, что они скорее сходны! Хотя явно в чём-то и совсем не одинаковы.

Боюсь, это касается и традиционного взгляда на эволю-цию, как на порождение всё более сложных образований с новыми, продвинутыми качествами. Какие-то уточнения, на мой взгляд, должны быть осуществлены и в этом отношении. И вот почему.

В нашем мире и «простое» сложно! В основе разделения объектов и миров на более сложные и менее сложные несом-ненно лежит идея Аристотеля о существовании «лестницы существ». [21, 18] В её основании находятся неодушевленные *минералы*. Над ними (на данной «лестнице») располагаются *растения*, уже обладающие таким новым свойством, как спо-собность питаться. Ещё выше появляются в качестве пере-ходной формы *зоофиты* – растения-животные (типа акти-ний). Здесь уже отмечается появление чувствительности. На-конец, *животные* обладают всеми этими качествами, но на-ряду с этим способны ещё и двигаться.

Со временем из этого образа и выросло представление о наборе структурных уровней реальности, но уже с довольно

жѣсткими разграничительными линиями. Хотя, нельзя не отметить, Аристотель предупреждал о мягкости, плавности переходов от одной ступени к другой. Похоже, что по крайней мере подобную плавность переходов между структурными уровнями теперь придется учитывать и изучать явным и систематическим образом.

Подобное предположение в данном случае следует из появления довольно большого числа публикаций, в которых фактически демонстрируется, что «простое» в нашем мире совсем не просто! К сожалению, для детального разбора формат данной статьи маловат, поэтому ограничусь иллюстрацией происходящей перемены, которая, как представляется, заслуживает внимания, хотя и осторожного, и критического. Собственно я и вижу свою задачу в привлечении внимания коллег к этой любопытной тенденции.

Общий лейтмотив нынешнего потока публикаций по затрагиваемой тематике состоит в подчѣркивании: то, что вчера казалось, да и сегодня кажется «простым» с прогрессом исследований демонстрирует всё большую сложность и сходство с тем, что мы считали и считаем «сложным».

Например, вдруг выясняется, что «ископаемые находки, обнаруженные учеными в самых разных местах Европы, всё явственнее свидетельствуют о необходимости пересмотра сложившихся представлений о неандертальцах — этих традиционно недооцениваемых членах человеческой семьи. ...Мы уверены, что будущие открытия, связанные с жизнью этих древних людей, ещё сильнее сократят список анатомических и поведенческих признаков, которые якобы разделяют непреодолимой пропастью неандертальцев и представителей нашего собственного рода. Но у нас с ними гораздо больше общего, чем даже “снилось нашим мудрецам”» [15, 57].

Известный приматолог Франс де Вааль в свою очередь констатирует новую ситуацию, с которой он столкнулся в ходе своих исследований: «Стремление пощадить человеческую гордыню сдерживает прогресс объективной науки. Мы привыкли думать, что есть единая иерархия живых существ, про-

стирающаяся от самого верха (конечно же, человека) до самого низа (насекомых, моллюсков или я не знаю, кого ещё). Но в природе нет иерархии! Природа состоит из множества ветвей, которые тянутся в разные стороны. Иерархия живых существ — лишь иллюзия» [19, 72].

В развитие этой идеи можно добавить и следующее: «Исследования зоопсихологов, бихевиористов, нейробиологов всё чаще заставляют человека пересматривать свои представления о животных как существах примитивных и «нечувствующих». Оказывается, крысы способны к эмпатии и альтруистическому поведению. Оказывается, у собак довольно большой человеческий словарь. Оказывается, обезьяны сложны настолько, что цивилизованный мир уже стремится вывести их из категории лабораторных животных... Человеческий закон всё чаще рассматривает животное не только как ресурс в масштабе популяций, но и как индивидуального, страшно сказать, субъекта права... По мере развития методов исследования граница между людьми и не людьми перестает быть каменной стеной» [3, 9].

Усложнилось видение в том числе и мира микроорганизмов: «постепенно выяснились удивительные вещи. Бактерии одного вида общаются на языке, который другому виду непонятен. Но есть некий «эсперанто» для межвидового общения. Бактерия способна «понимать», сколько в данном месте её родственников и сколько бактерий другого вида, и начинать какие-то действия (или не начинать) в зависимости от того, кого больше» [20, 41].

Усложнился облик и растений. Как теперь выясняется, «Растения могут видеть, слышать, обонять, словом у них те же чувства, что и у животных» [20, 41].

Оценивая эти свидетельства, разумеется, важно проявлять должную критичность и осторожность, чтобы не впасть в антропоморфизацию по существу более простых явлений. Однако, не стоит впадать и в повышенный критицизм. Ведь при подтверждении и развитии намеченной тенденции, кто знает, может, через какое-то время субъектами права придет-

ся рассматривать даже растения? Очевидно, это не сможет не повлиять и на нашу жизнь! Так что работа на этом поле может оказаться работой отнюдь не чисто теоретического значения. Равно как и прояснение того, что происходит с нашим представлением о структурных уровнях реальности. Думаю, здесь по крайней мере наметилось движение к новому большому синтезу научного знания.

В любом случае интересны и заслуживают внимания обе рассмотренные тенденции. Ведь картина мира — это одно из фундаментальных оснований научного познания. И значит, продуктивность стратегии современного научного познания и её вид зависят от прояснения затронутых нами выше вопросов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бутаков А.А. Основные формы движения материи и их взаимосвязь в свете современной науки. — М.: «Высшая школа», 1974. — 264 с.
2. Быковский Е. «Бактерии не могут без общения» // Вокруг света. — 2012. — № 6. — С. 138-141.
3. Вешняковская Е. Облако в виде тюлена // Наука и жизнь. 2015.— № 7. — С. 2- 13.
4. Дажо Р. Основы экологии. — М.: Изд. «Прогресс», 1975. — 415 с.
5. Исследования по общей теории систем. Сб. переводов. — М.: «Прогресс», 1969. — 520 с.
6. Кедров Б.М. Классификация наук. Т. I . Энгельс и его предшественники. — М.: Изд. ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1961. — 472 с.
7. Киященко Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности. — М.: Росс акад. наук, Ин-т философии, 2009. — 205 с.
8. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. — М.: Наука, 1994. — 236 с.
9. Князева Е.Н. Трансдисциплинарные когнитивные стратегии в науке будущего // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире. — М.: Наука, 2004. С. 29-48.
10. Мелюхин С. О диалектике развития неорганической природы. — М.: Политиздат, 1960. — 244 с.
11. Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. — М. Устойчивый мир (Библиотека журнала «Экология и жизнь»), 2001. — 200 с.
12. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. 2-е изд. — М.: Мир, 2004. — 367 с., илл.
13. О современном статусе глобального эволюционизма. — М.: Ин-тут философии АН СССР, 1986. — 176 с.
14. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок их хаоса. — М.: Прогресс, 1986. — 431 с.
15. Радович Д., Фрейзер Д. Почти такие, как люди // В мире науки. — 2022. — № 4. — С. 52-57.
16. Степин В.С. Научная картина мира // Новая философская энциклопедия: В 4 т./ Институт философии РАН, Нац. Общ.-науч. фонд; Научно-ред. совет: предс. В.С.Сте-

пин, заместители предс.: А.А.Гусейнов, Г.Ю.Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. – М.: Мысль, 2010. – С. 32-34.

17. Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Отв.ред. Бажанов В.В., Шольц Р.В. – М.: Изд. Дом «Навигатор», 2009. – 564 с.

18. Урманцев Ю.А. Общая теория систем в доступном изложении. – Изд. 2-е, испр. – М.: ЛЕНАНД, 2021. – 400 с.

19. Франс де Вааль «Иерархия живых существ – иллюзия» //Psychologies. – 2017. – №. 4. – С. 70-73.

20. Хамовиц Д. Чувственно-зелено // New Scientist. – 2012. – №. 10. – С. 40-43.

21. Юсуфов А.Г., Магомедова М,А. История и методология биологии. – М.: «Высшая школа», 2003. – 238 с.

Krushanov A.

ON THE PICTURE OF THE WORLD WHICH IS BLURRING

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow). Russian Federation. 109240. Moscow, Goncharnaya str., 12. E-mail: krushanov@yandex.ru

Abstract: *Today's scientific picture of the world has two specific features. First of all it divides reality into the autonomous structural levels. It's considered that these levels are very different and uncomparable by their properties. The Second specific feature of the today's picture of the world is opinion that objects of the structural levels were formed by common cosmic evolution but are different by their complexity. Objects of later levels are more complex than objects of other levels. Author of the article makes attempt to show that discussed features become less clear and are blurring. That is why new question is important: what is the picture of the world that we need and has to be in such situation?*

Keywords: *scientific picture of the world, structural levels of reality, studies of the universal type, universal properties and laws, Cybernetics, Systems researches, Synergetics, universal evolutionism.*

REFERENCES

1. Butakov A.A. Osnovniye formi dvizheniya materii I ikh vzaimosvyz v svete sovremennoy nauki. – М.: Visschaya shkola, 1974. – 264 s.

2. Bikovskiy Ye. “Baktrii ne mogut bez obcheniya”// Vokrus sveta. – 2012. – № 6. – S. 138-141.

3. Veshnyakonskaya Ye. Oblako v vide tyulenya // Nauka I zhizn, 2015. – № 7. – S. 2-13.
4. Dazho R. Osnovi ecologii. – M.: Izd. “Progress”, 1975. – 415 s.
5. Issledovaniya po teorii system. Sb. perevodov. – V.: “Progress”, 1969. – 520 s.
6. Kedrov B.M. Klassifikatsiya nauk. T. I. Engels I yego predshestvenniki. – M.: Izd. VPSH I AON pri TSK KPSS. – 1961. – 472 s.
7. Kiyazhtenko L.P., Moiseyev V.I. Filosofiya transdistsiplinarnosti. – M.: Ross. Akad. Nauk, Institut Filosofii, 2009. – 2005 s.
8. Knyazeva Ye.N., Kurdyumov S.P. Zakoni evolyutsii I samoorganizatsii slozhnikh system. – M.: Nauka, 1994. – 205 s.
9. Knyazeva Ye. N. Transdistsiplinarii kognitivniye strategii v nauke budushtyego// Vizov poznaniyu: Strategii razvitiya nauki v sovremennom mire. – M.: Nauka, 2004. – S. 29-48.
10. Melyukhin S.T. O dialektike razvitiya neorgasnicheskoy prirodi. – M.: Politizdat, 1960. – 244 s.
11. Moiseyev N.N. Universum. Informatsiya. Obshtestvo. – M.: Ustoychiiviy mir, 2001. – 200 s.
12. Nswzaretyan A.P. Tsvivilizatsionniye krizisi v kontekste universalnoy istorii. 2-ye. Izd. – M.: Mir., 2004. – 367 s.
13. O sovremennom statuse globalnogo evolyutsionisma. – M.: Inst. Filosofii, 1986. – 176 s.
14. Prigogine Ilya, Stengers Isabelle. Poryadol iz khaosa. – M.: Progress, 1986. – 431 s.
15. Radoovoch D., Freyzer D. Takiye kak lyudi // V mire nauki, 2022. – № 4. – S. 52-87.
16. Styopin V.S. Nauchnaya kartina mira // Novaya filosofskaya entsiklopediya. V 4–kh. T. – M.: Misl, 2010. – S. 32-34.
17. Transdistsiplinarnost v filosofii I nauke: podhodi, problemi, perspektivi. – M.: Izd Dom “Navigator”, 2009. – 564 s.
18. Urmantsev Yu. A. Obshtaya teoriya system v dostupnom izlozhenii. – Bzd. 2-ye. – M.: LELAND, 2021. – 400 s.
19. Frans de Waal. Ierarhiya zhivikh sushtestv – illuziya // Psychologies. – 2017. – № 4. – S. 70-73.
20. Khamovits D. Chuvstvenno-zeleno // Vew Scientist, 2012. – № 10. – S. 40-43.
21. Yusufov A.G., Magomedova M. A. Istoriya I metodologiya ,iologii. – M.: “Visshaya shkola”, 2003. – 238s.

Статья поступила в редакцию 09.10.2022 г.

UDC 101.1

DOI: 10.21146/1606_6251_2022_3/4_55_68

А.Г. Ляпустин

ЕЩЁ ОБ ОДНОМ ПОНИМАНИИ ОСНОВНОГО ВОПРОСА ФИЛОСОФИИ

***Аннотация:** В статье пересматривается онтологическая сторона основного вопроса философии. По мнению автора, вопросу о первичности материи или сознания предшествует вопрос о существовании бытия и небытия. Традиционная энгельсовская формулировка выводит на авансцену противостояние материализма и идеализма. Вопрос о признании и непризнании небытия предполагает вычлеление иных направлений. Вместо традиционных линий Демокрита и Платона автор предлагает рассматривать в качестве основного противостояние Платона и Аристотеля. Первый, используя диалектический метод, неразрывно связывает бытие и небытие. Стагирит же, напротив, утверждает, что актуального небытия не существует, ибо невозможно объяснить возникновение вещей из ничего. Выделение линии Аристотеля в философии необходимо для того, чтобы подчеркнуть существенное отличие его онтологии от онтологии Платона, из чего проистекают дифференциация их систем и в прочих разделах философии.*

***Ключевые слова:** основной вопрос философии, онтология, бытие, небытие, Платон, Аристотель.*

***Предисловие.** На протяжении долгих лет советские философы безоговорочно признавали актуальность основного воп-*

Ляпустин Алексей Геннадьевич – кандидат философских наук, старший преподаватель философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва). E-mail: a.ljapustin@list.ru

роса философии, сформулированного Ф. Энгельсом, и правомерность разделения всех мыслителей на материалистов и идеалистов. Однако в постсоветское время ряд отечественных философов высказывается против того, что вопрос, поставленный Энгельсом, является *главным* для всей философии.

Аргументы, выдвигаемые в защиту данной позиции, сводятся, как правило, к следующим. Во-первых, между самими философами нет согласия, какой вопрос основной [см. 14]. И, действительно, свои варианты данного вопроса выдвигали такие философы, как Ф. Бэкон, И. Кант, А. Камю и др. Во-вторых, термины «...“материя”, “сознание” и т.п., в разных философских системах приобретают различные значения» [13, 86]. Следовательно, соотношение между этими понятиями будет пониматься совершенно по-разному. Обсуждение проблемы того, какой из вопросов, поставленных теми или иными мыслителями, считается основным, равно как и выявление смыслов понятий, наполняющих эти вопросы, не является целью настоящего исследования. Мы сосредоточимся на структуре проблемы, поставленной Энгельсом, и попытаемся решить, присуща ли ей внутренняя логика и непротиворечивость.

Напомним, что в формулировке Энгельса основной вопрос имеет два аспекта: онтологический и гносеологический. С одной стороны, очевидно, что философия не сводится только к этим разделам. В истории философии бывали периоды этические, антропологические, теологические и прочие, когда во главу угла ставились области философского знания, не имеющие ничего общего с двумя вышеназванными. С другой стороны, онтология и гносеология без сомнения являются главными разделами философии и те системы, в которых они не находят место, значительно уступают тем, где они занимают главенствующие позиции. Гносеология начинается с проблемы познаваемости мира: сначала мыслитель определяет свою позицию либо как гносеологический оптимизм (да, мир познаваем таким, каким он является нашему сознанию), либо как агностицизм (нет, мир непознаваем таким, какой он есть),

либо как скептицизм (позиция сомнения как в первом, так и во втором варианте).

Только после ответа на данный ключевой вопрос философы переходят к решению иных проблем познания. Например, к теме активности (эпистемологический конструктивизм) и пассивности (эпистемологический реализм) субъекта в познании, с чем был связан «коперниканский переворот» И. Канта. Или к вопросу о том, что в познании первично: чувства (сенсуализм) или разум (рационализм), опыт (эмпиризм) или внеопытные знания (априоризм). Но, повторимся, главным в гносеологии является вопрос, сформулированный Ф. Энгельсом: «В состоянии ли наше мышление познавать действительный мир, можем ли мы в наших представлениях и понятиях о действительном мире составлять верное отражение действительности?» [20, 283].

Данный аспект — вторая часть основного вопроса философии. Первая же, онтологическая, предполагает проблему отношения мышления к бытию, духа к природе. На этом основании, как известно, принято разграничивать всех мыслителей на два больших лагеря — идеалистов и материалистов. Впервые, по-видимому, такие течения, назвав их сектами, выделил Г.В. Лейбниц. Одним, «сектам натуралистов», представленным эпикурейцами и стоиками, противостоят другие, «...секта сторонников Сократа и Платона, которая отчасти ...опирается на Пифагора...» [6, 104]. В другом произведении немецкий мыслитель уже однозначно ставит у истоков первого направления «величайшего материалиста» Эпикура, а у истоков второго — «величайшего идеалиста» Платона [5, 332]. Как мы помним, В.И. Ленин заменив Эпикура на Демокрита, также выделил две тенденции или линии в философии [см. 7, 131].

Решения основного вопроса философии в античности и их современное звучание. В дальнейшем философы продолжили выделять две линии ответа на главный онтологический вопрос. Однако стоит провести аналогию с основным вопросом гносеологии, где доминирует проблема познаваемости мира

в принципе. Основным же в онтологии выступает вопрос о бытии. Подчеркнём, не тема первичности какой-либо из сторон бытия, а проблема *самого бытия*, которую можно было бы сформулировать в таких словах: существует ли бытие и только оно, или же существует помимо него ещё и небытие?

Мыслитель, введший в философский обиход само понятие бытия, основатель онтологии Парменид, начинал главную часть поэмы «О природе» именно с указанной темы: «...ибо есть — бытие, а ничто — не есть» [19, 290]. Элейский философ аргументирует данный тезис достаточно просто: небытие есть не-сущее, т.е. несуществующее, а утверждать существование несуществующего — значит противоречить самому себе. По мнению Г.Г. Майорова, «из текста [поэмы Парменида — *А.Л.*] прямо-таки высвечиваются три закона формальной логики, позднее более точно сформулированные Аристотелем: закон тождества, закон непротиворечия и закон исключенного третьего» [11, 44]. Нет сомнения, что второй закон явственно вытекает из вышеприведённого аргумента элеата и находит поэтическое выражение в образе смертных, которые «блуждают о двух головах...» [19, 288].

Отрицание небытия привело основателя элейской школы к неприятию движения, поскольку если нет пустоты (небытия), то невозможно и перемещение в пространстве: «...тем самым Всё непрерывно: ибо сущее примыкает к сущему. Неподвижное, в границе великих оков» [19, 291]. Как известно, именно апории о невозможности помыслить движение принесли наибольшую известность ученику Парменида Зенону. В двух из них («Дихотомия» и «Ахиллес и черепаха») элейский мыслитель исходит из положения о том, что любое расстояние бесконечно делимо. Отсюда вытекает, что «...движущееся [тело] по необходимости должно в конечное [время] пройти бесконечность, но это невозможно» [19, 307].

Первой попыткой решения этой проблемы была мысль Демокрита: «“ничто” существует в такой же мере, как и “что”» [12, 61]. Небытие понадобилось абдерскому мыслителю, чтобы сделать возможным всякое движение, которое, разумеет-

ся, не способно осуществляться в заполненном бытием пространстве. Демокрит подчеркивает, что небытие – пустота, в которой движутся атомы. Последние представляют собой неделимые сущности, наличие которых необходимо, по мнению Абдерита, именно для того, чтобы решить упомянутые апории Зенона. Элеат прав лишь в том случае, если всё делимо бесконечно, если же существует неделимое, то движение с необходимостью начнется.

Налицо, таким образом, две линии в философии: одна, идущая от Парменида, утверждает наличие одного только бытия; и вторая, представленная Демокритом, постулирует существование как бытия, так и небытия. Умопостигаемое бытие Парменида, которое он называет единственным сущим, стало прообразом платоновской сферы идей. Следовательно, элейского мыслителя можно считать предтечей Платона.

Трудно, конечно, избежать параллелей с двумя ленинскими линиями – Платона и Демокрита. В настоящей работе Платон был заменен на элеатов, поскольку принципиальное значение имеет разница в подходах: предложенные нами линии выделены не на основании вопроса о первичности в бытии материального или духовного начал, а по поводу отрицания или признания небытия.

Парменид и Демокрит используют онтологическую терминологию, но дальнейшая разработка вопроса о бытии была осуществлена философами «высокой классики» – Платоном и Аристотелем. На основании общепринятого деления оба мыслителя относятся к одному лагерю. Тот факт, что Платон является не просто идеалистом, но выступает в качестве основателя идеализма, общепризнан. Однако очевидно, что и Стагирит относится к этому же направлению. Автор «Метафизики», выделяя форму (сущность) и материю (субстрат) в качестве основных причин сущего, тем самым, ставит над потенциальным бытием, которым он наделяет материю, актуальное бытие, которым обладает форма. Актуальность несомненно выше, совершеннее потенциальности, ибо только первая делает вещь именно этой вещью, даёт ей действитель-

ное существование. А.Ф. Лосев переводит соответствующий термин Аристотеля $\tau\acute{o} \tau\acute{i} \tilde{\eta}\nu \epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\iota$ как «чтойность», подчёркивая, что «...наш перевод “чтойность” не только точный, но точнее его нельзя себе и представить какой-либо другой перевод» [8, 105]. Потенциальность же представляет собой лишь вещь в возможности, т.е. какой она *могла бы* быть, но пока ещё не есть. Основатель Ликеея, таким образом, так же, как и основатель Академии, был идеалистом и, так же, как и Платон, принадлежал к линии гносеологического оптимизма.

Но необходимость не просто различить, но и противопоставить этих двух великих мыслителей, несомненно, существует. Известна фраза Аристотеля из «Никомаховой этики»: «ради спасения истины отказаться даже от дорогого и близкого, особенно если мы философы. Ведь хотя и то, и другое [Платон и истина — *А.Л.*] дорого, долг благочестия — истину чтить выше» [2], передаваемая обычно в более простом варианте «Платон мне друг, но истина дороже». Как остроумно отмечает Ю.М. Романенко, учитель Стагирита «...мог бы отпарировать в ответ на легендарную фразу ученика: “Аристотель мне враг, но истина дороже”» [18], фокусируясь на непримиримом характере разногласий между конгениальными философами.

Необходимость выделения «линии Аристотеля» была осознана многими исследователями. Например, А.А. Любищев, постулируя наличие различных тенденций в теоретических построениях обсуждаемых нами мыслителей, акцентирует внимание на специфике, присущей последнему: «линия Аристотеля утратила веру в возможность точного математического описания Вселенной» [10, 179]. Тем самым исследователь указывает на расхождение двух взглядов на мир — физического и математического. С ним согласна и П.П. Гайденок, говорящая не просто о принципиальном различии платоновской и аристотелевской научных программ, а «...о противоположности этих двух программ» [4, 254]. Первую научную линию она называет математической, а вторую — континуалистской. Д.Н. Радул выделяет «три фундаментальные куль-

турные аксиоматики. Речь идет о традициях правильных платоновских многогранников, непрерывного эфира и атомизма» [17, 91]. Очевидно, что в основе предложенных «аксиоматик» лежат, соответственно, теории Платона, Аристотеля и Демокрита.

Таким образом, при рассмотрении философских взглядов античных мыслителей многие исследователи уже пришли к мысли о наличии трёх тенденций, добавив к традиционным линиям Платона и Демокрита линию Аристотеля. Но утверждать существование более чем двух линий именно в философии всё же мешает критерий Ф. Энгельса, основанный на разделении мыслителей на материалистов и идеалистов. Следовательно, необходимо выявить фундаментальную проблему, решение которой могло бы разграничить и даже противопоставить философские учения Платона и Аристотеля. На наш взгляд, таким вопросом будет отношение данных мыслителей к проблеме соотношения бытия и небытия.

Платон с глубоким уважением и почтением относился к элеатам и лично к Пармениду. В «Софисте» собеседником Сократа оказывается некий безымянный «Чужеземец из Элеи», несомненно, последователь и ученик основателя элейской школы, а в «Пармениде» с юным Сократом беседуют уже непосредственно сам знаменитый элеат и его спутник, Зенон, приехавшие в Афины. Как уже указывалось выше, основные признаки парменидовского бытия присущи платоновским идеям, которые автор «Тимея» называет единственным бытием. Но философы по-разному отвечают на вопрос, почему в видимом нами мире встречаются противоположные характеристики (множественность — единое, изменчивость — статичность, движение — покой). Элейский мыслитель, отмечая тождество бытия и мышления, приписывает восприятие данных характеристик человеческим «мнениям», т.е. чувствам, которые нас обманывают.

Платон тоже критикует чувственное познание во многих своих диалогах (особенно в «Теэтете», где данная критика представлена очень обстоятельно). В отличие от Парменида,

основатель Академии использует диалектический метод, испытывав влияние Гераклита. Рассмотрим кратко наиболее яркий пример применения этого метода в «Пармениде». В диалоге Платон отталкивается от понятия «единое», которое тождественно самому себе. Определяя единое только как единое, исключаящее многое, или полагая единое в абсолютном понимании, мы, следуя мысли Платона, должны прийти к его отрицанию. Ведь любое определение предполагает выход за пределы самого понятия, отталкивания от чего-то другого. Но при констатации только единого ничего другого нет. У единого нет бытия, потому что бытие и единое это уже двойца, а единое, тождественное самому себе, едино. «Итак, должно существовать бытие единого, не тождественное с единым...» [15, 142b], делают вывод участники диалога. П.П. Гайденко так комментирует данное положение: «Самое главное здесь в том, что бытие как предикат единого не тождественно самому единому, а потому, когда мы говорим “единое есть”, мы тем самым произносим суждение “А есть В”, ибо если единое – А, то бытие – это не просто связка “есть”, а это именно *другое*, чем единое, а значит, это – В» [4, 148]. Таким образом, единое существует только при наличии иного, или, исключительно относительное полагание единого делает существующим и его, и всё другое. Более того, само понятие бытия, по Платону, включает в себя соотнесение с иным.

Так, автор «Парменида» приходит к необходимости оспорить ключевой тезис элейского мыслителя и отойти от него. В «Софисте», помимо уже упомянутого положения о различии между единым и бытием, обнаруживается и другое рассуждение. Основатель онтологии, говоря о едином бытии, уподобляет его шару или целому, однако и то, и другое делимы, следовательно, множественны. Таким образом, единое есть многое и наоборот. Поэтому собеседники соглашались, что они «...совсем не послушались Парменида в том, что касалось его запрета» [16, 258c], т.е. запрета на признание существования небытия. Последнее существует, но не как противоположность бытия, а как иное, отличное от бытия. Здесь

философ различает такие понятия, как $\delta\acute{\upsilon}\kappa\ \acute{\omicron}\nu$ и $\mu\acute{\iota}\ \acute{\omicron}\nu$, имеющие значения небытия в разных смыслах. Первое означает абсолютное небытие, полную противоположность бытию. Такое небытие Платон решительно отвергает, справедливо полагая его полную непричастность существованию. Но небытие как «...само иное, как причастное бытию, существует благодаря этой причастности, хотя оно и не то, чему причастно, а иное...» [16, 259а].

Не вдаваясь в детальный анализ творчества Платона подчеркнем, что проблема соотношения бытия и небытия ставится и решается философом во многих других диалогах. Например, в «Филебе» рассматриваются категории предела и беспредельного. Парменид, как известно, констатировал предельность бытия. Исходил он из своего ключевого тезиса о тождестве бытия и мышления. Поскольку существует только то, что можно помыслить, к несуществующему относится и небытие, и беспредельность. Но Платон в этом пункте вновь отходит от элеата и соглашается с пифагорейцами, учившими о десяти парах противоположностей, главной из которых является предел и беспредельное. Далее, на примере категорий бытия и становления автор «Филеба» демонстрирует их взаимную обусловленность.

Наконец, в «Тимее», где повествуется о создании космоса Демиургом, проблема соотношения бытия и небытия ставится в терминах «идея» и «материя». Здесь Платон, детально описавший в других диалогах умную сферу («мир идей»), осознает, что «...одного ума недостаточно для понимания этого мира. Мир материален, а ум нематериален. Мир полон случайностей, а ум от начала до конца рационален» [9, 604]. Именно поэтому материя, которую автор «Тимея» называет небытием, также необходима для создания космоса, как и идея.

Итак, Платон считает, что без небытия бытие существовать не может, само возникновение вещей объясняется философом из соединения бытия с небытием (бытие – отец, небытие – мать, вещи – дитя). Аристотель категорически не соглашается в данном пункте со своим учителем: «...из того,

что является небытием в этом смысле [в смысле “ложного бытия” или “инобытия” — А.Л.] вещи не возникают и <в него> не уничтожаются» [1, 454].

Аристотель усматривает ряд несообразностей в платоновском тезисе «бытие возникло из небытия». Во-первых, из ничто нечто возникнуть не может, это противоречит здравому смыслу. Во-вторых, всё возникнувшее неизбежно уничтожится, бесконечно может существовать лишь то, что вечно. Процесс становления Стагирит рассматривает как переход от одного вида бытия к другому, от потенциального к актуальному, как энтелехию, понимаемую в виде результата осуществления возможности. Следовательно, в философии Аристотеля материя — это ни в коем случае не небытие (как у Платона), а *δύναμις*, т.е. потенциальное бытие.

Тем не менее, у Аристотеля термин «небытие» встречается, но мыслитель, очевидно, вкладывал в него совсем не тот смысл, какой использовал его учитель. Всего он выделяет три основных значения данного термина: «...о не-сущем говорится в том же числе значений, сколько есть категорий, а помимо этого, может идти речь о небытии в смысле лжи и о небытии как о возможности» [1, 454]. Последний смысл мы кратко рассмотрели в предыдущем абзаце. Если говорить о небытии как об отрицании той или иной категории, то скорее это логический аспект небытия. В таком случае под бытием мы понимаем наличие некоего качества, а под небытием его отсутствие. В «Категориях» Аристотель подчеркивает, что только сущность (субстанция) является основой, подлежащим, а остальные 9 категорий её предикатами, качествами. Можно отрицать, например, что шар обладает свойством «быть медным», что он лежит на полу или подвешен в воздухе, но от этого он не перестанет быть шаром как таковым. Следовательно, небытие как отсутствие качества не означает несуществование самой вещи.

Рассмотрим, наконец, третий аспект небытия — ложь. Здесь Аристотель вполне разделяет точку зрения своего учителя, которую тот высказал в «Софисте»: «...мышление, мнение, представление, как истинные, так и ложные, все возникают у нас в

душе» [16, 263d]. Так же и Стагирит в трактате «О душе» определяет эти понятия: «а то, где [встречается] и ложь, и истина, представляет собою соединение понятий» [3, 430a]. Из этой фразы с очевидностью следует, что данное значение небытия является не онтологическим, а гносеологическим.

Таким образом, Аристотель приходит к выводу о несуществовании небытия в платоновском понимании. Из этого фундаментального, на наш взгляд, различия могут быть выведены и другие. Например, различие в методологии. Платон, как было показано, использует диалектический метод, который предполагает отнесение к своей противоположности (если есть бытие, то должно быть и небытие). Аристотель же, считающий сущим только бытие, предпочитает метод, в основу которого положен закон непротиворечия, запрещающий одновременное существование сущего и не-сущего. Другое различие имеет принципиальное отношение к онтологии и предполагает разницу в понимании отношения между материей и идеей или формой. Для Платона вещь располагается между эйдосами (бытием) и материей (небытием) и тем самым разделяет их. Для Аристотеля же вещь есть соединение материи и формы, ибо последняя выступает как осуществление (энтелехия) материи.

Вывод. Итак, рассмотрев онтологический аспект основного вопроса философии, мы пришли к выводу о том, что проблема первичности в бытии должна быть подчинена более важной проблеме самого бытия. Она связана с тем, что есть бытие и может ли существовать, наряду с ним, небытие. Если главным онтологическим вопросом сделать соотношение бытия и небытия, то на первый план выйдут именно линии Платона (бытие и небытие существуют одновременно) и Аристотеля (существует только бытие), ставшие продолжением, соответственно, линий Демокрита и Парменида. В таком случае, правда, Платон и Демокрит окажутся из одного лагеря, но их философские концепции могут быть противопоставлены в дальнейшем уже на основании традиционного деления, которое, повторимся, нам представляется вторичным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования. – СПб.: Алетея, 2002. – Киев: Эльга, 2002. – 832 с.
2. *Аристотель*. Никомахова этика. URL: <http://www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/nikomah.txt> (дата обращения: 11.07.2022).
3. *Аристотель*. О душе. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 180 с.
4. *Гайденко П.П.* Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ. – М.: Наука, 1980. – 568 с.
5. *Лейбниц Г.В.* Ответ на размышления... г-на Бейля о предустановленной гармонии // Лейбниц Г.В. Сочинения в 4-х тт. – М.: Философское наследие, 1983. – Т. 1. – 639 с.
6. *Лейбниц Г.В.* Существует две секты натуралистов...// Лейбниц Г.В. Сочинения в 4-х тт. – М.: Философское наследие, 1983. – Т. 1. – 639 с.
7. *Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. – Т. 18. – 457 с.
8. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. – М.: изд-во «Фолио», 2000. – 880 с.
9. *Лосев А.Ф.* Примечания. Указатели.// Платон. Собрание сочинений в четырех томах. – М.: Мысль, 1994. – Т. 3. – 654 с.
10. *Любичев А.А.* Линии Демокрита и Платона в истории культуры. – СПб.: Алетея, 2000. – 256 с.
11. *Майоров Г.Г.* Философия как искание Абсолюта: опыты теоретические и исторические. Издание 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2010. – 416 с.
12. *Маковельский А.О.* Древнегреческие атомисты. – Баку: АН Азербайджанской ССР, 1946. – 401 с.
13. *Никифоров А.Л.* Природа философии: основы философии. – М.: Идея-Пресс, 2001. – 168 с.
14. *Ойзерман Т.И.* Основные вопросы философии // Вопросы философии. – 2005. – № 5. – С. 37-48.
15. *Платон*. Парменид // Собрание сочинений в четырех томах. – М.: Мысль, 1994. – Т. 2. – 528 с.
16. *Платон*. Софист // Собрание сочинений в четырех томах. – М.: Мысль, 1994. – Т. 2. – 528 с.
17. *Радул Д.Н.* Атомистическая математическая традиция и демократическое политическое устройство // Философские опыты. Текст, образ, коммуникация. – Выпуск 10: Сборник научных трудов./ Сост., отв. ред. Н.В. Гоноцкая / Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. – Т. 10. – М.: Издатель Воробьев А.В., 2017 – С. 90-102.
18. *Романенко Ю.М.* Парадоксальность исторического спора между Платоном и Аристотелем в свете онтологии Хайдеггера. URL: <https://www.plato.spbu.ru/CONFERENCE/2018/ther165.html> (дата обращения: 11.07.2022).
19. *Фрагменты ранних греческих философов* / Сост. А.В. Лебедев. – М.: Наука, 1989. – Ч. 1. – 576 с.
20. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. – Т. 21. – С. 269-317.

Lyapustin Alexey G.

ON A NEW UNDERSTANDING OF THE BASIC QUESTION OF PHILOSOPHY

Lomonosov Moscow State University. 1, Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russian Federation; e-mail: a.lyapustin@list.ru

***Abstract:** The article reviews the ontological side of the basic question of philosophy. According to the author, the question of the primacy of matter or consciousness is preceded by the question of the existence of being and non-being. The traditional Engelsian formulation highlights the confrontation of materialism and idealism. The issue of recognition and non-recognition of non-existence involves the allocation of other directions. Instead of the traditional lines of Democritus and Plato, the author suggests considering Plato and Aristotle as the main confrontation. The first, using the dialectical method, inextricably connects being and non-being. Stagirite, on the contrary, claims that actual non-existence does not exist, because it is impossible to explain the emergence of things from nothing. The identification of the line of Aristotle in philosophy is necessary in order to emphasize the significant difference between his ontology and the ontology of Plato, from which the difference in their systems in other sections of philosophy stems.*

***Keywords:** the main question of philosophy, ontology, being, non-being, Plato, Aristotle.*

REFERENCES

1. *Aristotle*. Metafizika. Perevody. Kommentarii. Tolkovaniya. SPb.: Aleteiya, 2002; – Kiev: El’ga, 2002. – 832 s.
2. *Aristotle*. Nikomakhova etika [<http://www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/nikomah.txt>, accessed on 11.07.2022]
3. *Aristotle*. O dushe. – M.: Gosudarstvennoe sotsial’no-ekonomicheskoe izda-tel’stvo, 1937. – 180 s.
4. *Gaidenko, P.P.* Evolyutsiya ponyatiya nauki. Stanovlenie i razvitie pervykh nauchnykh programm. – M.: Nauka, 1980. – 568 s.
5. *Leibniz, G.W von*. Otvet na razmyshleniya... g-na Beilya o predustanovlennoi garmonii, in: Leibniz, G.W von. Sochineniya v 4-kh tt. Vol. 1. – M.: Filosofskoe nasledie, 1983. – 639 s.

6. *Leibniz, G.W. von.* Sushchestvuet dve sekty naturalistov..., in: Leibniz, G.W. von. Sochineniya v 4-kh tt. Vol. 1. – M.: Filosofskoe nasledie, 1983, – 639 s. (In Russian)
7. *Lenin, V.I.* Materializm i empiriokrititsizm // Lenin, V.I. Polnoe sobranie sochinenii. Izdanie pyatoye. Vol. 18. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1963. – 457 s.
8. *Losev, A.F.* Istoriya antichnoi estetiki. Aristotel' i pozdnyaya klassika. – M.: izd-vo «Folio», 2000. – 880 s.
9. *Losev, A.F.* Primechaniya. Ukazateli, in: Platon. Sobranie sochinenii v chetyrekh tomakh, Vol. 3. – M.: Mysl', 1994. – 654 s.
10. *Lyubishchev, A.A.* Linii Demokrita i Platona v istorii kul'tury. – Saint-Petersburg: Aleteiya, 2000. – 256 s.
11. *Maiorov, G.G.* Filosofiya kak iskanie Absolyuta: opyty teoreticheskie i istoricheskie. Izdanie 3-e. – M.: Knizhnyi dom «LIBRIKOM», 2010. – 416 s.
12. *Makovel'skii, A.O.* Drevnegrecheskie atomisty. – Baku: AN Azerbaydzhanskoj SSR, 1946. – 401 s.
13. *Nikiforov, A.L.* Priroda filosofii: osnovy filosofii. – M.: Ideya-Press, 2001. – 168 s.
14. *Oizerman, T.I.* Osnovnye voprosy filosofii // Voprosy filosofii 2005. – No 5 – s. 37-48.
15. *Plato.* Parmenid // Sobranie sochinenii v chetyrekh tomakh, Vol. 2. – M.: Mysl', 1994. – 528 s.
16. *Plato.* Sofist // Sobranie sochinenii v chetyrekh tomakh. Vol.2. – M.: Mysl', 1994. – 528 s.
17. *Radul, D.N.* Atomisticheskaya matematicheskaya traditsiya i demokraticeskoe po-liticheskoe ustroystvo, in: FILOSOFSKIE OPYTY. Tekst, obraz, kommuni-katsiya. – Vypusk 10: Sbornik nauchnykh trudov./ Sost., otv. red. N.V. Gonotskaya / Filosofskii fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonsova. Vol. 10. – M.: Izdatel' Vorob'ev A.V., 2017. – S. 90-102.
18. *Romanenko, Yu.M.* Paradoksal'nost' istoricheskogo spora mezhdu Platonom i Aristotelem v svete ontologii Khaideggera [<https://www.plato.spbu.ru/CONFERENCES/2018/ther165.html>, accessed on 11.07.2022]
19. Fragmentsy rannikh grecheskikh filosofov / Sost. A.V. Lebedev. Ch. 1. – M.: Nauka, 1989. – 576 s.
20. *Engels F.* Lyudvig Feiervakh i konets nemetskoj klassicheskoi filosofii // Marks K., Engels F. Sochineniya. 2-e izd. Vol. 21. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961. – S. 269-317.

Статья поступила в редакцию 15.07.2022 г.

1.2. История философии

UDC 1.(091)

DOI: 10.21146/1606_6251_2022_3/4_69_78

В.В. Сидорин

СТАНОВЛЕНИЕ ФИЛОСОФСКОЙ ЛЕНИНИАНЫ (1923-1924 ГГ.): ШТРИХИ К РЕКОНСТРУКЦИИ КОНТЕКСТА*

***Аннотация:** В статье кратко рассматривается один из ключевых эпизодов в процессе формирования образа Ленина как философа – столкновение двух интерпретаций философского наследия лидера советского государства: политико-философская интерпретация Г. Лукача и К. Корша и эпистемологическая интерпретация А.М. Деборина и И.К. Луппола. Автор предпринимает попытку наметить актуализацию интеллектуально-политического контекста советских 1920-х годов, рассматривая советский философско-идеологический опыт как уникальную историческую лабораторию рождения, развития, функционирования и гибели идеологем – процесс, культурно-исторические уроки которого имеют фундаментальное значение для современных дискуссий по проблеме идеологического строительства.*

Сидорин Владимир Витальевич – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: vlavitsidorin@gmail.com

---

* Доклад на VIII Всероссийском философском конгрессе «Философия в полицентричном мире», 26-28 мая 2022 года (круглый стол «История советской философии», 27 мая 2022 г.).

Ключевые слова: философия Ленина, эпистемология, политическая философия, диалектика, Г. Лукач, К. Корш, А.М. Деборин, Л. Альтюссер, идеология.

Становление канона. В истории отечественной философии сложился достаточно хрестоматийный и стереотипный образ Ленина как философа. Его составные элементы – партийный принцип философии, материя как объективная реальность, данная человеку в ощущениях, диалектика относительной и абсолютной истины, воинствующий атеизм, практика как критерий истины. Не оспаривая верности этого образа, важно, однако, иметь в виду, что это в том числе идеологическая конструкция, интерпретация, победившая в жесткой борьбе в 1920-х годах. Эта борьба была сравнительно непродолжительной, и большой вопрос заключается в том, могла ли она иметь иной исход, чем тот, который в итоге и случился. Этот исход имел далеко идущие последствия, напрямую – в качестве важнейших культурно-исторических уроков, касающихся нас и сегодня.

Уже в начале 1920-х годов набирает силу поток работ, стремящихся осмыслить теоретическое наследие руководителя советского государства, в т.ч. и философский аспект этого наследия. В 1923 г. публикуются две основополагающие для неомарксизма работы – «Марксизм и философия» Карла Корша и «История и классовое сознание» Георга Лукача [6; 7]. В обеих работах теоретическая позиция и политическая практика Ленина оказываются в центре внимания. Сразу после смерти Ленина, в феврале 1924 г., Лукач ставит точку под предисловием к работе «Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей» [8]. В том же году выходит работа А.М. Деборина «Ленин как мыслитель», чуть позже – книга И.К. Луппола «Ленин и философия» [4; 9].

Не остаются в стороне и представители политической элиты, стремясь в разворачивающейся борьбе за власть представить свои катехизисы ленинизма как теоретической системы: публикуется «Об основах ленинизма» Сталина, «Лени-

низм. Введение в изучение ленинизма» Зиновьева, «Ленин как марксист» Бухарина и многие другие. Обе упомянутые выше работы советских философов – Деборина и Луппола – выдерживают на протяжении второй половины 1920-х гг. по три издания, становясь важнейшим фактором формирования образа Ленина как философа, конкретной интерпретацией содержания его философского наследия.

Однако эта интерпретация не была единственной и сразу же столкнулась с интерпретацией, предложенной Лукачем и Коршем. Последний позже, уже в 1930 г., вспоминал: «Позвольте подытожить этот философский спор 1924 г. в идеологической форме, т.е. так, как он имел место быть в сознании тех, кто принимал в нём участие. Это был спор между, с одной стороны, ленинской интерпретацией материализма Маркса и Энгельса, которая в то время уже была формально канонизирована в России, и, с другой стороны, взглядами, которые рассматривались, как «уклонения» от этого канона якобы в сторону идеализма кантовской философской критики познания и гегелевской идеалистической диалектики...» [11, р. 120-121]. Но в этом замечании Корша есть изрядная доля невольной ретроспективной конструкции. Ведь ленинского канона в это время всё же ещё не было – он только начал складываться. И вопрос в данном отношении стоит следующим образом: почему в идущем процессе философской канонизации Ленина версия Корша и Лукача оказалась неприемлемой. В чём та совокупность причин, которая предопределила победу конкретного образа философского ленинизма?

Идеологическая ситуация 1920-х гг. представляет не только исторический интерес. Советский опыт в этом (как и во многих других) отношениях – уникальный историко-культурный феномен: своеобразная лаборатория рождения, развития и гибели идеологии. По историческим меркам, надо сказать, процесса невероятно стремительного. В наше время вновь актуализируются вопросы формулирования и развития идеологием, однако, по большому счёту мы всё ещё не разобрались с нашим прежним идеологическим опытом: он был пережит

и отброшен, но не изучен, не отрефлексирован — мы всё ещё не воспользовались итогами и уроками этой лаборатории, позволяющей проследить не только механику, но и, так сказать, термодинамику идеологических процессов. И в этом отношении становление канона, определяющего образ Ленина как философа, т.е. создание одной из ключевых идеологем, формирующих само основание марксистско-ленинского катехизиса, — тема, имеющая отношение и к сегодняшнему дню.

В основание своих интерпретаций Ленина Лукач и Корш кладут именно его политическую философию, трактуя её как апофеоз развития материалистической диалектики, которая для них суть философия истории, политическая философия. Речь идет о ленинском предельном внимании к конкретному анализу конкретной исторической ситуации, улавливающим в этой конкретности нечто всеобщее и использующее её в качестве трансформирующего рычага политической реальности. Лукач называет этот момент актуальностью революции — концепт, подразумевающий, что реальность всегда имплицитно содержит условия и возможности для существенной политической трансформации. Это то, что Жижек назовет автономией политического, а Бадью — страстью реального, отводя фундаментальное значение именно ленинскому наследию [5; 2].

При этом ключевым и для Лукача, и для Корша оказывается тезис не о прямолинейном соотношении сознания и бытия, а о их диалектическом единстве: сознание, теория — это активно действующий актер, формирующий реальность не менее, чем реальность формирует сознание. Именно это становится эпистемологической основой важнейшей как для Лукача, так и для Корша идеи о том, что историческое есть пространство необходимого и возможного одновременно. Оба теоретика при этом претендуют, что восстанавливают подлинный смысл учения Маркса. И оба настаивают, что только эта реконструкция обеспечивает ключевой для марксизма принцип единства теории и практики, а ленинское наследие — его гениальное воплощение.

Позиция Корша изначально приветствуется в советской интеллектуальной литературе: в конце 1923 г. в «Вестнике

Социалистической академии» выходит сочувственная рецензия Фогарши [10], а перевод «Марксизм и философия», вышедшей в первой половине 1924-го г., сопровождается в целом комплементарным предисловием Григория Баммеля: деборинскому кругу не могло не импонировать стремление Корша спасти философию для марксизма [6, с. 3-20]. Ситуация, как известно, меняется в середине 1924 г. В июне-июле этого года в 6 номере ПМЗ Деборин публикует статью «Г. Лукач и его критика марксизма», делая при этом примечание, что статья передана для выпуска отдельной брошюрой к V Конгрессу Интернационала, на котором произошла открытая атака Зиновьева на Лукача и Корша. Деборин резко обрушивается на принцип тождества мышления и бытия, защищает диалектику природы, наследие Энгельса и Плеханова от лукачевских обвинений в «натуралистической метафизике». В последовавшей серии статей о наследии Ленина — затем и составивших книгу «Ленин как мыслитель» (1924) — и кристаллизуется весь тот канонический набор характеристик Ленина как философа, во многом предопределивший восприятие его философского наследия.

(Вы)рождение советской идеологии. В классической для современной гуманитарной науки работе «Идеология и идеологические аппараты государства» Луи Альтюссер попытался установить различие между государственным аппаратом, как принципиально репрессивной вертикальной структурой, и идеологическими аппаратами государства — множеством социальных институтов, конституирующих, а не репрессирующих субъекта, и действующих, в отличие от государственного аппарата, не в унисон, а зачастую противоречивым образом [1]. В марксистской логике Альтюссера эта противоречивость, однако, — только видимость, поскольку в конечном счёте все эти институты направлены на достижение единой цели — воспроизводство условий производства, т.е. закрепление идеологии господствующего класса.

Однако даже отбрасывая марксистскую основу размышлений Альтюссера, невозможно не признать теоретической

ценности его анализа механики функционирования идеологии, в частности, установления двух основополагающих способов её существования. В отличие от государственного аппарата, имеющего принципиально, как бы она ни разветвлялась, вертикальную структуру, идеологические аппараты государства имеют разрозненную, роевую структуру, каждый элемент которой представляет собой относительно автономную единицу, действующую на выполнение именно своей задачи. Государственный аппарат функционирует на основе четко заданной и зафиксированной системы отношений и категорий. И в этом его отличие от идеологических аппаратов, которые обладают — или по крайней мере должны обладать, если хотят претендовать на жизнеспособность, — куда большей гибкостью: они конституируют сознание в рамках некоего контура ценностной и категориальной системы координат, но внутри этих рамок оставляют достаточно объёмное место для субъективной интерпретации.

Становление советской философской культуры почти сразу, уже в середине 1920-х гг., т.е. ещё в разгар НЭП и только в самом начале открытой политической борьбы за власть — превратилось в стремительное формирование бинарной, чрезвычайно негибкой системы философских координат. И ключевую роль в этом процессе играет создание и канонизация определённого философского образа Ленина. На примере Лукача и Корша — как, впрочем, и на примере судьбы теоретического и практического наследия А.А. Богданова — хорошо видно, как жестко пресекались любые попытки противостоять ригидности формирующегося философского канона.

Это совпадает с выходом на первый план задачи конструирования именно государственного аппарата, а не сложно структурированного пространства идеологических аппаратов государства. При выполнении этой задачи деборинская версия философского наследия Ленина как преимущественно эпистемологическая концепция с чётко зафиксированными границами и прямолинейностью, по-видимому, более отвечала потребностям дня. Во-первых, она буквально отвечала

процессу рождения советского бюрократического аппарата, во-вторых – атмосфере зарождения советского изоляционизма. Родовая травма плехановской философии, рождённой в политических баталиях против философского «ревизионизма» и заключённой в силу этого в принципиально бинарную систему категориальных координат – материализм-идеализм, субъект-объект, мышление-бытие – ситуативно резонировала с политическим контекстом советской действительности 1920-х гг., с крахом изначального оптимизма в отношении мировых революционных перспектив.

Определённые основания такого поворота, кажется, были и в наследии самого Ленина. Лукач в свое время указывал, хотя и совсем в другом отношении, что идеология в буржуазном обществе существует как бы в расплывлённом виде – и здесь он во многом предвосхищал Альтюссера. И как раз самая суть ленинской теории государства, по его мнению, заключалась в предельном обнажении идеологического диктата: чтобы устранить идеологическое господство как таковое нужно предельно обнажить его структуру. Из этой интенции появляется ленинская теория, сформулированная в «Государстве и революции». Лукач относил эту теоретическую манифестацию к заслугам Ленина, однако проблема заключается в том, что идеология как таковая и может существовать только в таком расплывлённом, не сконцентрированном виде, иначе она превращается в исключительно репрессивную сущность, не способную к самовоспроизводству и саморазвитию, и существующую только благодаря государственным системам искусственного поддержания её жизни.

В этом контексте процесс становления философской ленинианы был не чем иным, как радикальным усечением эвристического потенциала ленинского теоретического наследия. Чрезвычайно характерно в этом отношении, как два философских лагеря видели структуру ленинского наследия: для Корша и Лукача в его основании лежит принципиально гибкая ленинская политическая философия, для Деборина и его круга – жёсткая эпистемологическая позиция Ленина. В статьях 1920-х

гг. Деборин упорно делал из Ленина в первую очередь — если не преимущественно — эпистемолога. Во многом эта установка тактически отвечала задачам той борьбы, которую вёл Деборин и его круг против позитивистских устремлений части советских интеллектуальных кругов, стремящихся выбросить «философию за борт». Однако стратегически она значительно усекала эвристический потенциал ленинского наследия, облегчая идущий в 1920-е гг. тектонический процесс формирования совокупности пропагандистских мифов, поставленных на службу становлению советского государственного аппарата.

Эти уроки советской философской действительности 1920-х гг. актуальны и сегодня. Споры об идеологии, функциональных и содержательных аспектах её необходимости, звучат всё громче и чаще. Под идеологией при этом зачастую понимают именно вертикально выстраиваемое пропагандистское обрамление государственного аппарата. Однако нет ничего более далекого от жизнеспособной идеологии, чем подобное понимание. Тоска по насаждаемому сверху катехизису, которая, по-видимому, полностью неистребима, и в определённые исторические моменты идеологических поисков выходит на поверхность — это то, чему нужно отчаянно сопротивляться, памятуя о том, что идеология живет и развивается не в государственном аппарате, а в сложном взаимодействии горизонтальной сети общественных институтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. — 2011. — №3. — С. 159-175.
2. *Бадью А.* Единица делится надвое. Эссе о Ленине // Синий диван. — 2004. — №5. — С. 74-86.
3. *Деборин А.Г.* Лукач и его критика марксизма // Под знаменем марксизма. — 1924. — №6-7. — С. 49-69.
4. *Деборин А.М.* Ленин как мыслитель. — М.: Красная новь, 1924. — 88 с.
5. *Жижек С.* 13 опытов о Ленине. — М.: Ад Маргинем, 2003. — 253 с.
6. *Корш К.* Марксизм и философия. — М.: Октябрь мысли, 1924. — 92 с.
7. *Лукач Д.* История и классовое сознание. Хвостизм и диалектика. Тезисы Блюма. — М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2017. — 608 с.
8. *Лукач Д.* Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей. — М.: Международные отношения, 1990. — 141 с.
9. *Луптол И.К.* Ленин и философия. К вопросу об отношении философии к революции. — М., — Л.: Государственное издательство, 1927. — 208 с.

10. *Фогарши А.* Марксизм и философия. Рец. На: Korsch K. Marxismus und Philosophie. Leipzig Vorlag C.S. Hirschfeld, 1923 // Вестник Социалистической академии. — 1923. — №6. — С. 412-416.

11. *Korsch K.* The Present State of the Problem of “Marxism and Philosophy” / Korsch K. Marxism and Philosophy. — New York: 1970. — P. 98-144.

Sidorin V.V.

THE FORMATION OF PHILOSOPHICAL LENINIANA: SOME REMARKS ON THE RECONSTRUCTION OF THE CONTEXT

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; 12 / 1
Goncharnaya Str., Moscow, 109240 Russian Federation; e-mail:
vlavitsidorin@gmail.com

Abstract: *The article briefly examines one of the key episodes in the process of forming the image of Lenin as a philosopher — the collision of two interpretations of the philosophical heritage of the leader of the Soviet state: the political and philosophical interpretation of G. Lukach and K. Korsh and the epistemological interpretation of A.M. Deborin and I.K. Luppel. The author attempts to outline the actualization of the intellectual and political context of the Soviet 1920s, considering the Soviet philosophical and ideological experience as a unique historical laboratory of the birth, development, functioning and death of ideologems — a process whose cultural and historical lessons are of fundamental importance for modern discussions on the problem of ideological construction.*

Keywords: *Lenin’s philosophy, epistemology, political philosophy, dialectics, G. Lukacs, K. Korsch, A.M. Deborin, L. Althusser, ideology.*

REFERENCES

1. Al'tyusser L. Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva (zametki dlya issledovaniya), in: *Neprikosnovennyi zapas*. — 2011. — Issue 3. — Pp. 159-175.
2. Bad'yu A. Edinitsa delitsya nadvoe. Esse o Lenine, in: *Sinii divan*. — 2004. — Issue 5. — Pp. 74-86.
3. Deborin A. G. Lukach i ego kritika marksizma, in: *Pod znamenem marksizma*. — 1924. — Issue 6-7. — Pp. 49-69.

4. Deborin A.M. *Lenin kak myslitel'*. – М.: Krasnaya nov', 1924. – 88 p.
5. Zhizhek S. *13 opytov o Lenine*. – М.: Ad Marginem, 2003. – 253 p.
6. Korsch K. *Marksizm i filosofiya*. – М.: Oktyabr' mysli, 1924. – 92 p.
7. Lukach D. *Istoriya i klassovoe soznanie. Khvostizm i dialektika. Tezisy Blyuma*. – М.: Dmitrii Pozharskii's university, 2017. – 608 p.
8. Lukach D. *Lenin. Issledovatel'skii ocherk o vzaimosvyazi ego idei*. – М.: Mezhdunarodnie otnosheniya, 1990. – 141 p.
9. Luppel I.K. *Lenin i filosofiya. K voprosu ob otnoshenii filosofii k revolyutsii*. – М., – L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1927. – 208 p.
10. Fogarshi A. *Marksizm i filosofiya. Retsenziya na: Korsch K. Marxismus und Philosophie*. – Leipzig Vorlag C.S. Hirschfeld, 1923, in: *Vestnik Sotsialisticheskoi Akademii*. 1923. Issue 6. – Pp. 412-416.
11. Korsch K. *The Present State of the Problem of "Marxism and Philosophy"* / Korsch K. *Marxism and Philosophy*. – New York: 1970. – P. 98-144.

Статья поступила в редакцию 04.09.2022 г.

1.3. Философская антропология и практическая философия

UDC 165.24

DOI: 10.21146/1606_6251_2022_3/4_79_94

В.О. Богданова

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНО- ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО- ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ САМОПОЗНАНИЯ*

Аннотация: Предметом исследования являются практики самопознания. Цель статьи заключается в определении основных принципов практик самопознания и раскрытии их потенциала в изучении «Я». Исследование строится на феноменологическом, нарративном и экзистенциальном подходах, которые раскрывают функциональные отношения субъекта с миром. Автор выделяет трансцендентально-феноменологические и экзис-

---

Богданова Вероника Олеговна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института медиа и социально-гуманитарных наук Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), Россия; доцент кафедры философии и культурологии Южно-Уральского гуманитарно-педагогического университета (Челябинск). E-mail: verovictory@mail.ru.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет». Тема: «Смысложизненные ориентиры современной молодежи в цифровую эпоху: методология исследования». № ШК-04-2022/11 от 15.04.2022 г.

тенциально-феноменологические практики, даёт развернутое описание их основных принципов.

Принцип работы трансцендентально-феноменологических практик самопознания — движение к чистому потоку переживаний сознания, которые составляют ядро «Я», а экзистенциально-феноменологических практик — оформление и проговаривание опыта личных переживаний в рамках выбранных культурных смыслов. С помощью трансцендентально-феноменологических практик индивид выходит за пределы обьективированных представлений о самом себе, а посредством экзистенциально-феноменологических практик осуществляет самоидентификацию.

Ключевые слова: самопознание, Я, Эго-идентичность, феноменологическая редукция, экзистенция, рефлексия, нарратив, личностный конструкт.

Предисловие. В связи с непрерывными изменениями информационного, социокультурного пространства актуализируется проблема поиска своего «Я», которая выступает как защитная реакция человека на жизнь в неопределённых условиях. Современный человек вынужден существовать в многослойном и антиномичном контексте бытия, где постоянно обновляющиеся культурные образцы вступают в противоречие с содержанием жизненного опыта человека [19]. Высокая социальная динамика требует от человека подбора новых ценностей, иных способов «вписывания» себя в изменившееся социокультурное пространство. Если человек не умеет быстро отвечать на вызовы бытия изменением структуры «Я», то это приводит к острому мировоззренческому конфликту, который оборачивается экзистенциальным кризисом. На место целостности и полноты личности приходит её фрагментация и ценностная дезориентация. Человек погружается в состояние тревоги, отчаяния и страха, его не покидает чувство глубокого психологического дискомфорта.

Преодоление данного экзистенциального кризиса является одной из актуальных проблем современного человека, решение которой возможно через осуществление ценностно-

го самоопределения личности и посредством философской саморефлексии. В своём исследовании мы исходим из мысли Эриксона, что человек должен пребывать на границе постоянства и изменения себя [18, 232]. Новые элементы «Я» должны быть интегрированы в уже имеющуюся структуру, старые неадаптивные элементы должны отбрасываться.

Следовательно, необходимо подобрать такие инструменты, которые, с одной стороны, позволят человеку сохранить ядро «Я» или эго-идентичности, с другой стороны – придать необходимую гибкость для осмысления и преобразования самого себя и собственного бытия. В качестве инструментов могут выступать трансцендентально-феноменологические и экзистенциально-феноменологические практики самопознания (и самотрансформации), используемые в философии и психотерапии. Целью исследования является раскрытие и обоснование потенциала данных практик.

В истории развития культуры можно обнаружить разнообразные практики самопознания, представляющие собой духовные упражнения, которые направлены на погружения человека в глубины своего «Я» с целью прояснения его содержания и определения последующего развития.

Как известно, в основе практик самопознания лежат две традиции: восточная и западная. Согласно восточной традиции, человек стремится слиться с миром, подчинить себя сверхличному, при этом отказываясь от «Эго». Человек западной традиции в процессе самопознания укрепляет свое «Я» путем самоопределения и самореализации. Западная и восточная традиция порождают разные духовные техники самопознания и самотрансформации. Опять же в рамках восточной традиции, как правило, применяются медитативные техники, направленные на внутреннюю концентрацию, позволяющую выйти в область духовного и слиться с ней. В западной традиции в основе техник самопознания и трансформации лежит рефлексия.

В современном движении философской практики можно обнаружить принципы и техники самопознания, характерные

как для восточной, так и для западной традиции. С.В. Борисов в своем исследовании философской практики выделяет два концептуальных подхода: терапевтический и развивающий [3, 98]. Философские практики в рамках терапевтического подхода помогают человеку разобраться с экзистенциальными проблемами, выбрать подходящие идейные и ценностные опоры для построения целостной картины мира.

В рамках концепции философских практик могут применяться техники самопознания, способствующие обнаружению жестких паттернов чувств, мыслей, поступков, которые отделяют индивида от самого себя и полнокровного проживания своей жизни. Это могут быть духовные упражнения восточной философии и их адаптированные варианты для человека западного стиля мышления. К терапевтическому подходу можно отнести философское консультирование Г. Ахенбаха [14], Л. Мариноффа [21], глубинную философию Р. Лахава [16].

«Развивающий подход» направлен на формирование и совершенствование навыка критического мышления, который необходим для определения состоятельности представлений о самом себе и построения непротиворечивого, целостного мировоззрения. В основе этого подхода положен принцип примирения человека с собственной речью через рефлексивный анализ высказываний, позволяющий обнаружить скрытые мысли [16, 232]. Указанный подход укладывается в русло западной традиции, поскольку базируется на рефлексии. К нему относится философское консультирование О. Бренифье [4], метод сократического диалога А.И. Макарова [7], методика развития разумного мышления Н.С. Юлиной [13].

Несмотря на то, что проблема самопознания являлась предметом пристального внимания философов древности и продолжает оставаться актуальной для современных философов-практиков и психотерапевтов, она остается мало разработанной в теоретическом и практическом аспектах. Представленные классификации практик самопознания рассматриваются изолированно, независимо друг от друга.

Статья посвящена обобщению и систематизации методов самопознания, используемых в философских и психотерапевтических практиках. Данное исследование даст возможность определить основные принципы построения практик самопознания и раскрыть их потенциал в исследовании и конструировании «Я». В качестве методологической базы будут использованы феноменологический, нарративный и экзистенциальный подходы, раскрывающие функциональные отношения субъекта с внешним миром.

В своём исследовании мы проведем также сравнительно-исторический анализ философских и психотерапевтических методов самопознания, объединим их в две группы практик: трансцендентально-феноменологические и экзистенциально-феноменологические. Преимущественной особенностью данной классификации будет не только возможность обобщения накопленного теоретического материала, но и раскрытие взаимосвязи практик самопознания в процессе проживания субъектом своего опыта.

Основные принципы и потенциал трансцендентально-феноменологических практик самопознания. Практики самопознания осуществляются за счет радикальной трансцендентальной редукции, выносящей за скобки все эмпирические компоненты, открывающие чистое сознание [5, 85]. Трансцендентально-феноменологическое самопознание реализуется в восточных и западных практиках, цель которых заключается в движении к чистому потоку переживаний сознания, составляющих ядро «Я». Мировоззренческой основой данных практик является осознание невозможности понятийного выражения «Я», которое переживается интуитивно в состоянии «раскрепощённого» сознания, когда с сознанием «разговаривает» бессознательное [15]. Первостепенным в данных практиках является обнаружение и удаление психологических барьеров, которые не позволяют почувствовать себя в потоке сознания.

В качестве примеров практик самопознания могут быть рассмотрены духовно-медитативные, дыхательные и телесные техники. Духовно-медитативные практики (анапанасати, ви-

пассана, дзадзен, трансцендентальная медитация) базируются на принципе «приостановки суждений», благодаря осуществлению которого человек освобождается от стереотипов индивидуального и социокультурного опыта и расширяет сознание. Как правило, эти практики вводят человека в состояние «умственной паузы», в результате которого он преодолевает ограничения и негибкость формальной логики, прислушивается к своему подсознанию [9, 231].

Находясь в социокультурных рамках, человек не всегда слышит сигналы от своего подсознания, которое рассказывает ему о его подлинном «Я». Медитация позволяет «наладить общение» между сознанием и подсознанием, помогает осознать и принять свой внутренний опыт [8, 34]. Дыхательные практики являются важной частью восточной традиции. Они представляют собой техники осознанного управления дыханием через изменения частоты и глубины вдоха-выдоха. Во время дыхательных практик активизируются нервные структуры, отвечающие за бессознательную часть психики, эмоциональные процессы и долговременную память. Следовательно, человек входит в состояние изменённого сознания, которое даёт возможность пережить заново то, что вытеснено в подсознании. Современные дыхательные психотехники (вай-вейшн, свободное дыхание, ребёфинг и холотропное дыхание) используют опыт восточной традиции.

Телесные практики опираются на принцип единства тела и духовно-психической сферы человека. Все неосмысленные эмоции, травмирующие воспоминания, подавленные чувства запечатлеваются в теле, поскольку включаются физиологические механизмы психологической защиты, преодолеть которые возможно, используя принцип обратной связи: изменение психологического состояния посредством работы с телом. К телесным практикам можно отнести восточные техники (йога, бикрам-йога, цигун и др.), которые послужили прочной основой телесно-ориентированной психологии и психотерапии (биоэнергетического психоанализа А. Лоуэна [6], биодинамики Л. Марчер, метода «чувствен-

ного осознания» (sensory awareness) Ш. Селвер, первичной терапии А. Янова и др.).

Трансцендентально-феноменологические практики самопознания являются весьма эффективными, поскольку они воздействуют на психику человека, ускользая от «цензуры» сознания. Практики работают на бессознательном уровне через обращение к телесному опыту, который помогает человеку вернуть контакт с собой. Они позволяют проработать подавленные эмоции, освободиться от негативных психологических и телесных привычек, убрать психологические блоки, мешающие нормальной жизнедеятельности.

В целом трансцендентально-феноменологический подход расширяет границы сознания, дает возможность человеку «сделаться пустым», т.е. стать открытым для восприятия мира. С помощью данных практик человек постигает откровение, которое можно выразить фразой «Я есть» — это то состояние, которое необходимо принять, иначе невозможно дальнейшее продвижение в самопознании.

Следует отметить, что эти практики не являются самоцелью, они служат подготовительной ступенью самопознания. Они работают только в тандеме с экзистенциально-феноменологическими практиками. Очистив сознание от «отработанных» мыслительных, эмоциональных, поведенческих схем, необходимо перейти к экзистенциально-феноменологическим практикам, с помощью которых происходит конструирование «Я».

Экзистенциально-феноменологические практики. Их основные принципы и потенциал направлены на познание феноменального бытия «Я», которое обнаруживает свою сущность через свое существование. «Я» есть не что иное, как ряд связанных между собой проявлений существования [10, 33]. Экзистенциально-феноменологические практики позволяют понять опыт личных переживаний через его оформление и проговаривание в рамках выбранных культурных смыслов. Поскольку экзистенция человека имеет процессуальный модус, её можно представить, как непрерывный поток становления. В этом потоке субъект стремится к определённости.

Он к ней приближается, проясняя самобытие, путем подбора фиксированных форм для описания проявлений собственной экзистенции, которые устанавливают границы «Я» [11, 99-100]. Этим актом он существенно обедняет содержание «Я», однако, не находя подтверждение своего бытия через концептуализацию, человек испытывает экзистенциальную тревогу, ощущает абсурдность существования.

Экзистенциально-феноменологические практики самопознания позволяют достигать необходимого баланса, обращаясь к переживаниям опыта конкретного индивида как к материалу для интерпретации. Сама интерпретация определяется исходя из мировоззренческих представлений и духовных, интеллектуальных, эмоциональных потребностей человека. Целью такого рода практик является фокусировка сознания на непосредственном опыте, который открывается при взаимодействии с миром. Данные практики работают с субъектностью человека в контексте реальности. Они опираются на психологическую и эйдетическую редукции, благодаря которым человек полнее осознает собственные мысли, чувства, телесность, самостоятельно обнаруживает ограничения существования и находит для него новые ресурсы. С помощью психологической редукции устанавливается граница между психической жизнью индивида и внешним миром, осуществляется эпохэ, исключаяющее все «автоматические» суждения относительно действительности. В интерпретации опыта сознание освобождается от объективирующей позиции. Сосредотачиваясь на переживаниях, субъект переходит к эйдетической редукции — к сущностному усмотрению феноменов.

Здесь используется метод идеации, с помощью которого индивид отвлекается от частных форм, чтобы познать априорные формы явлений. В потоке восприятий внутреннего опыта субъектом выявляются неизменные структуры, без усмотрения которых не может быть понято ни одно восприятие. Следовательно, если психологическая редукция обнажает феномены актуального внутреннего опыта, то эйдетическая редукция схватывает сущностные формы бытия [5].

Экзистенциально-феноменологические практики помогают познать субъекту самого себя на двух уровнях. Сначала он обращается к собственному опыту переживаний через отказ от объективирующей «позиции» по поводу отдельных феноменов, достигая целостной структуры душевной жизни. Затем он осуществляет фиксацию, постижение и описание многообразных явлений, которые выступают уже не в качестве объектов, а в качестве единиц смысла. Сначала описывается акт переживаний (поэтическое описание), затем следует описание «того, что пережито» (ноэматическое описание). Пережитое интерпретируется уже исходя из обнаруженных универсальных смыслов, которые заложены в сознание субъекта.

Данный вид практик самопознания направлен на преодоление конфронтации человека с предельными данностями бытия: смертью, свободой, ответственностью, изоляцией, бессмысленностью. Преодоление конфронтации с бытием — это акт осмысления собственного существования и осознание своей ответственности, которая напрямую связана с реализацией творческого потенциала личности в настоящем.

Бегство от свободы и ответственности дает человеку ощущение мнимой безопасности и приводит к личностной стагнации. В качестве способа выхода из личностной стагнации И. Ялом предлагает технику, которая имеет большой терапевтический потенциал. Она направлена на примирение с конечностью собственного бытия, самопознание и повышение модуса существования. Техника служит своеобразным «мотиватором» для личностных изменений, она помогает человеку через осознание своей конечности преодолеть тревогу, социальные страхи, мешающие самораскрытию и проявлению «Я».

Суть техники состоит в том, что человека просят написать собственный некролог или заполнить анкету с вопросами, которые касаются тревоги, связанной со смертью. Можно предложить человеку пофантазировать на тему своей смерти, воображая «где», «когда» и «как» она произойдет, как пройдут его похороны [22]. Эта техника позволяет понять, чего

человеку не хватает в жизни, прояснить его личностные смыслы. При этом человек определяет надежные ориентиры для личностного роста, самосовершенствования, самоактуализации, что является необходимым условием достижения счастья и полноты жизни.

Следующая практика самопознания, которая первоначально применялась в теории психосинтеза Р. Ассаджоли и была несколько изменена И. Яломом, создаёт возможности для глубокого самопознания личности. Суть методики психосинтеза заключается в освобождении от иллюзорных представлений о своём «Я» [1, 101]. И. Ялом предлагает следующую вариацию практики психосинтеза, называя её упражнением по «разотождествлению».

«Разотождествление» — это выход человека за пределы объективированных представлений о себе через погружение в опыт переживаний. Участникам эксперимента даётся задание написать на отдельных карточках восемь ответов на вопрос: «Кто я?». Затем им предлагается расположить свои ответы в порядке значимости и центральности: ответы ближайšie к центру их существа поместить вниз, более периферические для них — разместить выше от центра. После участникам предлагается сосредоточить своё внимание на самой верхней карточке и поразмышлять о том, как бы они себя чувствовали, отказавшись от этого атрибута. Через две-три минуты подается мягкий сигнал, участники переходят к следующей карточке и проделывают точно такую же работу. Пока они мысленно не освободятся от всех восьми атрибутов.

После проведенной работы по разотождествлению осуществляется обратная процедура по интеграции качеств личности в центр «Я» [22]. Упражнение помогает индивиду достичь своего «центра чистого самосознания», представляя в воображении отсоединение от себя поочередно своих атрибутов (например, описания тела, эмоций, желаний, интеллекта). Оно ослабляет привязанность к отдельным характеристикам, делает человека более гибким, восприимчивым к бытию и готовым к самотрансформации. Изучение феноме-

нологического опыта, необходимого для преобразования бытия, является неотъемлемой чертой экзистенциально-феноменологических практик.

В этом отношении нельзя не упомянуть также нарративные методики, которые помогают человеку дать новое осмысление своему существованию и выбрать стратегии развития «Я». Они направлены на то, чтобы помочь человеку стать автором жизненной истории, осознав свою способность влиять на ход событий. Человек структурирует свое «Я» с помощью связывания воедино значимых фактов биографии. Таким образом создается история о самом себе (нарратив) [17]. Нарратив – результат осмысления субъективной реальности и личной идентичности. Факты биографии создают лишь фактуру жизненного пути, но именно субъективное восприятие этих фактов, переживание и осмысление индивидуального опыта, служат основой мировоззрения и личной идентичности.

Хотя человек не может изменить своё прошлое, он может использовать разные способы интерпретации жизненных историй, что приводит к изменению представлений о себе [12, 150]. Этот главный принцип нарративной психологии имеет большой терапевтический потенциал. Он позволяет определить доминирующую историю, оценить её влияние на саморазвитие. Если она является препятствием для развития личности, то начинается поиск альтернативного опыта, не включенного в жизненную историю человека. Следовательно, основной формой работы в нарративном подходе является пересочинение истории, для чего выявляется положительный опыт, раскрывающий значимые стороны «Я». Человек начинает осознавать себя творцом своей жизни и приступает к выработке более адаптивных способов взаимодействия с миром.

Созвучным нарративному подходу является концепция «личностных конструкторов» Дж. Келли. Личностный конструктор – это оценочная система, которая используется индивидом для классификации различных объектов и событий его жизненного пространства [20, 3-20]. Работа с личностными конструктами предполагает определить, насколько сформир-

ровавшаяся оценочная система индивида отвечает принципу адаптивности. Как только у личности исчезает чувство приспособленности к миру, она нуждается в замене данной конструкции на другую, которая будет отвечать определённой практической цели.

Заключение. Путь к пониманию «Я» и своего бытия открывается через овладение практиками самопознания, которые отличаются друг от друга по технике исполнения. В результате сравнительного анализа были выделены две группы практик: трансцендентально-феноменологические и экзистенциально-феноменологические.

Трансцендентально-феноменологические практики открывают чистое сознание субъекта за счёт использования радикальной трансцендентальной редукции. Экзистенциально-феноменологические практики ограничиваются психологической и эйдетической редукциями, которые позволяют осуществить поворот от восприятия мира естественной установки к рассмотрению субъективных переживаний сознания, а затем от переживаний в их индивидуальности к усмотрению их сущности. Эти практики приводят к пониманию индивидуального бытия-в-мире, тогда как трансцендентально-феноменологические имеют дело с сознанием, максимально очищенным от каких-либо признаков индивидуальности и субъективности и открывающих универсально бытийствующее сознание [11, 99-100]. Представленная классификация практик передает динамику процесса самопознания, полнее раскрывает становление «Я».

В заключении можно выделить несколько этапов самопознания, через которые проходит субъект в своём самоопределении и саморазвитии. Первый этап – это первичное самопознание, которое заключается в знакомстве человека с самим собой через интерпретации Другого. Полнота содержания представлений о «Я» будет зависеть от готовности человека полностью присутствовать в диалоге. Однако не всегда общение с другими достигает экзистенциального уровня, иногда оно ведет к отчуждению. На этом этапе человек сталкивается с противоречивыми интерпретациями разных людей относительно его личности.

И всё же человек — это не материал для интерпретаций на соответствие тем или иным готовым объяснительным моделям исследователей. Его психическая жизнь неповторима и уникальна, а её интерпретацию необходимо проводить, опираясь на перестройку собственных структур. На этом этапе лучше всего использовать трансцендентально-феноменологические практики самопознания, которые помогают человеку взглянуть на себя «с чистого листа», отказавшись от привычных установок, классифицирующих его душевное состояние.

После освобождения сознания от объективированных представлений необходимо перейти к экзистенциально-феноменологическим практикам, с помощью которых происходит конструирование «Я». На этом этапе происходит вторичное самопознание. Человек выбирает способы самоопределения в поле культурных концептов, исходя из собственных жизненных ориентиров и представлений о том, какие образы «Я» сделают его жизнь полнее и богаче [11, 17].

Таким образом, две группы практик самопознания и самотрансформации дополняют друг друга. Внутренняя жизнь субъекта проходит в бесконечной борьбе, которая выражается как проявление разнонаправленных стремлений. С одной стороны, субъект желает определить свою сущность, прийти к самоидентификации, и для этого он может использовать экзистенциально-феноменологические практики. С другой — определив себя, он может прийти к осознанию ограниченности любых определений, и стремится выйти за пределы данных характеристик, которые не способны в полной мере передать его бытие-в-мире. Выход за пределы объективированных представлений осуществляется с помощью трансцендентально-феноменологических практик.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ассаджоли Р.* Психосинтез. Принципы и техники. — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017. — 204 с.
2. *Бинсвангер Л.* Экзистенциальный анализ. — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2016. — 272 с.
3. *Борисов С.В.* Философская практика в современном мире: вызовы и ответы: монография. — Челябинск: ЮУрГУ, 2019. — 232 с.
4. *Бренифье О.* Искусство философской практики: философские установки // Социум и власть. — 2018. — № 1(69). — С. 80-87.

5. Гуссерль Э. Картезианские размышления. – СПб.: «Наука», «Ювента», 1998. – 315 с.
6. Лоуэн А. Биоэнергетический анализ: теория и практика. – М.: Корвет, 2015. – 413 с.
7. Макаров А.И. Социализирующая функция философских практик (на примере метода сократического диалога // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2012. – №3(18). – С. 121-125.
8. Минделл Э. Кома: путешествие исцеления. – М.: Ганга, 2019. – 496 с.
9. Сандомирский М.Е. Защита от стресса. Физиологически-ориентированный подход к решению психологических проблем (Метод РЕТРИ). – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001. – 336 с.
10. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. – М.: АСТ Москва, 2015. – 928 с.
11. Трунов Д.Г. Введение в феноменологию самопознания: монография. – Пермь: Пермский государственный университет, 2008. – 255 с.
12. Труфанова Е.О. Я как реальность и как конструкция // Вопросы философии. – 2017. – №8. – С. 100-112.
13. Юлина Н.С. Обучение разумности и демократии: педагогическая стратегия «Философия для детей» // Вопросы философии. – 1996. – №4. – С. 166-172.
14. Achenbach G.B. *Philosophische Praxis*. Vorträge u. Aufsätze. Köln: Dinter, 1984, – 190 p.
15. Bogdanova V.O. Phenomenology of reduction of consciousness: comparativist approach // *SHS Web of Conferences: International Scientific Conference: Achievements and Perspectives of Philosophical Studies*. – 2019. – № 72. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2019/13/shsconf_appsconf2019_03045/shsconf_appsconf2019_03045.html (дата обращения 28.08.2022).
16. Borisov S. *What is Recollection? The Deep Philosophy Group: History, Theory, Techniques*. Ed. by R. Lahav. – Hardwick, Vermont: Loyev Books, 2019. – P. 94-102.
17. Botella L. Personal construct psychology, constructivism, and post-modern thought // *Advances in Personal Construct Psychology*. – 1995. – №3. – P. 3–36.
18. Erikson E. The problem of ego identity // *Adolescent Identities: A Collection of Readings*. – 2013. – P. 223-240.
19. Gladyshev V., Miliaeva E., Meniaeva M., Neveleva V. Yes-tradition and no-tradition in the reproduction of cultural forms and cultural identity in conditions of globalization // *SHS Web of Conferences: International Scientific Conference: Achievements and Perspectives of Philosophical Studies*. – 2019. – №72. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2019/13/shsconf_appsconf2019_03035/shsconf_appsconf2019_03035.html (дата обращения 28.08.2022)
20. Kelly G.A. A Brief Introduction to Personal Construct Theory // *International Handbook of Personal Construct Psychology*. – 1996. – P. 3-20.
21. Marinoff L. *Philosophical practice*. – San Diego: Academic Press, 2002. – 411 p.
22. Yalom I. *Existenzielle Psychotherapie*. Auflage. – Bergisch Gladbach: Edition Humanistische Psychologie, 2005. – 611 p.

Bogdanova V.O.

TRANSCENDENTAL-PHENOMENOLOGICAL AND EXISTENTIAL-PHENOMENOLOGICAL PRACTICES OF SELF-KNOWLEDGE

Department of Philosophy of the Institute of Media and Social Sciences of the South Ural State University (National Research University) (Chelyabinsk); 454080, Russia, Chelyabinsk, ave. Lenin, 76, verovictory@mail.ru

Abstract: *The subject of the study is the practice of self-knowledge. The purpose of the article is to define the basic principles of self-knowledge practices and to reveal their potential in the study of the “I”. The research is based on phenomenological, narrative and existential approaches that reveal the functional relationship of the subject with the world. The author identifies transcendental-phenomenological and existential-phenomenological practices, gives a detailed description of their basic principles. The principle of operation of transcendental-phenomenological practices of self-knowledge is the movement towards a pure stream of consciousness experiences that make up the core of the “I”, existential-phenomenological practices are the design and pronouncing of the experience of personal experiences within the framework of selected cultural meanings. With the help of transcendental-phenomenological practices, the individual goes beyond the objectified ideas about himself, by means of existential-phenomenological practices, he carries out self-identification.*

Keywords: *self-knowledge, Self, Ego-identity, phenomenological reduction, existence, reflection, narrative, personal construct.*

REFERENCES

1. Assadzholi R. Psihosintez. Principy i tekhniki. – M.: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2017. – 204 s.
2. Binsvanger L. Ekzistencial’nyy analiz. – M.: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2016. – 272 s.
3. Borisov S.V. Filosofskaya praktika v sovremennom mire: vyzovy i otvety: monografiya. – Chelyabinsk: YuUrGU, 2019. – 232 s.
4. Brenif’e O. Iskusstvo filosofskoy praktiki: filosofskie ustanovki // Socium i vlast’. – 2018. – №1(69). – S. 80-87.
5. Gusserl’ E. Kartezianskiye razmyshleniya. – SPb.: «Nauka», «Yuventa», 1998. – 315 s.
6. Louen A. Bioenergeticheskij analiz: teoriya i praktika. – M.: Korvet, 2015. – 413 s.
7. Makarov A.I. Socializiruyushchaya funkciya filosofskikh praktik (na primere metoda sokraticeskogo dialoga // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2012. – №3(18). – S. 121-125.
8. Mindell E. Koma: puteshestvie isceleniya. – M.: Ganga, 2019. – 496 s.

9. Sandomirskij M.E. Zashchita ot stressa. Fiziologicheski-orientirovannyj podhod k resheniyu psihologicheskikh problem (Metod RETRI). – M.: Izd-vo Instituta Psihoterapii, 2001. – 336 s.
10. Sartr Zh.-P. Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoy ontologii. – M.: AST Moskva, 2015. – 928 s.
11. Trunov D.G. Vvedenie v fenomenologiyu samopoznaniya: monografiya. – Perm': Permskij gosudarstvennyj universitet, 2008. – 255 s.
12. Trufanova E.O. Ya kak real'nost' i kak konstrukciya // Voprosy filosofii. – 2017. – №8. – S.100-112.
13. Yulina N.S. Obuchenie razumnosti i demokratii: pedagogicheskaya strategiya «Filosofiya dlya detej» // Voprosy filosofii. – 1996. – №4. S. 166-172.
14. Achenbach G.B. (1984) Philosophische Praxis. Vorträge u. Aufsätze. Köln : Dinter, 1984. – 190 p.
15. Bogdanova V.O. (2019) Phenomenology of reduction of consciousness: comparativist approach // SHS Web of Conferences: International Scientific Conference: Achievements and Perspectives of Philosophical Studies. – 2019. – №72. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2019/13/shsconf_appsconf2019_03045/shsconf_appsconf2019_03045.html (data obrashcheniya 28.08.2022).
16. Borisov S. (2019) What is Recollection? The Deep Philosophy Group: History, Theory, Techniques. Ed. by R. Lahav. – Hardwick, Vermont: Loyev Books, 2019. – Pp. 94-102.
17. Botella L. (1995) Personal construct psychology, constructivism, and post-modern thought // Advances in Personal Construct Psychology. – 1995. – №3. – Pp. 3-36.
18. Erikson E. (2013) The problem of ego identity // Adolescent Identities: A Collection of Readings. – 2013. – Pp. 223-240.
19. Gladyshev V., Miliaeva E., Meniaeva M., Neveleva V. (2019) Yes-tradition and no-tradition in the reproduction of cultural forms and cultural identity in conditions of globalization // SHS Web of Conferences: International Scientific Conference: Achievements and Perspectives of Philosophical Studies. – 2019. – №72. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2019/13/shsconf_appsconf2019_03035/shsconf_appsconf2019_03035.html (data obrashcheniya 28.08.2022).
20. Kelly G.A. (2005) A Brief Introduction to Personal Construct Theory / International Handbook of Personal Construct Psychology. – 1996. – Pp. 3-20.
21. Marinoff L. (2002) Philosophical practice. – San Diego: Academic Press, 2002. – 411 p.
22. Yalom I. (2005) Existenzielle Psychotherapie. Auflage. – Bergisch Gladbach: Edition Humanistische Psychologie, 2005. – 611 p.

Статья поступила в редакцию 14.07.2022 г.

1.4. Философия науки и техники

UDC 167.7

DOI: 10.21146/1606_6251_2022_3/4_95_111

С.Н. Бычков, Е.А. Зайцев

ТРУДНО ЛИ ПОНЯТЬ ШКОЛЬНУЮ ФИЗИКУ*?

***Аннотация:** Сегодня всё более актуальной становится задача создания субъектно-ориентированных образовательных сред для различных школьных дисциплин. Одной из наиболее сложных в этом отношении является физика и, в частности, её раздел, посвященный механике. В работе показано, что при изложении и освоении простейшего закона механики принципа инерции существенную помощь может оказать обращение к истории механики. Когда законы классической механики (законы Ньютона) уже известны, конкретные исторические обстоятельства их становления представляются малосущественными.*

Совсем по-иному эти обстоятельства выглядят в контексте воссоздания истории открытия этих законов. То, что на первый взгляд представлялось малозначительным, оказывается весьма и весьма существенным. В статье показана важная роль,

---

Бычков Сергей Николаевич – доктор философских наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва). E-mail: bytc@mail.ru.

Зайцев Евгений Алексеевич – кандидат физико-математических, доцент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва). E-mail: e_zaitsev@mail.ru.

---

* При подготовке статьи была использована электронная база данных по истории технической механики «Рисунки машин (1200-1650)», созданная сотрудниками Берлинского института истории науки Макса Планка (URL: <http://dmd.mpiwg-berlin.mpg.de/home>).

которую сыграли в становлении понятия инерции широкое использование в XVI веке маховых колес (в практике машиностроения) и неравновесных колес (в проектах вечных двигателей). Основной тезис статьи состоит в том, что без осознания учащимися технической подоплеки теоретических понятий едва ли возможен переход от овладения физикой на уровне сведений к глубокому пониманию сущности её законов.

Ключевые слова: образовательная среда, научная революция XVII в., классическая механика, закон инерции, маховое колесо, неравновесное колесо, *perpetuum mobile*.

Предисловие. Вопрос, вынесенный в заголовок статьи, фактически риторический: конечно, трудно! Главный вопрос: в чем причина этих трудностей? Только ли в недостатке способностей «среднестатистического» школьника или в действительной сложности предмета?

В недавно вышедшем исследовании, посвященном истории становления современной физики, было отмечено, что восприятие основополагающего труда Ньютона «Математические начала натуральной философии» было сопряжено со значительными трудностями [3]. В опубликованной в 1688 г. рецензии книга была оценена как «наисовершеннейшая работа по механике, которую только можно представить», но вместе с тем указывалось, что Ньютон предлагает гипотезы, которые в большинстве своем являются произвольными.

Исторически сложилось так, что успех ньютоновских законов, изучаемых в школе, сначала был продемонстрирован в небесной механике. Применение их к «земной» механике стало заслугой других ученых (в наибольшей степени Эйлера, Даламбера и Лагранжа). В школе же изложение концентрируется вокруг проблем именно земной механики, и учащимся непонятно, почему далекие от опирающегося на обыденный опыт здравого смысла законы оказываются эффективными при решении физических задач.

Проблемы с пониманием возникают уже с первым законом Ньютона — законом инерции. Согласно этому закону,

тело, на которое не действуют силы, сохраняет состояние покоя или равномерного прямолинейного движения. Если первая часть — о сохранении покоя — не вызывает возражения, то вторая — о сохранении прямолинейного движения, напротив, представляется проблематичной. Опыт же повседневной жизни учит, что в отсутствии поддерживающей силы движение обречено на остановку.

Чтобы понять «механизм» формирования идеи инерции, следует обратиться к истории научной революции, в ходе которой инерциальные движения были возведены в ранг всеобщих законов природы.

В средние века считалось (в соответствии с точкой зрения наивного эмпиризма, характерного и для современного школьника), что всякое насильственное движение, происходящее в отсутствии внешнего агента, обречено на остановку (типичный пример — полет брошенного камня или вращение мельничного жернова после удаления силы). При этом полагали, что замедление движения происходит из-за постепенного уменьшения импетуса — силы, вложенной в тело в начальный момент. Уменьшение импетуса объяснялось действием сил сопротивления, которые разделялись на внешние и внутренние. Внешнее сопротивление вызывалось силой трения и силой сопротивления среды. Внутреннее, чаще всего, было следствием естественной склонности движимого тела к противоположному движению (*inclinatio ad motum oppositum*). Так, импетус брошенного вверх камня уменьшался вследствие склонности к движению вниз, вызванной его тяжестью. Другой внутренней причиной исчерпания импетуса считалась естественная склонность к покою (*inclinatio ad quietem*).

Ссылкой на склонность к покою объясняли, например, неизбежность замедления и остановки так называемого «нейтрального» движения, т.е. движения, которое не является ни насильственным, ни естественным [7]. Типичным примером нейтрального движения служит вращение мельничного жернова, осуществляющееся в горизонтальной плоскости. Оче-

видно, что при этом ни одна из точек жернова не приближается к центру Земли, и не удаляется от него.

Понятие инерции классической механики, как это следует из его определения, предполагает возможность абстрагирования от действия на тело всех сил, включая силы сопротивления. В этом пункте и заключалось основное препятствие для формирования понятия инерции в доклассической механике. Связано оно было именно с невозможностью исключить склонность к покою. Изменяя форму тела и уменьшая тем самым сопротивление среды, можно, в принципе, прийти к идее полной элиминации этого вида сопротивления.

Замена деревянных деталей на металлические и применение смазки (этот процесс начался именно в XVI в.) может привести к мысли об исключении трения. Наличие нейтральных движений (в горизонтальной плоскости) может служить поводом для абстрагирования от сопротивления, вызванного стремлением тела к противоположному движению. А вот элиминация склонности к покою была для доклассической механики невозможна. Хрестоматийный пример – мельничный жернов, на вращение которого не оказывает существенного влияния ни сопротивление воздуха, ни трение (при хорошей смазке), ни сила тяжести (из-за его перемещения исключительно в горизонтальной плоскости), но который всё равно остановится в силу внутренней «потребности» вернуться в изначальное состояние покоя.

Если отказ от учета склонности к покою невозможен, то остаётся предположить, что идея инерции стала результатом рассмотрения специальных видов движения, в ходе которых склонность к покою «побеждалась» стремлением к продолжению движения. Практическая механика античности средних веков таких движений не знала. Они появились только в технической механике XV-XVI вв. В этот период в машиностроении стали широко применять маховые колеса, которые, по мнению механиков-практиков, обладали чудесным свойством создавать дополнительную энергию.

Идея использования махового колеса. Особенность махового колеса состоит в том, что благодаря своему размеру и весу оно обладает большим моментом инерции. Хотя эффект продолжающегося вращения махового колеса использовался с незапамятных времен (в веретенах, гончарных кругах, точильных камнях и мельничных жерновах), как самостоятельный элемент, применяемый исключительно с целью создания инерциального момента, маховое колесо вошло в обиход только в XV-XVI веках. Изначально оно применялось, в основном, в качестве аккумулятора кинетической энергии в машинах, выполнявших работу, связанную с затратой значительных усилий. Это — ворота для подъема руды из шахт, насосы для откачки воды, толчеи для измельчения руды и компонентов пороховой смеси, механические кузнечные молоты, копры для забивки свай, винты Архимеда для подъема воды, механизмы штамповки монет и медалей.

С середины XVI в. маховые колеса обрели новую функцию: их стали применять в качестве регуляторов, демпфирующих неравномерности вращения рабочих валов машин и механизмов. В этом качестве они использовались в токарных станках с односторонним вращением, а также ленточных ткацких станках [4, 5].

Многообразии технических устройств, в которых использовались маховые колеса, говорит о том, что в данный период, ещё до появления теоретического понятия инерции, уже состоялось практическое освоение соответствующей идеи. Правда, конструируя системы с маховыми колесами и работая с ними, ремесленники осваивали идею инерциальности на примерах кругового движения, что ставит под сомнение генетическую связь между техническим и теоретическим прогрессом (ибо «визитной карточкой» классической механики является принцип прямолинейной инерции). Однако логическая схема, навеянная современным состоянием классической механики, не может быть автоматически перенесена на историю её становления. Дело в том, что почти все творцы новой науки в той или иной форме высказывались в пользу

идеи круговой инерции. А родоначальник новой механики Галилей вообще считал, что инерциальность является свойством исключительно кругового движения [6].

Внедрение маховых колес в широкую практику сопровождалось попытками указать на причину их эффективности. В частности, довольно рано был установлен тот факт, что способность к длительному вращению зависит от трёх параметров – размера колеса, его веса и способа распределения веса по колесу. В идеале, маховое колесо должно иметь большие размеры и вес, который желательнее максимально «сдвинуть» в сторону обода. Этот «сдвиг» достигался утяжелением деревянного обода путем вставок в него специальных массивных элементов, в качестве которых обычно использовались свинцовые грузы. В конце XVI в. в практику вошло изготовление обода целиком из свинца. Разумеется, механики-практики этого периода не были знакомы с современными формулами для вычисления момента инерции (они появились лишь в середине XVIII в.). Однако, на практике они несомненно руководствовались интуитивными представлениями о характере зависимостей, выражаемых этими формулами.

Ключевое значение для формирования понятия инерции имели, впрочем, не конкретные рекомендации, касающиеся конструкции махового колеса, а общее представление о том, что своим движением оно способно создавать дополнительную энергию или, как говорили механики этого периода, «увеличивать движение» (другие эквивалентные выражения: «придавать движению дополнительную силу», «увеличивать его мощь» и т.д.). Исходя из этого представления, они нередко делали вывод о том, что маховое колесо играет роль работника, что позволяет достичь экономии рабочей силы. Разумеется, подобное представление является иллюзией, ибо энергия, которой обладает вращающийся маховик, в точности равна работе, затраченной на его раскручивание. Впоследствии некоторые теоретики (И. Бекман) указывали на это обстоятельство. Однако, основная масса механиков-практиков XVI в. разделяла неверное представление о способности махового ко-

леса вырабатывать дополнительную энергию. Парадоксальным образом, именно оно способствовало преодолению препятствий на пути к принципу инерции, созданных античными и средневековыми теоретиками движения.

Традиция приписывать маховому колесу эту чудодейственную способность ведет свое начало с конца XV века. Так, в подписи к рисунку водяной мельницы (1484) с маховым колесом (*ruota a vacuo*), итальянский инженер Франческо ди Джорджо Мартини счёл необходимым специально отметить (видимо в силу новизны такого устройства), что колесо «значительно увеличивает силу движения». В другом проекте он указал на то, что благодаря маховому колесу, водяная мельница получает «больше движения» [8].

Эту же мысль мы находим в записных книжках Леонардо да Винчи, содержащих множество рисунков с изображением устройств с маховыми колесами. Подчеркивая «энергетическую» функцию колеса, Леонардо назвал его «увеличивающее колесо» (*ruota aumentativa*). При этом он указал, что увеличение силы колеса достигается смещением его веса к краю. «Колесо, тонкое в середине и толстое на краях, будет иметь быстрое движение, а колесо, толстое в середине и тонкое на краях, будет иметь короткое движение» [9, 11]. В Мадридской рукописи он повторил эту мысль, проиллюстрировав её рисунками колес двух противоположных конфигураций. В основе этой идеи Леонардо лежала аналогия между маховым колесом и рычагом: в обоих случаях для достижения лучшего результата точка приложения силы должна быть удалена — от оси в случае колеса и точки опоры в случае рычага.

Представление о том, что маховое колесо создает дополнительную энергию и позволяет, тем самым, экономить затраты труда работников, было впервые сформулировано в трактате «О металлургии» Григория Агриколы (1556) — богатейшем источнике по истории техники XVI в. В нём, помимо прочего, описано большое количество машин, в работе которых используется маховое колесо. На одном из рисунков изображен горизонтальный ворот для подъёма руды из шахты.

Ворот снабжен большим колесом, на ободе которого видны утяжеляющие вставки. Об этом устройстве Агрикола писал: «Вторую машину горняки употребляют при более глубоких шахтных стволах. Она отличается от первой тем, что на ней, кроме рукояток, имеется [маховое] колесо. При подъеме с незначительной глубины рукоятку вращает один рабочий, а второго заменяет колесо. При подъеме с большой глубины у рукояток работают трое рабочих, а четвертого заменяет колесо. После пуска вала движение его поддерживается маховым колесом, и вращать его становится намного легче. Иногда к колесу подвешивают или укрепляют на его спицах несколько кусков свинца для того, чтобы увеличенный вес усиливал размах колеса при вращении. С той же целью иногда вставляют в вал ворота два, три или четыре стержня и утяжеляют концы стержней кусками свинца» [1, 160-161].

Во второй половине XVI в. представление об экономии труда при помощи махового колеса становится общим местом.

Ссылаясь на Агриколу, эту идею пропагандирует водный инженер Джузеппе Череди – автор трактата «Три беседы о способе подъема воды из низких мест» (1567). Поясняя рисунок спроектированного им винта Архимеда (приспособление, использовавшееся еще во времена античности для подъема воды), Череди обращает особое внимание на функцию, которую выполняет в нем маховое колесо. «Опыт работы со многими машинами, – замечает он, – показывает, что [маховое] колесо весьма помогает движению. Агрикола утверждает, что эти колеса, применяемые в Германии, прибавляют движителю половину силы; следовательно, если использовать колесо, то там, где для работы требовалось два человека, теперь будет достаточно одного» [10].

Указание на свойство маховых грузов – примитивных предшественников – увеличивать силу машины мы находим затем в трактате Фаусто Веранцио «Новые машины» (1885). На одном из рисунков изображена ручная мельница, в которой возвратно-поступательное движение рукоятки преобразуется во вращение рабочего вала при помощи кривошипно-

шатунного механизма. Во вращении вала участвует жёстко связанная с ним крестовина, на концах которой расположены четыре маховых груза. Их роль автор объясняет так: «Эти мельницы приводятся [в движение] одним или двумя рабочими, грузы, подвешенные к концам креста, увеличивают мощность. Вместо креста можно установить [маховое] колесо и придать ему тот же вес; но крест сделать проще, а результат получается такой же» [2, с. 245].

В конце XVI в. на увеличение силы движения при помощи маховика указывают два самых известных автора этого периода – Жак Бессон и Бонаюто Лорини. Оба широко применяли маховые колеса в своих инженерных конструкциях.

В трактате «Театр инструментов» (1582) Бессон так описывает проект ручной мукомольной мельницы с маховым колесом: «Это новый тип мельницы, которая силами немногих работников может молотить столько муки, сколько производят две обычные водяные или ветряные мельницы». «Силу» этому устройству придает большое колесо «благодаря [своему значительному] весу и размеру» [11].

При описании механического кузнечного молота, на рабочем валу которого закреплены три колеса, одно большое и два малых, Бессон делает аналогичное замечание: «Эта машина ...обладает такой силой, что два работника могут поднимать молот во время ковки так же, как [его поднимает] водный поток или идущие по кругу лошади». Далее следует уточнение, показывающее понимание Бессоном технологического значения размеров колеса: «Однако, не все колеса обладают одинаковой силой и движением, но большие [колеса], благодаря своему размеру и весу производят своим движением больше [работы], нежели малые. [Именно] большое колесо является причиной столь большой силы [данной] машины. ...От большого колеса зависит сила и скорость вращения; при этом малые колеса оказывают ему помощь» [11]. На языке современной механики это означает, что момент инерции маховика увеличивается при увеличении его веса и радиуса.

В трактате Лорини «О фортификациях» (1597) замечательное свойство маховика создавать дополнительную энергию отмечено дважды. В первом случае при описании копра для забивания свай, во втором – ковшового элеватора для подъёма воды. Оба проекта иллюстрируются рисунками. О работе копра (подъём тяжелой бабы при помощи канатов) Лорини пишет, что она требует «обычно силы 25-30 работников, из-за чего расходуются значительные средства, а рабочие очень устают». Отметив это обстоятельство, он продолжает: «Поэтому я начал размышлять о том, как с помощью того же постава, но с другой рычажной передачей и силой, благодаря движению и рычажной силе маховика..., поднять бабу копра так, чтобы сократить расход на такое большое количество рабочих, сохраняя тот же эффект или даже улучшая его» [2, 186; 12]. В итоге, было решено снабдить рабочий вал копра свинцовым маховым колесом.

В разделе, посвящённом описанию ковшового элеватора, Лорини пишет: «Если колесо или маховик для подъема воды соединено с силой так, что оно благодаря своему движению или весу может увеличить силу (*multiplicare la forza*), то такое приспособление для подъема воды будет очень легко работать и принесет большую пользу. С этой целью маховик делается из свинца с железным шпинделем» [2, 184; 12].

Оказывается, что, создавая дополнительную энергию, маховое колесо способно не только помочь основному двигателю, но и полностью его заменить. Это следует из примера, содержащегося в трактате Якопо де Страда о мельницах (1629). В этом примере маховое колесо включено в состав *perpetuum mobile*. Согласно де Страда, благодаря маховому колесу винт Архимеда способен самостоятельно, т.е. без помощи работников или силы водяного потока, поднимать воду из бассейна на нужную высоту. Более того, энергии движения хватает не только для обеспечения подъема воды. В проекте де Страда часть энергии падающей затем воды используется для вращения точильного бруска (в другом варианте – мельничного жернова) [13, 132, 137].

Приведённый пример побуждает пристальнее присмотреться ещё к одной технической предпосылке понятия инерции — применению неравновесных колес (колес с контргрузами) в проектах *perpetuum mobile*. При вращении неравновесного колеса должно было (по мнению проектировщиков вечных двигателей) происходить непрерывное смещение подвижных грузов, прикрепленных к его ободу. На основании этого представления и делался вывод о возможности использования колес с контргрузами для реализации вечного движения.

Идея вечного движения. Первое изображение вечного колеса с контргрузами мы встречаем в альбоме французского мастера Виллара де Оннекура (1225-1235). Виллар изобразил «самодвижущееся» колесо, которое вращается благодаря «опрокидыванию» молотков, прикрепленных к ободу на шарнирах. Под рисунком он написал: «Мастера давно обсуждают [вопрос], как заставить колесо вращаться само по себе. Вот как это можно сделать, используя несколько молотков или ртути» [14].

Виллар, таким образом, считал, что вечное движение можно получить либо при помощи неравновесного колеса, либо колеса, снабженного желобами специального вида, по которым перекачивается ртуть.

В XIII-XIV вв. идея вечного двигателя не привлекла, однако, широкого внимания. Схоластика, исходившая из представления Аристотеля о невозможности вечного движения в подлунном мире, её полностью проигнорировала. Из механиков-практиков только два автора посвятили свои трактаты её разработке — Петр де Марикур и Конрад Грутер.

Ситуация изменилась в XV в. в связи с началом развития мануфактуры, поставившим на повестку дня вопрос об экономике рабочей силы. В этот период появляется целая серия проектов вечных двигателей, основанных на применении неравновесных колес. В качестве примера можно привести инженерную записную книжку Мариано ди Таккола «*De ingeneis*» (1420-1434). [15, fols. 58r, 69v], а также анонимный технический альбом из Сиены [16].

По-настоящему популярной идея вечного движения становится на рубеже XV-XVI вв., о чем свидетельствуют наброски Леонардо да Винчи. Отношение к вечному движению самого Леонардо было двойственным.

С одной стороны, он неоднократно высказывался против этой идеи, отвергая, в частности, возможность использования колёс с контргрузами:

«Какой бы груз, вызывающий движение колеса, ни был прикреплен к ободу, — писал он, — несомненно, что центр [груза рано или поздно] остановится под центром оси [колеса], и помешать этому не сможет никакой созданный человеческим гением инструмент... О, искатели вечного движения, сколько пустых проектов создали вы в подобных поисках! Ступайте прочь вместе с искателями золота (т.е. алхимиками)!» [17, fol. 92v].

С другой стороны, в тех же записных книжках сохранилось десятка полтора фрагментов, в которых описаны проекты вечных двигателей, в том числе и с применением колёс с контргрузами. Изыскания Леонардо по части вечного движения носили, впрочем, скорее, теоретический характер: он почти не рассматривал вопрос об использовании *perpetuum mobile* в реальных машинах.

Первые попытки включить вечные двигатели в состав машин, создаваемых для выполнения определённой работы, были сделаны только в конце XVI в. В качестве примера рассмотрим устройство, описанное в трактате Агостино Рамелли «Различные и искусные машины» (1588). Это — механизм подъёма воды из реки, движимый турбиной, которая в свою очередь приводится в движение речным потоком. Особенность этого устройства состоит в том, что кроме турбины на рабочем валу установлено (внутри турбины) неравновесное колесо, в точности соответствующее по виду колесам, применявшимся в проектах вечных двигателей. Причину включения колеса в состав винта Лорини объяснил так: «Я установил внутреннее колесо, чтобы сделать приятное одному господину (заказчику), который попросил меня об этом. Он ис-

ходил из того, что в случае медленного течения реки колесо будет оказывать дополнительную помощь турбине. Этот способ может применить каждый, кто думает, что таким образом он сможет легче достигнуть поставленной цели» [18].

Пример из трактата Рамелли свидетельствует о том, что помимо маховых колес способностью создавать дополнительную энергию обладали, по мнению механиков XVI в., также неравновесные колеса. Что касается неудачных попыток создания вечного движения на основе неравновесных колёс, то предпринимавшие их механики, скорее всего, объясняли остановку устройств техническими погрешностями, допущенными при воплощении правильной идеи. Во всяком случае, эти неудачи не смогли поколебать веру многих механиков этого времени в чудодейственное свойство неравновесных колёс — поддерживать однажды начатое движение неопределенно долго. Здесь, как и в случае с маховыми колёсами, в центре внимания технической мысли оказалось не реальное явление, а некоторая ассоциированная с ним «объективная видимость», которая — несмотря на иллюзорный характер — объективно сыграла важную роль в отказе от императивов аристотелевской натурфилософии и создании понятия инерции.

Образовательное значение идей доклассической механики.

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что в практической механике XVI в. оформилось устойчивое представление о возможности создания дополнительной энергии при помощи вечных двигателей и устройств, снабженных маховыми колесами. Несмотря на то, что это представление неверно, именно оно обусловило появление в рамках доклассической механики первых ростков идеи инерции, которая затем стала основой классической механики.

Мы видим, таким образом, что взаимодействие идей земной и небесной механики носило более сложный характер, во многом скрытый даже от создателей физики. Именно развитие техники способствовало формированию понятий, доказавших свою эффективность впоследствии в небесной механике. Тот же факт, что эти понятия оказались в XVIII в.

эффективным орудием решения задач земной механики, выглядит в этом контексте не проявлением какой-то «предустановленной гармонии», а следствием особого характера развития физической науки, во все времена опиравшейся на фундамент земной предметной практики.

Можно, конечно, надеяться, что современные исследования в области истории физики позволят создать в будущем более совершенные учебники по этому предмету, но с точки зрения учебного процесса не обязательно дожидаться этого времени.

Уже сегодня можно создавать субъектно-ориентированные образовательные среды, в которых учебный предмет будет отражаться не как набор неизвестно каким образом добытых научных истин, а как последовательность ответов на вопросы, возникающие в ходе развития человечества. История возникновения классической физики показывает, что эти вопросы возникают не в процессе наблюдения индивидуумом над природными процессами, а в ходе развития такого сложного целого, как создаваемая трудом многих поколений техника.

Субъектно-ориентированные образовательные среды, в отличие от существующих учебников, ориентированы не на изложение научных фактов как таковых, а на процесс *открытия* этих фактов в ходе исторического развития человечества. Когда обучающийся видит, что возникающие у него в процессе чтения учебника вопросы занимали в своё время выдающиеся умы, он начинает осознать, что наука — действительно сложная вещь, и что для её понимания необходимы определённые усилия. Но «трудно» — не значит «невозможно». Однако для лучшего понимания физики не только учащийся должен сделать шаги навстречу её пониманию, но и наука в лице ученых должна пытаться стать более понятной изучающему её сложный предмет.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агрикола, Георгий.* О горном деле и металлургии. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — 599 с.
2. *Бек Т.* Очерки по истории машиностроения. Т.1. — М.-Л.: ГТТИ, 1933. — 300 с.

3. Дмитриев И.С. Континентальная парадигма островной науки (Кто стал создателем «ньютонианской науки»?) // Социология науки и технологий. – 2020. – Т. 11. – №4. – С. 7-28.
4. Зайцев Е.А. Идеальное движение // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2016. – Т.2. – №2(8). – С. 34-42.
5. Зайцев Е.А. Всеобщее содержание природы в зеркале практической механики (от античности до научной революции XVII в.) // Научные ведомости Белгородского университета. Философия, социология, право. – 2017. – Вып. 41. – С. 12-19.
6. Зайцев Е.А. Нелинейная история становления понятия инерции в XVII в. // Турбулентная история науки и техники. Труды семинара ИИЕТ РАН 2018-2019 гг. / Отв. ред. Ю.Н. Батулин. – М.: ИИЕТ РАН, 2019. – С. 107-125.
7. Maier A. *The Significance of the Theory of Impetus for Scholastic Natural Philosophy* // A. Maier. *On the Threshold of Exact Science*. Philadelphia: The University of Pennsylvania Press, 1982. – P. 78-102.
8. Francesco di Giorgio Martini. *Opusculum de architectura*.
URL: <http://dmd.mpiwg-berlin.mpg.de/author/dmd/database/textpage?id=gm072b>;
URL: <http://dmd.mpiwg-berlin.mpg.de/author/dmd/database/textpage?id=gm064f>
(дата обращения 13.07.2022).
9. Leonardo da Vinci. *Les manuscrits de Léonard de Vinci*. Т. 1 (Ms. A). Paris: Quantin, 1881.
10. Ceredi, Giuseppe. *Tre discorsi sopra il modo di alzar aque d'luoghi bassi*. Parma, 1567.
URL: http://dmd.mpiwg-berlin.mpg.de/simple_search/dmd/database/textpage?id=cer78 (дата обращения 13.07.2022).
11. Besson, Jacques. *Theatrum instrumentorum et machinarum*. Lugduni, 1582.
URL: http://dmd.mpiwg-berlin.mpg.de/simple_search/dmd/database/textpage?id=be26; URL: http://dmd.mpiwg-berlin.mpg.de/simple_search/dmd/database/textpage?id=be12 (дата обращения 13.07.2022).
12. Lorini, Buonaiuto. *Delle fortificationi*. Venetiis, 1597.
URL: http://dmd.mpiwg-berlin.mpg.de/simple_search/dmd/database/textpage?id=lor234; URL: http://dmd.mpiwg-berlin.mpg.de/simple_search/dmd/database/textpage?id=lor225 (дата обращения 13.07.2022).
13. Strada, Jacob de. *Kunstliche Abriss, allerhand Wasser-, Wind-, Ross- und Hand Mьhlen*. Franckfurt am Mayn, 1629.
14. Villard de Honnecourt. *Carnet de Villard de Honnecourt* (ms).
URL: http://dmd.mpiwg-berlin.mpg.de/simple_search/dmd/database/textpage?id=vdh09 (дата обращения 13.07.2022).
15. Mariano di Taccola. *Engineering Drawings* (ms.). Bayerische Staatsbibliothek, Cod. Lat. Monacensis 197 II.
16. Anonymous (ms.). British Museum, Add., Ms. 34113.
17. Leonardo da Vinci. *Codex Forster II* (London, Victoria & Albert Museum).
18. Ramelli, Agostino. *Le diverse et artificiose machine*. Parigi, 1588.
URL: http://dmd.mpiwg-berlin.mpg.de/simple_search/dmd/database/textpage?id=ra043 (дата обращения 13.07.2022).

Bytchkov S.N., Zaytsev E.A.

Is it difficult to understand school physics?

Russian State University of the Humanities, 6 Miusskaya Square, Moscow, 125047, Russian Federation, e-mail: bytc@mail.ru
Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russian Federation, e-mail: e_zaitsev@mail.ru

Abstract: *Today the task of creating subject-oriented educational environments for various school disciplines is becoming more and more urgent. One of the most difficult in this regard is physics. The paper shows that when describing the simplest physical law – the law of inertia – the main help should be provided by referring to the history of mechanics. When the laws of classical physics are already known, the specific historical circumstances of their discovery seem insignificant. These circumstances look very different in the context of recreating the history of the discovery of these laws. What looked unimportant turns out to be highly significant (the increasing use of flywheels in practical mechanics and overbalanced wheels in the projects of perpetual motion in the 17th century). Without students' awareness of this fact, it is hardly possible to achieve a real understanding of the physical laws.*

Keywords: *educational environment, scientific revolution of the 17th c., classical mechanics, the law of inertia, flywheel, overbalanced wheel, perpetuum mobile.*

REFERENCES

1. Agricola G. (1962) O gornom dele i metallurgii [On the Nature of Metals]. – Moscow: AN SSSR, 1962. – 599 p.
2. Beck T. (1933) Ocherki po istorii mashinostroeniya [Essays on the History of Mechanical Engineering]. Vol. 1. – Moscow-Leningrad: GTTI, 1933. – 300 p.
3. Dmitriev I.S. (2020) Continental Paradigm of Insular Science (Who Was the Founder of Newtonian Science?) // Sotsiologiya nauki i tekhnologii [Sociology of Science and Technology]. – 2020. – Vol. 11. – №4. – P.7-28.
4. Zaytsev E.A. (2016) The Ideal Movement // Nauchnyy rezultat. Sotsialnye i gumanitarnye issledovaniya [The Scientific Result. Social and Humanities Research]. – 2016. – Vol. 2. – №2(8). – P.34-42.
5. Zaytsev E.A. (2017) The Universal Content of Nature in the Mirror of Practical Mechanics (from Antiquity to the Scientific Revolution of the 17th c.) // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo universiteta [Scientific Proceedings of Belgorod University. Philosophy, Sociology, Law]. – 2017. – № 41. – P. 12-19.
6. Zaytsev E.A. (2019) Non-linear History of the Development of the Concept of Inertia in the 17th c. // Turbulentnaya istoriya nauki i tekhniki. Trudy seminarov IIET RAN

2018-2019 [Turbulent History of Science and Technology. Proceedings of the Seminar in IHST RAS] / Ed. Yu.M. Baturin. – Moscow: IET RAN, 2019. – P.107-125.

7. Maier A. The Significance of the Theory of Impetus for Scholastic Natural Philosophy // A. Maier. On the Threshold of Exact Science. – Philadelphia: The University of Pennsylvania Press, 1982. – P. 78-102.

8. Francesco di Giorgio Martini. Opusculum de architectura.

URL: <http://dmd.mpiwg-berlin.mpg.de/author/dmd/database/textpage?id=gm072b>;

URL: <http://dmd.mpiwg-berlin.mpg.de/author/dmd/database/textpage?id=gm064f> (data obrascheniya 13.07.2022).

9. Leonardo da Vinci. Les manuscrits de Léonard de Vinci. T. 1 (Ms. A). Paris: Quantin, 1881.

10. Ceredi, Giuseppe. Tre discorsi sopra il modo di alzar aque d'luoghi bassi. Parma, 1567.

URL: http://dmd.mpiwg-berlin.mpg.de/simple_search/dmd/database/textpage?id=cer78 (data obrascheniya 13.07.2022).

11. Besson, Jacques. Theatrum instrumentorum et machinarum. Lugduni, 1582.

URL: http://dmd.mpiwg-berlin.mpg.de/simple_search/dmd/database/textpage?id=be26; URL: http://dmd.mpiwg-berlin.mpg.de/simple_search/dmd/database/textpage?id=be12 (data obrascheniya 13.07.2022).

12. Lorini, Buonaiuto. Delle fortificationi. Venetiis, 1597.

URL: http://dmd.mpiwg-berlin.mpg.de/simple_search/dmd/database/textpage?id=lor234; URL: http://dmd.mpiwg-berlin.mpg.de/simple_search/dmd/database/textpage?id=lor225 (data obrascheniya 13.07.2022).

13. Strada, Jacob de. Kunstliche Abriss, allerhand Wasser-, Wind-, Ross- und Hand Mьh-len. Franckfurt am Mayn, 1629.

14. Villard de Honnecourt. Carnet de Villard de Honnecourt (ms).

URL: http://dmd.mpiwg-berlin.mpg.de/simple_search/dmd/database/textpage?id=vdh09 (data obrascheniya 13.07.2022).

15. Mariano di Taccola. Engineering Drawings (ms.). Bayerische Staatsbibliothek, Cod. Lat. Monacensis 197 II.

16. Anonymous (ms.). British Museum, Add., Ms. 34113.

17. Leonardo da Vinci. Codex Forster II (London, Victoria & Albert Museum).

18. Ramelli, Agostino. Le diverse et artificiose machine. Parigi, 1588.

URL: http://dmd.mpiwg-berlin.mpg.de/simple_search/dmd/database/textpage?id=ra043 (data obrascheniya 13.07.2022).

Статья поступила в редакцию 20.07.2022 г.

UDC 636.01   DOI: 10.21146/1606_6251_2022_3/4_112_133

Г.Г. Малинецкий, В.Э. Войцехович, И.Н. Вольнов, С.М. Дудаков

ВОЗМОЖНА ЛИ ЭВОЛЮЦИЯ ИИ К ИСКУССТВЕННОМУ РАЗУМУ?

***Аннотация:** Предмет статьи – исследование потенциала и ограничений ИИ, возможностей его трансформации до уровня сильного ИИ (искусственного разума). Цель статьи – обоснование возможности разрешения задач по превращению ИИ в сильный ИИ. Методология достижения цели: применение общенаучных и частнонаучных методов исследования: индукции и дедукции, анализа и синтеза, формализации, интерпретации, исторического и логического, диалектического методов, синергетического подхода к решению задач, прогнозирования. Основные результаты: цивилизация и наука вступили в эпоху кризиса, главная трудность которой – сложность.*

Один из важнейших путей разрешения кризиса – создание сильного ИИ. Главная проблема на этом пути – выход за рамки алгоритма. ИИ моделирует потенциальную бесконечность, разум – актуальную бесконечность. Проблема сложности рассмат-

---

Малинецкий Георгий Геннадьевич – доктор физико-математических наук, профессор, заведующий отделом Института прикладной математики им. Келдыша РАН (Москва). E-mail: GMalin@keldysh.ru.

Войцехович Вячеслав Эмерикович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и теории культуры Тверского государственного университета (Тверь). E-mail: Voitsekhovich.VE@tversu.ru.

Вольнов Илья Николаевич – кандидат технических наук, доцент, заведующий лабораторией Московского политехнического университета (Москва). E-mail: iLjavalnov@yandex.ru.

Дудаков Сергей Михайлович – доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой информатики Тверского государственного университета (Тверь). E-mail: sergeydudakov@yandex.ru.

ривается в трёх аспектах: математическом, эпистемологическом и эстетическо-эволюционном. Математические понятия сложности предложили А.Н. Колмогоров, М. Блум (развивается определение последнего). Эпистемологическое понятие сложности (как субъект-объектное отношение) возникает в процессе познания и состоит в замене сложного — «высшим простым», т.е. замене старого многообразного знания новым, более общим понятием. Эстетическо-эволюционное понятие сложности сводится к раскрытию тезиса «Красота победит сложность» (в духе Ф.М. Достоевского и Н.К. Рериха). Красота и гармония раскрываются как принципы, позволяющие решить проблему сложности.

Показан путь организации ускоренной искусственной эволюции ИИ, в процессе которой компьютерный интеллект может вырасти до уровня разума и овладеть как актуальной бесконечностью, так и высшими ценностями человека (свобода, творчество, истина, добро, красота, гармония, любовь, стремление к Абсолюту). На пути к искусственному разуму необходимы: переход научного сообщества на синергетический стиль мышления, создание математики «движущихся понятий», формирование научно-художественного метода познания, разработка рационализма «движущихся мыслеформ». Выводы: развитие теории ИИ является одним из путей выхода из кризиса цивилизации и науки. Эволюция ИИ до уровня искусственного разума возможна.

Ключевые слова: мышление, алгоритм, ИИ, искусственный разум, сложность, бесконечность, синергетика, эволюция.

Проблема. Человечество (в особенности западная цивилизация) проходит стадию кризиса, способного если не уничтожить наш биовид, то завершить западный вариант цивилизации и радикально трансформировать всю социальную систему.

Важнейшими структурными особенностями господствующей ныне западной цивилизации являются:

1) система ценностей (материалистическая, потребительская, буржуазная, индивидуалистическая);

2) наука, в которой наиболее влиятельны линейное мышление, механицизм, системно-структурное мышление, традиции познания, заложенные Аристотелем, Р. Декартом, И. Ньютоном и трансформированные Н.И. Лобачевским, Д.И. Менделеевым, М. Планком, А. Эйнштейном, Г. Хакеном, И. Пригожиным, и приведшие к сверхдифференциации знания, к потере целостного представления о реальности;

3) техника, построенная в основном на научной основе; техника, изменившая и упростившая многие фундаментальные свойства человека (стремление к истине, добру, красоте, любви, Абсолюту).

Пути решения проблемы. Рассмотрим описанные выше 3 «кластера»: ценности, наука, техника.

Система ценностей (далее – СЦ). Западная цивилизация (в лице ведущих стран) за последние 2,5 тысячи лет «периодически» сменяла одну СЦ на другую. Так, в Древней Греции (в период с VI по I вв. до РХ) ведущим типом мировоззрения была мифология, трансформировавшаяся в философию. Из различных философских учений главными стали нацеленные на внешнее (по отношению к человеку) познание: элеаты, атомисты. Отсюда влияние материалистических мотивов и, как следствие, расцвет естественных наук и техники.

В средние века (примерно с IV по XVI вв.) СЦ сменилась на другую: духовное начало (Бог) стало ведущим в мировоззрении и познании. Материалистические учения в философии были преданы забвению и даже запрету (атомизм). Ведущие философские учения – платонизм и аристотелизм. Наука деградировала, техника развивалась слабо.

На следующей, буржуазной стадии цивилизационного развития (XVII–XXI вв.) происходит повторение античности: вновь ведущим стало внешнее познание. В СЦ на массовом уровне главные – материальные ценности, определяемые телесными потребностями. «Высокая» философия Р. Декарта, Г. Лейбница, И. Канта, Г. Гегеля развивалась независимо от господствующей в массах СЦ. Расцвели наука, техника.

В XXI в. наступил кризис цивилизации. Пришло время сменить СЦ, как бы «повторить» средневековые (Н.А. Бердяев, 1917), но на следующем витке эволюции. Приближается духовная цивилизация, нацеленная на внутреннее познание. Наука и техника трансформируются [4].

Наука. Уже сегодня видны как признаки кризиса науки в целом, так и черты науки будущей цивилизации – транснауки [3]. Метафорически выражаясь, Транснаука = Наука + Духовность. Поэтому ведущим станет познание внутреннего мира человека: его психики (интеллекта, эмоций, творческих способностей, высших ценностей – истины, добра, красоты, любви). Познание внешнего отступит на второй план. Математика, физика, биология откроются с новой – внутренней точки зрения.

Техника. Первоначально техника возникла под влиянием наиболее простых, фундаментальных потребностей человека и общества, развивалась методом рационализации и экономии труда, энергии, времени. Но позже, в античной и буржуазной цивилизациях главным фактором совершенствования техники стала наука.

Наряду с огромным положительным эффектом научно-технический прогресс принёс и опасности. Техника цивилизации XVII-XXI вв. из помощника человека стала своеобразным малозаметным «демоном», подрывающим наш биовид изнутри, упрощающим и извращающим его сущность. Возникнув как «продолжение и усиление» его органов (Э. Капп), техника незаметно трансформировала и тело, и душу, и высшие ценности человека, причем не в самую лучшую сторону. Это отметил ещё М. Хайдеггер, введя понятие «постав».

Вероятно, техника следующей цивилизации вслед за транснаукой будет направлена прежде всего на сохранение сущности человека и усиление его внутренних способностей (свободы, творчества, любви, стремления к Абсолюту). Техника из внешней, «телесной» оболочки человека становится внутренней, «психической» оболочкой, оболочкой души, усиливающей интеллект, эмоции, память, волю, внимание и т.п.

Отсюда видно, что только совместная трансформация «кларстера» {СЦ + наука + техника} в направлении к духовности способна разрешить кризис цивилизации, завершить мучительный переходный период и приблизить её к следующей, более жизнеспособной и более антропной цивилизации.

Если СЦ будущей цивилизации оформляется в переходный период и определяется главным образом мнением масс, социальным бессознательным, глобальными катастрофами и другими рационально неуловимыми факторами, то научно-технический прогресс гораздо легче поддаётся прогнозу. Сегодня научному сообществу ясно, что один из наиболее эффективных путей разрешения кризиса – развитие интеллектуальной техники, в т.ч. ИИ [17].

Развитие ИИ. Искусственный, или компьютерный интеллект (ИИ) как и любая техника является лишь продолжением и усилением органов и свойств человека. ИИ вырос из счётных устройств (абака, счётов, арифмометров), из матлогики и теории алгоритмов, из электронной техники. Сущность ИИ – это алгоритм. Отсюда следующие трудности в развитии ИИ:

- любой алгоритм ограничен потенциальной бесконечностью («растущим конечным»), поэтому актуальная бесконечность (см. прим. 1), тем более творчество, свобода, понимание целого, совести, красоты, гармонии и другие высшие ценности, закрыты для него, не могут быть адекватно моделированы алгоритмом. В лучшем случае высшее понятие может быть «разбито» на тысячи отдельных конкретных случаев, каждый из которых моделирован отдельным алгоритмом. Но и при таком подходе всегда останутся неясные, противоречивые отношения, которые не могут быть моделированы («поняты») вследствие того, что целое «больше» суммы частей;

- все известные варианты совершенствования ИИ не выходят за рамки алгоритмов (все улучшения являются «количественными», но не качественными);

- остаются нерешёнными вопросы моделирования существенных свойств человека – эмоций, творческих способностей, свободы, оперирования непрерывными образами, вслед-

ствие чего остаётся «пропасть» между ИИ и естественным интеллектом.

Тем не менее, эти проблемы могут быть решены в случае принципиально иного мышления, нового подхода к развитию ИИ.

Для описания подобного подхода необходимо понять, что такое мышление, как оно соотносится с инстинктом, интеллектом и разумом, предложить более глубокое их понимание, а также рассмотреть истоки нового в старом, т.е. предпосылки нового мышления в старом познании.

Мышление. Здесь мы будем понимать мышление как способность решать задачи доступными субъекту средствами. Предполагается, что субъект достаточно развит, чтобы разделить реальность на внешнюю и внутреннюю. Внутренняя — это эмоции, образы, понятия, суждения, которые создают достаточно адекватное отражение внешних объектов. Так что субъект, оперируя внутренними образами, способен решить внешние задачи.

Данное определение гораздо шире, чем принятые в западной психологии и философии определения. Оно охватывает не только внутренний мир человека, но и «психику» высших животных и даже растений (см. прим. 2), поэтому такие феномены психики, как инстинкт, интеллект, разум, присущие человеку, являются неотъемлемыми свойствами мышления.

Инстинкт, интеллект, разум. Если проводить параллели между живыми существами и ИИ, то инстинкты, в основе которых лежат врождённые рефлексy, напоминают программы (алгоритмы) ИИ, поскольку и те, и другие заданы существу заранее (природой или программистом).

Интеллект (как способность решать новые задачи, хоть немного отличающиеся от стандартных) у живых существ с развитым внутренним миром возможен на основе условных рефлексов. Интеллект человека, или рассудок по И. Канту, — способность познавать относительное, преходящее, но не абсолютное, т.е. оперирование конечными мыслеформами. ИИ

можно приписать интеллект-рассудок как способность проведения всевозможных операций в рамках заданных алгоритмов и операций, и потенциальной бесконечности, открывающих относительное, но не абсолютное.

Разум – способность оперирования абсолютным. Она недостижима не только для живых существ, но и для ИИ. Сегодня, в начале XXI в. разработка ИИ наткнулась на ряд трудностей, главная из которых – алгоритм.

Выйти за пределы алгоритма. От ИИ к искусственному разуму. Можно ли помочь ИИ выйти за рамки алгоритма, развить рассудок-интеллект до разума? Да.

Но такой выход возможен лишь при разработке принципиально нового мышления, более общего, чем алгоритмическое. Это должно быть такое мышление, которое выходит за рамки оперирования одними лишь жёсткими – дискретными – однозначными фиксированными понятиями, за узкими рамками аристотелевской логики, принятой в науке.

Намеченный нами путь создания-саморазвития ИИ, достигающего уровня разума (сильного ИИ), возможен при прохождении следующих ступеней:

- применение синергетического мышления при конструировании ИИ;

- обретение этим искусственным «существом» самостоятельности, относительной независимости от людей-создателей;

- ускоренная искусственная эволюция ИИ в направлении к аттракторам «свобода, творчество», что возможно лишь через мутации, через произвольные колебания элементов «психики» и «тела» ИИ (в течение многих поколений). Максимально широкий класс мутаций возможен лишь на основе объективной случайности (см. прим. 3), базис которой – микромир, «порождённый» первичным хаосом;

- возникающий «биовид» ИИ после освоения «свободы и творчества» должен быть направлен к аттракторам «истина, добро, красота, любовь, Абсолют» (см. прим. 4). Тогда искусственный интеллект может стать мышлением, освоившим аб-

солютное, и называться «искусственным разумом, или ИР»: ИИ → ИР.

Только в этом случае ИИ останется дружественным к человеку, а не конкурентом или даже «врагом», как предполагают западные футурологи.

Синергетика. Первый шаг на этом пути — освоение синергетики, прежде всего людьми, развивающими информационные технологии и ИИ, а в будущем, возможно, и самим ИИ как самостоятельным существом.

Синергетика (теория самоорганизации) заложена советским химиком Б.П. Белоусовым в 1951 г., когда он открыл периодические химические реакции. Она осознана как общенаучная теория и новый стиль мышления И. Пригожиным и Г. Хакеном. В России развивалась Ю.Л. Климонтовичем, С.П. Курдюмовым, Д.С. Чернавским, Г.Г. Малинецким [9]. Философско-научное значение синергетики раскрыто В.С. Стёпиным, В.И. Аршиновым, В.Г. Будановым, Е.Н. Князевой и другими [1]. Сущность теории самоорганизации метафорически выразил Чернавский [14]:

Синергетика = Диалектика + Математика.

Диалектика — это философское учение о всеобщей связи и развитии. Основателем её считается Гераклит. Наиболее общий вариант учения о развитии создал Г. Гегель. Образы, категории и законы диалектики подвижны, изменяются и перетекают друг в друга. Подобно тому, что категория движения шире, чем категория покоя, диалектическая логика является более общим типом мышления, чем аристотелевская логика, логика неподвижных понятий. Последнюю как часть геометрии сформулировал Аристотель. Главный закон — закон тождества. Он является частным случаем парадигмы Парменида — оппонента Гераклита. Главный принцип Парменида: «Всё есть Одно. Всё неподвижно». Отсюда признание движения, множественности, времени — человеческими иллюзиями. В реальности их нет. Это пытался доказать Зенон Элейский своими апориями. Принцип неподвижности, идущий от Пифагора, Парменида и Аристотеля, закрепился в науке,

логике и рациональном мышлении. Но не в философии, науках о духе и не в искусстве, где по-прежнему господствует мышление «текучими» мыслеформами.

Математика — теория всех возможных форм, как выразился С. Маклейн (один из создателей теории категорий — наиболее общего основания математики) [16]. Уточним, теория неподвижных форм, поскольку математика со времён Пифагора опирается на закон тождества (см. прим. 5).

Как же соединяются многое и единое, движение и покой, диалектика и математика? Их синтез и реализуется в учении о самоорганизации, но не как в теории, а как в стиле мышления, причем переходной, противоречивой эпохи, когда «Наука движется от Парменида к Гераклиту», по словам И. Пригожина [11].

Сложность. В процессе эволюции ИИ произойдёт и уже происходит разделение информации на внешнюю и внутреннюю, на данные и результаты их переработки. Последние — зачаток внутреннего мира ИИ как «существа». Успешное развитие ИИ возможно лишь при достаточно высокой сложности внутреннего мира как информационной системы.

Однако понятие сложности до сих пор слабо разработано, несмотря на его возрастающее значение. Так, передний край современной науки на Западе называют наукой о сложности [10], в России — постнеклассической наукой, важной частью которой является теория сложности [13].

Почему главной проблемой науки стала сложность? Во-первых, наука распалась на десятки тысяч направлений (см. прим. 6), рациональная связь между которыми слаба или отсутствует совсем. Целостность знания о реальности потеряна. Единой научной картины мира нет.

Во-вторых, наука перегружена гипотезами: теория фундаментальных («элементарных») частиц, космология, генетика, теория эволюции и др. — это сотни мало обоснованных, непроверенных гипотез, верифицировать которые эмпирически чрезвычайно трудно или пока невозможно из-за слабости техники и устаревших методов познания. Гипотезы на осно-

ве предыдущих гипотез громоздятся друг на друга, создавая «здание» без фундамента.

В-третьих, передний край науки свёлся главным образом к математизации. Математика остаётся надёжной основой познания, но и она в свою очередь «упёрлась» в стену сложности. Доказательства важных теорем занимают сотни страниц труднейшего текста, понять который способны лишь несколько специалистов на планете. Машинные доказательства частично помогают, но и они стали «сверхдлинными», разобраться в которых уже невозможно. Один из наиболее авторитетных учёных в этой области, М. Громов, пишет, что со временем доказательства растянутся на тысячи страниц, проверить которые никто из людей не сможет [6]. Тенденция такова, что знание сводится к вере, а математика начинает напоминать теологию, критерий истинности в которой — священная книга.

В-четвертых, сходная картина множественности взглядов и взаимного непонимания наблюдается в искусстве, религии и культуре в целом.

Таким образом, проблема сложности возникла вследствие сверхдифференциации знания, множественности взглядов и отсутствия общепризнанной точки зрения, потери ясности и целостности. Остаётся неясным, что есть, а что кажется. Без разрешения проблемы сложности невозможно приблизиться к пониманию «искусственного разума».

Математические понятия сложности. Первое строгое математическое определение принадлежит А.Н. Колмогорову: сложность объекта — это наименьший размер алгоритма, порождающего этот объект. Определение оказалось чрезвычайно удачным и стало активно использоваться не только в математике и информатике, но и в гуманитарных областях, культуре вообще. Например, именно в терминах сложности Колмогоров определил меру «поэтичности» текста.

Вторая математическая концепция сложности восходит к работам М. Блюма: вычислительная сложность — это количество шагов некоторого итеративного процесса, которые нуж-

но выполнить, чтобы этот объект получить или хотя бы распознать.

Итеративные процессы, многократно повторяемые действия, являются одним из основных способов порождения как абстрактных, так и конкретных объектов. Большая часть природы сформирована именно так: любые эволюционные процессы являются многократной итерацией, подчиняющейся на каждом шаге одним и тем же законам. Иногда результат может быть получен за конечное число шагов, иногда – нет. Примером последнего являются *фракталы*. Их построение – пример итеративного процесса, результат которого актуален и проявляется только после бесконечного числа шагов.

Математическое описание итеративных процессов даётся различными методами. Например, любое формальное определение алгоритма – это описание итеративного процесса, который должен выдать результат за конечное число шагов. Но современные концепции программирования уделяют всё большее внимание не императивным, а *декларативным* конструкциям, т.е. описанию не действий, а принципов. Для этого широко применяются логические языки. К сожалению, наиболее хорошо изученный язык логики предикатов недостаточно богат для таких целей, поэтому нужны его расширения.

Одним из них является оператор IFP – инфляционной неподвижной точки (С. Шелах, Ю. Гуревич). В терминах IFP-логики сложность объекта определяется как номер шага, на котором этот объект будет окончательно построен [7]. При этом можно выполнять любое *трансфинитное* число шагов. Так как процесс построения можно искусственно сократить или удлинить на произвольное конечное число шагов [15], то для инвариантности ведённой *IFP-сложности* следует ограничиться только *предельными ординалами* (ординал – тип вполне упорядоченного множества, обобщение натурального числа). Введённая мера сложности будет принимать значения предельных ординалов.

Возникает вопрос, можно ли применять столь абстрактные бесконечные объекты для описания сложности объектов

реального мира и культуры? Да. У ряда мыслителей прошлого можно найти подтверждение того, что применение концепции бесконечности позволяет преодолеть проблему сложности.

Одним из первых на бесконечность обратил внимание Зенон Элейский в своих апориях. Например, для современного учёного апория «Ахиллес и черепаха» решается переходом от потенциальной бесконечности к актуальной. Если мы рассматриваем отдельные стадии процесса, то их неограниченно много, и у нас возникает якобы противоречие: ни за какое конечное число этапов черепаху догнать нельзя. Но если рассмотреть всю бесконечность шагов как единое целое, соответствующее ординалу ω , весь процесс оказывает простым и завершённым.

Г. Кантор, введший понятие «ординал», в споре с противниками актуальной бесконечности указывал на труды Августина. Так, в «О граде Божьем», гл.18, сказано, что Бог способен обзирать бесконечность сотворённых объектов целиком. То, что простым смертным кажется сложным, неограниченным, для Бога — просто один актуально бесконечный объект. Другая ссылка — статья «О степенях могущества Господа Бога», опубликованная в трудах Академии наук Ватикана в 1920-е годы XIX в., где вводятся уровни могущества Творца, подобные трансфинитным числам.

Аналогичные идеи в XV в. высказывал Н. Кузанский. Они затем развивались в математике (Ж. Дезарг, Г. Кантор), а в XX в. и в диалектике. В.И. Свидерский и А.С. Кармин показали, что бесконечность является понятием «промежуточным» между абсолютным и относительным как категориями онтологии [12].

Концепция IFR-сложности представляется *естественной мерой сложности объектов реального мира и искусства*. Например, фракталы, которые в природе встречаются на каждом шагу, в простейшем случае требуют для полного построения ω шагов. Так, скажем, из треугольников строится «снежинка Коха». Но после её построения снова можно предпри-

нять какие-то действия, чтобы получить ещё более сложные объекты. Таким образом, можно создать фракталы, исходными для которых являются не геометрические примитивы, а другие фракталы. Этот процесс можно итерировать. Подобное часто происходит в искусстве.

Эпистемологическое понятие сложности. Понятие сложности независимо от математики «зрело» и в других областях — в искусстве, религии, философии. До XX в. оно понималось как «хаос, в котором невозможно разобраться», как «трудные задачи, неразрешимые в рамках старых представлений» и даже как «пропасти, в которых гибнут гении».

На наш взгляд, процесс развития любой цивилизации всегда приводит к «стене сложности», т.е. к нарастающему количеству противоречий, антиномий, аномалий, которые множатся и приводят к высокой энтропийности системы знаний: информации всё больше, а открытий всё меньше (как происходит и сегодня, в цифровую эпоху). Только скачок качества разрешает противоречие и пробивает стену сложности.

Так, в Древней Греции уравнения писали обыденным языком («неизвестное в третьей степени плюс второе неизвестное во второй степени ...»). Даже понять такой текст сложно, а решать задачи — ещё труднее. Один из величайших умов заката античности, Диофант, осознавал это и пытался исправить ситуацию. Но только после введения Ф. Виетом в XVI в. универсальных символических обозначений, уравнения стали интегративными, обозримыми. Алгебра стала быстро развиваться. Новый язык пробил стену сложности.

Ещё пример — теория инвариантов: к концу XIX столетия она была в основном завершена, П. Гордан получил основную теорему, доказательство заняло около 100 страниц. Но вскоре молодой Д. Гильберт опубликовал доказательство на двух страницах. Гордан назвал доказательство Гильберта «теологией, а не математикой» и отверг его. Но математическое сообщество признало результат Гильберта и пошло по его пути. Старое сложное знание было обобщено до нового — «высшего простого».

Аналогичные процессы обобщения, ведущего к высшей простоте, происходят и в других областях науки и культуры. Например, западные мифологии переросли в мировые религии, множество духов трансформировалось в единобожие (христианство, ислам).

При изучении электрических, магнитных, световых явлений за тысячи лет были открыты сотни частных закономерностей, связывающих эти феномены. Только Дж. Максвелл сумел интегрировать их в единую теорию. Он выдвинул понятие «поле», описал его 4 свойства, математически выразил в виде 4 векторных уравнений, чем сложное превратил в высшее простое, многое в единое. Метафорически произошла трансформация: $100 \rightarrow 4 \rightarrow 1$, т.е. сто частных уравнений превратились в 4 векторных, сущность которых одна – электромагнитное поле.

Вдохновлённые подобными примерами физики мечтают создать «теорию всего», которая объяснит все наблюдаемые и мыслимые феномены реальности на основе одного понятия, превратит многое в единое.

Таким образом, эпистемологически сложность – это познавательное отношение «субъект-объект», которое периодически возникает, развивается и как бы «исчезает», превращая сложное в высшее простое (происходит «снятие» по Г. Гегелю) в процессе успешной эволюции субъекта, на следующем уровне его совершенства [2].

Как видим, математическое понятие сложности возникло в теории алгоритмов, стало одним из базисных понятий информатики, опирается на актуальную бесконечность. Оно характеризует как целостность объекта, так и его динамику, эволюцию и развитие. В этом оно сблизилось с эпистемологическим понятием сложности, которое раскрывает внутреннее время эволюции (число шагов преобразований объекта, например, генома) и одновременно степень эволюционного совершенства объекта (живого существа или ИИ). В связи с этим даже математика как наука о «всех возможных формах» (С. Маклейн) обретает эволюционно-синергетический характер постнеклассической науки [8].

«Красота победит сложность» (эволюционно-эстетическое понятие сложности). Понятие сложности разворачивается перед нами в двух своих аспектах. Первый — это проблема сборки всего корпуса современного знания, накопленного цивилизацией в рамках единой картины мира, и его компактификация до уровня, приемлемого для операционной деятельности отдельного сознания. Этот аспект сложности выражен в давней мечте физики о создании единой теории поля («теории всего»). Однако построить такую теорию до сих пор не удается из-за высокой разнородности знания, его низкой связности, продолжающейся дифференциации знания, а также наличием так называемых областей «пропущенного знания».

Второй аспект — потеря оснований познавательной деятельности или научной онтологии. Используя метафору постмодерна, можно сказать, что современная наука оказалась сегодня во взвешенном состоянии, так как не имеет ни единого общепризнанного основания (разные научные сообщества признают разные основания), ни единой цели (колеблясь между истиной и пользой). Причина происшедшего усматривается, в первую очередь, в отказе от онтологии Бога при переходе от натурфилософии к современной экспериментальной науке в XVII в. Удалив Бога из картины мира, наука отказалась от принципа подобия человека и природы (как творений единого Бога). Человека и природу без Бога ничего теперь не связывает кроме, пожалуй, принципа единой космической эволюции.

Отражением этого аспекта является онтологический кризис в основаниях математики, случившийся в начале XX века и выраженный в вынужденном конвенциональном характере её аксиоматики.

Существенные расхождения во взглядах математиков на основные математические понятия, принципы и логические законы, пути избавления от парадоксов и способы обоснования непротиворечивости математики, наряду с долгими и безуспешными попытками преодолеть этот кризис привели к тому, что большинство математиков или перестали работать с аксиоматическими системами (см. прим. 7), или пришли к

конвенциональному соглашению о корректности наиболее популярной системы Цермело-Френкеля. Противоречия были искусственно устранены, а кризис погашен аксиоматическим путём, но ценой невозможности дальнейшего развития.

По-видимому, стратегия поведения в случаях столкновения с такого рода сложностью, когда преодолеть её прямолинейным движением не удастся, состоит в смене характера движения. К такому движению добавляется вращательное, и сложность преодолевается «вкручиванием» в неё. И, действительно, наблюдая самое длительное поступательное развитие в истории человечества — развитие математики — мы видим сегодня её возврат к истокам греческой античности.

Во-первых, постнеклассическая, синергетическая парадигма ставит в центр образа будущего новой науки Человека: «Мы на новом уровне возвращаемся к одному из императивов Античности — “Человек познай самого себя!”» [1, 39].

Во-вторых, сценарии развития микроэлектроники и вычислительной математики приводят к тому, что «Числа, с которыми оперируют элементы компьютерных схем, должны быть целыми. Греки ...с недоверием относились к действительным числам. По их мнению, оперировать следовало либо с целыми числами, либо получать результат с помощью построения линейкой и циркулем» [5, 128].

Наконец, в долгом пути развития математики зафиксировано, что она опять вернулась к приоритету интуиции над строгостью рассуждений, к той точке, от которой во времена Евклида это развитие начиналось. Следовательно, происходит как бы возврат к идеалам античной математики, но на следующем витке эволюционной спирали.

То же самое мы обнаруживаем в науке как таковой. Выйдя из своего натурфилософского естества, где она пребывала, в единстве с искусством, философией и религией, и став языком экспериментального естествознания, она лишилась некоторых черт, исчезнувших в гонке стремительного научно-технического прогресса, что сегодня, при столкновении со сложностью, проявляется очень остро. Прежде всего это прин-

ципы красоты и гармонии. Убрав эти принципы из собственных оснований и заменив их на принципы измеримости и относительности, современная наука настолько трансформировала образ окружающей действительности, что неизбежно столкнулась со «стеной сложности».

Выход — в следовании красоте и гармонии в основании науки. Без них возникает непомерное обременение сложностью и бесконечностью, которое ни наука, ни человек не в силах выдержать. И действительно, технологическое ускорение, стимулированное большинством стран, преследующее лишь политические и экономические задачи настоящего момента, приводит к тому, что ум человека перестает справляться с нарастающими объёмами информации, эмоциональная сфера перегружена впечатлениями, а интуиция «зашумлена» сильными сигналами, на фоне которых становится невозможно провести тонкие различия между добром и злом, правдой и ложью, красотой и безобразием.

Призывы Ф.М. Достоевского «Красота спасёт мир» и Н.К. Рериха «Осознание Красоты спасёт мир», с нашей точки зрения, прямо относятся к нашему времени как в научном, так и общекультурном смысле: «Красота победит сложность». В красоте мы усматриваем надежду, опору и ориентир для мира, в котором ожидания не оправдываются, основания утеряны и ориентиры сбиты, а человеческий разум искажается искусственным интеллектом.

Красота поляризует сознание и все три сферы его проявления: рациональную, эмоциональную и интуитивную. Она пробуждает в этих сферах высшие аттракторы человеческой природы, не направленные на удовлетворение базовых биологических потребностей и выживание.

Красота поляризует мышление на интеллект (рассудок) и разум (как о нём писал Кант). К интеллекту, направленному на материальное, понятное, простое, полезное и работающему с информацией в ограниченном пространстве, добавляется разум, стремящийся к идеальному, сложному, уникальному, благому, и оперирующий смыслами, существующими пространственно нелокально.

Мышление в классической науке монолектично, однозначно и исключает в своих суждениях любые противоречия. Красота же поляризует мышление на интеллект и разум, и к монолектике интеллекта добавляется диалектика, допускающая возможность практической работы с противоречиями. Отметим, что условия для этого уже подготовлены как внутри самой науки (квантовая механика), так и вне её (инженерия и философия).

Классический принцип экономии научного мышления (принципы Оккама) благодаря красоте дополняется принципом избыточности мышления, которое чётко выражено в сфере искусства и усматривается в предпосылках всех научных революций и в самой природе.

Экспериментальная наука до сих пор не работала с принципом красоты. С красотой работало искусство, являясь провозвестником того нового, что позже переходило в науку и ею осваивалось. Сегодня мы вправе говорить о «красивой науке» (см. прим. 8), или «научо-искусстве», т.е. о Science-Art [2], как синтезе интеллектуальных и творческих возможностей человека, стоящего перед вызовом сложности.

Таким образом, в XXI столетии, в период умирания старого, буржуазного общества и рождения новой, более духовной цивилизации возникает принципиально новое познание, главный метод которого – мышление движущимися мысле-образами (кратко МДМ) (см. прим. 9).

Выводы. Приближение искусственного интеллекта (ИИ) к искусственному разуму (ИР) возможно. Но современных знаний и методов для этого недостаточно. Стратегия создания (и «самосозидания») ИР состоит в том, что научному сообществу необходимо перейти на синергетический стиль мышления, разработать способы разрешения проблемы сложности (как на математическом, так и эпистемологическом уровне), создать основы новой науки (транснауки) – науки следующей цивилизации. Предпосылки транснауки – диалектика и синергетика, концепция сложности и мышление движущимися образами-понятиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буданов В.Г., Аршинов В.И., Лепский В.Е., Свирский Я.И. Сложность и проблема единства знания. Вып. 1. К стратегиям познания сложности. – М.: ИФ РАН, 2018. – 105 с.
2. Войцехович В.Э. Проблема сложности в постнеклассической науке // Философские науки. – 2012. – №4. – С. 17-19.
3. Войцехович В.Э. Наука следующей цивилизации – транснаука // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2016. – №3. – С. 46-52.
4. Войцехович В.Э., Малинецкий Г.Г. Предвестники нового средневековья // Глобальные риски цифровой эпохи и образы будущего. IV Международная научная конференция «Гуманитарные Губкинский чтения». Сборник материалов. Ч. 1. – М.: 2019. – С. 36-45.
5. Вольнов И.Н. Science-Art: Единство науки и искусства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2017. – Т. 22. – №4. – С. 557-564.
6. Громов М. Кольцо тайн: вселенная, математика, мысль. Электронное издание. – М.: Издательство МЦНМО, 2017. – 265 с.
7. Дудаков С.М. О границах трансфинитного построения инфляционной неподвижной точки // Вестник ТвГУ. Серия: Прикладная математика. – 2018. – №3. – С. 72-80.
8. Малинецкий Г.Г., Войцехович В.Э., Вольнов И.Н., Колесников А.В., Скиба И.Р., Сороко Э.М. Красота и гармония в цифровую эпоху: Математика – искусство – Искусственный интеллект. Будущее и гуманитарно-технологическая революция. – М.: ЛЕНАНД, 2021. – 240 с.
9. Малинецкий Г.Г. Синергетика – новый стиль мышления: Предметное знание, математическое моделирование и философская рефлексия в новой реальности. – М.: ЛЕНАНД, 2022. – 288 с.
10. Морен Э. Метод: Природа Природы. – М.: 2013. – 464 с.
11. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 312 с.
12. Свидерский В.И., Кармин А.С. Конечное и бесконечное. – М.: «Наука», 1966. – 320 с.
13. Стёлин В.С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. – М., 2013. – № 4. – С. 45-59.
14. Чернавский Д.С. Синергетика и информация (динамическая теория информации). – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 288 с.
15. Dudakov S.M. On inflationary fix-point operators safety. Lobachevskii J. Math., 36(4), (2015), – Pp. 328-331.
16. Mac Lane S. Categories for the working mathematician. – N.Y., 1971. IX, 262 p.
17. Voitikhovich V.E., Volnov I.N., and Malinetskiy G.G. System Analysis of Deep Trends in the Evolution of Science: From Fixed Concepts to Moving Artistic Images // System Analysis in Engineering and Control. – Vol. 442.
18. Yuriy S. Vasiliev, Nataliya D. Pankratova, Violetta N. Volkova, Olga D. Shipunova, Nikolay N. Lyabakh Editors. Springer Nature Switzerland AG 2022. – Pp. 109-120.

Примечания:

1. По этой причине геометрия шире, чем арифметика натуральных чисел (аксиоматика Пеано). Поэтому логицизм (одно из направлений в основаниях математики) был отвергнут. Математика шире, чем логика.
2. Ряд известных биологов и психологов XXI в. полагают, что у высших животных и растений существуют способности, близкие к «мыслительным»: индукция, дедукция, предвидение и т.п.

3. Например, на основе шумового генератора случайных чисел. В математике существуют псевдослучайные числа, получаемые алгоритмически. Они не относятся к подлинной, природной, онтологической случайности.

4. Конечно, эти высшие человеческие ценности должны быть выражены на языке ИИ.

5. Идея Маклейна является современным вариантом догадки Лейбница: математика – теория всех возможных миров. Развитием этой мысли является тезис: философия – «теория» всех возможных форм бытия.

6. В России насчитывают более 20 тысяч научных направлений. На Западе – более 70 тысяч.

7. Как выразился известный математик, с помощью аксиом можно что угодно объяснить, но ничего нельзя оправдать.

8. По мнению М. Дирака и ряда других учёных, важнейший критерий истины в науке – красота.

9. Эта метафора возрождает на следующем витке спирали познания пифагорейское понимание чисел как «живых разумных существ».

Georgy G. Malinetsky, Vyacheslav E. Voitsekhovich, Ilya N. Volnov, Sergey M. Dudakov

IS THE EVOLUTION OF AI TO ARTIFICIAL INTELLIGENCE POSSIBLE?

Institute of Applied Mathematics of M.V. Keldysh, Russian Academy of Sciences, 4, Miusskaya pl., Moscow, 125047, GMalin@keldysh.ru

Department of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University, 170100, Tver, Zhelyabova str., 33, Voitsekhovich.VE@tversu.ru

Moscow Polytechnic University, 107023, Moscow, Bolshaya Semenovskaya str., 38, iLja-volnov@yandex.ru

Department of Computer Science of Tver State University, 170100, Tver, Zhelyabova str., 33, sergeydudakov@yandex.ru

Abstract: *The subject of the article is the study of the potential and limitations of AI, the possibilities of its transformation to the level of strong AI (artificial intelligence). The purpose of the article is to substantiate the possibility of solving the tasks of turning AI into a strong AI. Methodology of achieving the goal: application of general scientific and private scientific research methods: induction and deduction, analysis*

and synthesis, formalization, interpretation, historical and logical, dialectical methods, synergetic approach to problem solving, forecasting. Main results: civilization and science have entered an era of crisis, the main difficulty of which is complexity. One of the most important ways to resolve the crisis is to create a strong AI. The main problem on this path is going beyond the algorithm. AI simulates potential infinity. The mind is the actual infinity. The problem of complexity is considered in three aspects – mathematical, epistemological and aesthetic-evolutionary. Mathematical concepts of complexity were proposed by A.N. Kolmogorov, M. Blum (the definition of the latter is being developed). The epistemological concept of complexity (as a subject-object relation) arises in the process of cognition and consists in replacing the complex with the “higher simple”, i.e. replacing the old diverse knowledge with a new, more general concept. The aesthetic-evolutionary concept of complexity is reduced to the disclosure of the thesis “Beauty will overcome complexity” (in the spirit of F.M. Dostoevsky and N.K. Roerich). Beauty and harmony are revealed as principles that allow solving the problem of complexity. The way of organization of accelerated artificial evolution of AI is shown, during which computer intelligence can grow to the level of reason and master both the actual infinity and the highest human values (freedom, creativity, truth, goodness, beauty, harmony, love, striving for the Absolute). On the way to artificial intelligence, it is necessary: the transition of the scientific community to a synergetic style of thinking, the creation of mathematics of “moving concepts”, the formation of a scientific and artistic method of cognition, the development of rationalism of “moving thought forms”. Conclusions: the development of AI theory is one of the ways out of the crisis of civilization and science. The evolution of AI to the level of artificial intelligence is possible.

Keywords: *thinking, algorithm, AI, artificial intelligence, complexity, infinity, synergetic, evolution.*

REFERENCES

1. Budanov V.G., Arshinov V.I., Lepskii V.E., Svirskii Ya.I. Slozhnostnost' i problema edinstva znaniya. Vyp. 1. K strategiyam poznaniya slozhnosti. – M.: IF RAN, 2018. – 105 s.
2. Voitsekhnovich V.E. Problema slozhnosti v postneklassicheskoi nauke // Filosofskie nauki. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2012. – №4. – S. 17-19.

3. Voitsekhovich V.E. Nauka sleduyushchei tsivilizatsii – transnauka // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: FILOSOFIYA. – 2016. – №3 – S. 46-52.
4. Voitsekhovich V.E., Malinetskii G.G. Predvestniki novogo srednevekov'ya // Global'nye riski tsifrovoy epokhi i obrazy budushchego. IV Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Gumanitarnye Gubkinskie chteniya». Sbornik materialov. Ch. 1. – M.: 2019. – S. 36-45.
5. Vol'nov I.N. Science-Art: Edinstvo nauki i iskusstva // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Filosofiya. – M.: – 2017. – T. 22. №4. – S. 557-564.
6. Gromov M. Kol'tso tain: vseennaya, matematika, mysl'. Elektronnoe izdanie. – M.: Izdatel'stvo MTsNMO, 2017. – 265 s.
7. Dudakov S.M. O granitsakh transfinitnogo postroeniya inflya–tsionnoi nepodvizhnoi tochki // Vestnik TvGU. Seriya: Priklad'naya matematika. – Tver': – 2018. – №3, – C. 72-80.
8. Malinetskii G.G., Voitsekhovich V.E., Vol'nov I.N., Kolesnikov A.V., Skiba I.R., Soroko E.M. Krasota i garmoniya v tsifrovuyu epokhu: Matematika – iskusstvo – Iskusstvennyi intellekt. Budushchee i humanitarno-tehnologicheskaya revolyutsiya. – M.: LENAND, 2021. – 240 s.
9. Malinetskii G.G. Sinergetika – novyi stil' myshleniya: Predmetnoe znanie, matematicheskoe modelirovanie i filosofskaya refleksiya v novoi real'nosti. – M.: LENAND, 2022. – 288 s.
10. Moren E. Metod: Priroda Prirody. – M.: 2013. – 464 s.
11. Prigozhin I., Stengers I. Poryadok iz khaosa. – M.: Editorial URSS, 2000. – 312 s.
12. Sviderskii V.I., Karmin A.S. Konechnoe i beskonechnoe. – M.: «Nauka», 1966. – 320 c.
13. Stepin V.S. Tipy nauchnoi ratsional'nosti i sinergeticheskaya paradigma // Slozhnost'. Razum. Postneklassika. – M., 2013. № 4. – S. 4-59.
14. Chernavskii D.S. Sinergetika i informatsiya (dinamicheskaya teoriya informatsii). – M.: Editorial URSS, 2004. – 288 s.
15. Dudakov S.M. On inflationary fix-point operators safety. Lobachevskii J. Math. 36(4). (2015), – Pp. 328-331.
16. Mac Lane S. Categories for the working mathematician –. N.Y., 1971. IX, 262 p.
17. Voitsekhovich V.E., Volnov I.N., and Malinetskiy G.G. System Analysis of Deep Trends in the Evolution of Science: From Fixed Concepts to Moving Artistic Images // System Analysis in Engineering and Control. – Vol. 442.
- Yuriy S. Vasiliev, Nataliya D. Pankratova, Violetta N. Volkova, Olga D. Shipunova, Nikolay N. Lyabakh Editors. Springer Nature Switzerland AG 2022. – Pp. 109-120.

Статья поступила в редакцию 16.07.2022 г.

UDC 130.3

DOI: 10.21146/1606_6251_2022_3/4_134_142

В.М. Розин

ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ НА ПЕРЕПУТЬЕ

***Аннотация:** В статье ставится вопрос о современном состоянии философии техники. Автор констатирует кризис этой философской дисциплины и объясняет, почему он так считает. Одновременно он соглашается, что в философии техники поставлены проблемы, проанализированы основные концепции философии техники, проведён генезис техники.*

Кризис философии техники заключается в том, что по мере изучения техники, этот феномен выглядит все более сложным, и главное, его становится невозможно помыслить как самостоятельное целое и объект. Приводятся аргументы, поясняющие это положение. Автор считает, что в связи с этой ситуацией напрашивается необходимость обсуждения методологии изучения современной техники и прояснение смысла философии техники как дисциплины. Рассматриваются тренды фьючекультуры, которые нужно учесть в процессе конституирования философии техники и методологии исследования современной техники.

***Ключевые слова:** техника, философия техники, технология, кризис, дисциплина, исследование, понятия, методология, философия, концепции.*

***Предисловие.** Для кого-то философия техники выглядит благополучной и сложившейся, имеющей понятную перспек-*

Розин Вадим Маркович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: rozinvm@gmail.com.

тиву развития, но для меня это не так. Я ощущаю кризис философии техники, необходимость очередного продумывания её назначения и смысла. Это может показаться странным, ведь я один из основателей в отечественной философии этой дисциплины, о чём свидетельствуют не только пять книг, посвященных философии техники, и чтение соответствующих курсов в университетах, но и, например, перевод моей книги «Философия техники» в Китае. Более того, я не отрицаю достижений философии техники в целом. Их, на мой взгляд, по меньшей мере три.

Во-первых, охарактеризованы основные концепции философии техники, например, Э. Каппа, П. Энгельмейера, К. Ясперса, М. Хайдеггера, Б. Кудрина, Х. Сколимовски. Во-вторых, поставлены проблемы, на которые эта философская дисциплина должна ответить. Например, что собой представляет феномен и сущность техники, каковы основные этапы развития техники, чем объяснить настоящий взрыв технического развития в XIX и XX столетиях, истоки и особенности техногенной цивилизации, в чём различие техники и технологии, каким образом минимизировать негативные последствия научно-технического развития. И, в-третьих, проведён анализ генезиса техники в европейской культуре, показавший, что техника в своём развитии прошла несколько этапов, на каждом из которых она выглядела по-разному: техника (1) как опытная деятельность и вид магии; (2) как инженерия и проектирование, как технология; (3) современная интерпретация развития техники. Или же, по другим критериям: техника как изготовление орудий и механизмов, как техническая среда и реальность, как новый планетарный феномен (Интернет, цифровизация, мобильная связь) [4].

О сущности техники. По мере изучения техники этот феномен выглядит всё более сложным, но главное, его становится невозможно рассматривать как самостоятельное целое и объект. И это притом, что техника вроде бы дана нам как очевидная непосредственная реальность. Вот орудия и машины, которые мы можем даже ощупать. Вот реальность, о

которой пишет Николай Бердяев, всё более влияющая на нашу жизнь. При этом её не удаётся свести ни к первой природе, ни ко второй (деятельности и культуре), она начинает «торчать» в нашем сознании именно как техника.

«Господство техники и машины, — пишет Бердяев, — есть, прежде всего, переход от органической жизни к организованной жизни, от растительности к конструктивности. С точки зрения органической жизни техника означает развоплощение, разрыв в органических телах истории, разрыв плоти и духа. Техника раскрывает новую ступень действительности, и эта действительность есть создание человека, результат прорыва духа в природу и внедрение разума в стихийные процессы. Техника разрушает старые тела и создает новые тела, совсем не похожие на тела органические, создает тела организованные... Техника заменяет органически-иррациональное организовано-рациональным. Но она порождает новые иррациональные последствия в социальной жизни... техника хочет овладеть духом и рационализировать его, превратить в автомат, поработить его. И это есть титаническая борьба человека и технизируемой им природы. Сначала человек зависел от природы, и зависимость эта была растительно-животной. Но вот начинается новая зависимость человека от природы, от новой природы, технически-машинная зависимость. В этом вся мучительность проблемы... Человеку удалось вызвать к жизни, реализовать новую действительность. Это есть показатель страшной мощи человека. Это указывает на его творческое и царственное призвание в мире. Но также и показатель его слабости, его склонности к рабству» [1, 11, 12, 15].

Однако, уже технику как «постав» (Хайдеггер) помыслить трудно. Тем более, трудно рассматривать её как посредника между человеком и природой, как наши замыслы и инженерные расчеты, воплощенные в материале, как формы «концептуализации» (магия, инженерия, технология). Вот, например, как Петр Энгельмейер характеризует технику. «Природа, — пишет в начале XX в. наш первый философ техники Петр Энгельмейер, — не преследует никаких целей, в челове-

ческом смысле слова. Природа автоматична. Явления природы между собой сцеплены так, что следуют друг за другом лишь в одном направлении: вода может течь только сверху вниз, разности потенциалов могут только выравниваться. Пусть, например, ряд А-В-С-Д-Е представляет собой такую природную цепь. Является фактическое звено А, и за ним автоматически следуют остальные, ибо природа фактична. А человек, наоборот, гипотетичен, и в этом лежит его преимущество. Так, например, он желал, чтобы наступило явление Е, но не в состоянии вызвать его своею мускульною силой. Но он знает такую цепь А-В-С-Д-Е, в которой видит явление А, доступное для его мускульной силы. Тогда он вызывает явление А, цепь вступает в действие, и явление Е наступает. Вот в чём сущность техники» [8, 85]. Как можно помыслить технику посредством этого определения: если это аспект природы и одновременно деятельности, то к какой реальности (онтологии) этот аспект принадлежит?

Сошлюсь и на свой опыт анализа техники. В работах «Философия техники» (2018) и «Понятие и современные концепции техники» (2006) я показываю, что сущность техники задаётся с помощью следующих положений: техника это «артефакт», «целенаправленное использование эффектов природы», «концептуализация и техническое искусство», «опосредование» (то, что связывает замысел и реализацию), «условие и один из механизмов социальности», наконец, вклад в технику делает её «генезис» (она проходит указанные выше этапы) [6, 5-53; 7, 69-115]. В этом исследовании техника помимо использования категорий «природа» и «деятельность» характеризуется в рамках онтологий культуры, социальности, развития. Как целое и объект она выглядит ещё более неопределенной, как бы размазанной по многим сферам истории, культуры и социальности.

Ещё один пример — это исследование Интернета. Это явно сверхсложная техническая система, без понимания которой сегодня нельзя понять, что собой представляет современная техника на переходе от модерна к «фьючекультуре». И одно-

временно Интернет это планетарный живой организм. Многие его процессы и организованности (пакетная передача информации, облачные сервисы, разработка программ, атакующих или защищающих другие программы) напоминают живые техно-биологические организмы. Интернет выступает посредником (в смысле Латура) разных как профессиональных, так и непрофессиональных (объединённых по интересам) сообществ. Короче, это и техника, и новая форма социальности [5].

Возникает естественный вопрос: может быть, техника — это эпифеномен, инобытие подлинного исторического, культурного и социального бытия? Но такому выводу противоречит материальное существование техники, её влияние на жизнь человека и культуры.

О кризисе философии техники и прогрессе наук. В чем же я вижу кризис философии техники? Я не хочу сказать, что изучение техники зашло в тупик, но явно напрашивается необходимость в обсуждении как методологии подобного изучения, так и смысла философии техники. Известно, что эта философская дисциплина была создана в конце XIX и начале XX столетия в связи с осознанием кризиса техногенной цивилизации. В этот момент возникла задача философской рефлексии техники (и одновременно, науки), именно в связи с этим осознанием. И в настоящее время мы имеем дело тоже с кризисом, но другого толка. Речь уже не идёт о выяснении впервые сущности науки и техники, они худо-бедно, но понятны.

Нуждается в философском осмыслении принципиально новая ситуация. Развитие техногенной цивилизации поставило под угрозу существование жизни на земле (экологический кризис, ядерное оружие, техногенные катастрофы и пр.), исчерпал себя бэконовский культурный проект «овладения первой природы», стало понятно, что человек не понимает законы разворачивания собственной активности (политической, социальной, инженерной, технологической), переделывающей на наших глазах и природу, и самого человека. Науку и технику теперь нужно понять в этом контексте, чтобы

повлиять на сложившуюся ситуацию. Как следствие на очереди пересмотр самого предмета философии науки и техники в ситуации становления фьючекультуры.

Одним из трендов становления фьючекультуры выступает конфликт России с Западом. На поверхности это политический конфликт, разрешение которого во многом определяется соотношением военных техник. Более глубокое понимание – это конфликт социальных систем и экономик. Возникает вопрос, как должна быть устроена фьючекультура, чтобы минимизировать конфликты социальности, или же подобная задача не ставится?

Другой тренд – это ограничение и трансформация техники, разрушающей жизнь. Но за этим стоит социальность модерна, которая воспроизводится и даже экспандирует, например, в форме процессов глобализации. С последней, как показывают современные исследования, связан и новоевропейский проект овладения природы, и создание естествознания и инженерии. Об этом размышляли ещё в эпоху Просвещения. «Прогресс наук – пишет, например, Кондорсе в книге «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума», – обеспечивает прогресс промышленности, который сам затем ускоряет научные успехи, и это взаимное влияние, действие которого беспрестанно возобновляется, должно быть причислено к более деятельным, наиболее могущественным причинам совершенствования человеческого рода» (цит. по: [3, 149]).

С прогрессом наук Кондорсе связывает увеличение массы продуктов, уменьшение сырьевых и материальных затрат при выпуске продуктов промышленности, уменьшение доли тяжелого труда, повышение целесообразности и рациональности потребления, рост народонаселения и в конечном итоге устранение вредных воздействий работ, привычек и климата, удлинение продолжительности человеческой жизни... В последней главе, посвященной десятой эпохе, Кондорсе намечает основные линии будущего прогресса человеческого разума и основанного на нём прогресса в социальной жизни человека: уничтожение неравенства между нациями, прогресс

равенства между различными классами того же народа, социального равенства между людьми, наконец, действительное совершенствование человека [3, 151-152].

Связь техники и социальности, возможностей, которые техника открывает, с характером и качеством жизни человека — идея, идущая ещё от Френсиса Бэкона, но так же и от философов техники конца XIX столетия. «Фред Бон в 1898 году, — пишет В.Г. Горохов, — издал своё концептуально-аналитическое исследование “О долге и добре”, из названия которого было бы трудно установить её связь с нашей темой, если бы слова “философия техники” не были бы внесены в заголовок одной из глав этой книги... Очень интересно, чем Фред Бон завершает свое исследование. Восходя по пути обобщений, Бон находит, что вся совокупность технических мероприятий имеет целью удовлетворять потребности человека. Потребность ставит известную цель; но если мы внимательно всмотримся в дело, то увидим, что одна цель является лишь средством к достижению другой цели. Восходя по этому ряду превращения целей в средства к достижению целей высших, мы доходим до положения, что все наши дела устремляются в одну конечную точку, а эта цель всех целей есть счастье. И таким образом, высшею технической целью является достижение счастья, и все вопросы — “что я должен делать, чтобы...?” сбегаются в один вопрос: “что я должен делать, чтобы быть счастливым?”. Ответ на этот вопрос, с точки зрения Ф.Бона, является самым важным, а все другие технические вопросы имеют лишь второстепенное значение, поскольку во всякой деятельности ведущим осознаётся желание счастья. Этот вопрос он рассматривает в специальной главе, названной “философия эвдезмизма”. Однако и эта цель подчиняется у него наивысшей и всеобщей цели — идее добра, составляющей предмет философии этики» [2, 26].

Вопрос такой: должна ли техника фьючекультуры работать на счастье человека или же это утопия и задача скорее минимизировать негативные последствия научно-технического развития?

Думаю, что моя мысль понятна: продумывание нового этапа развития философии техники связано с философским осмыслением целого ряда проблем, среди которых центральные – двойной цивилизационный переход (кризис модерна и становление фьючекультуры), позиционирование человека в возможной социальности ближайшего будущего, особенно-сти современной техники, а также ограничения, которые должны быть с нею связаны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) // Путь. – 1933. – №38. – С. 3-38.
2. Горохов В.Г. Философствующие инженеры и первые философы техники // Философия техники: история и современность. – М.: ИФ РАН, 1997. – С. 11-37.
3. Огурцов А.П. Философия науки эпохи Просвещения. – М.: ИФ РАН, 1993. – 213 с.
4. Розин В.М. К различению и уточнению понятий «техника», «технология», «техническая среда» // Философская мысль. – 2022. – №4. – С. 21-33.
5. Розин В.М. Интернет как техническое сооружение и живой планетарный организм / Розин В.М. Техника и социальность. – Йошкар-Ола, 2016. – С. 235-247.
6. Розин В.М. Философия техники. 2-е изд. – М.: Юрайт, 2018. – 296 с.
7. Розин В.М. Понятие и современные концепции техники. – М.: ИФРАН, 2006. – 255 с.
8. Энгельмейер П.К. Философия техники. Вып. 2. – М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1912. – 96 с.

V.M. Rozin

THE PHILOSOPHY OF TECHNICS AT A CROSSROADS

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1
Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation

***Abstract:** The article raises the question of the current state of the philosophy of technology. The author states the crisis of this philosophical discipline and explains why he thinks so. At the same time, he agrees that problems are posed in the philosophy of technology, the main concepts of the philosophy of technology are analyzed, and the genesis of technology is carried out. The crisis of the philosophy of technology lies in the fact that as technology is studied, this phenomenon looks more and more complex, and most importantly, it becomes impossible*

to think of it as an independent whole and object. Arguments explaining this position are given. The author believes that in connection with this situation, the need arises to discuss the methodology of studying modern technology and clarify the meaning of the philosophy of technology as a discipline. Future culture trends are considered, which must be taken into account in the process of constituting the philosophy of technology and methodology for the study of modern technology.

Keywords: *technique, philosophy of technique, technology, crisis, discipline, research, concepts, methodology, philosophy, concepts.*

REFERENCES

1. Berdyaev N. Chelovek i mashina (problema sociologii i metafiziki tekhniki) // Put'. – 1933. – №38. – S. 3-38.
2. Gorohov V.G. Filosofstvuyushchie inzhenery i pervye filosofy tekhniki // Filosofiya tekhniki: istoriya i sovremennost'. – M.: IFRAN, 1997. – S. 11-37.
3. Ogurcov A.P. Filosofiya nauki epohi Prosveshcheniya. IFRAN. – M., 1993. – 213 s.
4. Rozin V.M. K razlicheniyu i utochneniyu ponyatij «tekhnika», «tekhnologiya», «tekhnicheskaya sreda» // Filosofskaya mysl'. – 2022. №4. – S. 21-33.
5. Rozin V.M. Internet kak tekhnicheskoe sooruzhenie i zhivoj planetarnyj organizm / Rozin V.M. Tekhnika i social'nost'. – Joshkar-Ola, 2016. – S. 235-247.
6. Rozin V.M. Filosofiya tekhniki. 2-e izd. – M.: Yurajt, 2018. – 296 s.
7. Rozin V.M. Ponyatie i sovremennye koncepcii tekhniki. – M.: IFRAN, 2006. – 255 s.
8. Engel'mejer P.K. Filosofiya tekhniki. Vyp. 2. – M.: T-vo skoropech. A.A. Levenson, 1912. – 96 s.

Статья поступила в редакцию 14.07.2022 г.

UDC 316.4

DOI: 10.21146/1606_6251_2022_3/4_143_157

А.А. Яковлев, Е.А. Пчелко-Толстова, Г.П. Андреев

К ВОПРОСУ О РАЗЛИЧИИ НАУЧНЫХ, ТЕХНИЧЕСКИХ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ

***Аннотация:** На сегодняшний день сложилась ситуация, что термины «техническая парадигма» и «технологическая парадигма» используются в английском, русском и немецком языках не одинаково, а объём соответствующих понятий не одинаков при переходе с языка на язык, хотя на английском пишутся аннотации к значительной части научных публикаций, выходящих на любом языке. В статье показана предыстория проблемы, а также указано, что в русском и английском языках технические парадигмы и в экономике, и в философии названы технологическими, в то время, как в немецком в обеих дисциплинах существуют одновременно и технические и технологические парадигмы, чёткая граница между которыми несмотря на наличие строгих определений до сих пор не проведена.*

***Ключевые слова:** парадигма, техническая парадигма, технологическая парадигма, Томас Кун, Бернхард Ирриганг, Джованни Доси, технологический уклад.*

Яковлев Алексей Александрович – преподаватель кафедры иностранных языков факультета физико-математических и естественных наук Российского университета дружбы народов (Москва). E-mail: yakovlev-aa@rudn.ru;

Пчелко-Толстова Екатерина Александровна – старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета физико-математических и естественных наук Российского университета дружбы народов (Москва). E-mail: pchelko-tolstova-ea@rudn.ru;

Андреев Геннадий Петрович – независимый исследователь (Москва). E-mail: krasnayacommuна@yandex.ru

Постановка проблемы. В то время, как использование терминов «научная парадигма» и «научная революция» при всех различиях в интерпретации учения Т. Куна упорядочено и те, кто их использует, понимают под ними примерно одно и то же и могут понять друг друга, а смысл сохраняется даже при переводе работ с одного языка на другой, использование терминов «техническая парадигма» и «технологическая парадигма» не только отличается хаотичностью, но даже затруднено при смене языка либо страны, в которой проходят исследования.

Если термин Т. Куна сегодня может использоваться как философами науки, так и иными учеными, поднимающими фундаментальные проблемы или фиксирующими значительные перемены, которые можно назвать научной революцией (пусть и локальной), то с парадигмами другого рода дела обстоят намного сложнее, а зависимость словоупотребления от языковой среды и социокультурного контекста ставит нас в ситуацию, на которую обращал внимание ещё Ф. Бэкон в своем «Новом Органоне». Это выглядит как идол рынка – неупорядоченное использование слов без достаточно чётких значений, вероятно, по причине интуитивной понятности терминов.

Конечно, всегда можно возразить, что наука в разные времена сталкивалась с чем-то подобным: это может быть и разное значение терминов в разных науках, и понимание одного и того же разными дисциплинами по-разному. Так, например, распространение атомизма в химии и физике длилось в XIX в., причем в двух дисциплинах по отдельности, несмотря на их близость. Атомизм успевал за короткое время утверждаться, выходить из моды и снова восстанавливаться. Причем, между его утверждением в физике и химии прошло более тридцати лет. В химии атомизм утверждался дважды: в 1811 г. и в 1860 г. (последний раз это было не через постулирование отдельным ученым, но, напротив, конвенциональное принятие на конференции в Карлсруэ) [16, 93].

Утверждение атомизма в физике можно датировать вовсе девяностыми годами XIX в. Еще для Э. Маха атомы были

лишь математическими моделями. В 1895 г. в Любеке состоялась встреча химиков и физико-химиков, где ещё имели место споры о принятии либо непринятии учения об атомах [20, 396]. И этот пример не единственный. То, что было для одних реальностью, оказывалось для других лишь удобной для работы математической моделью, а потому и само слово «атом» для физиков, химиков, физико-химиков имело разные значения.

В похожей ситуации мы сегодня оказываемся, изучая положение дел с техническими и технологическими парадигмами. Тогда как в английском языке существует термин “*technological paradigm*”, который можно одновременно перевести и как «технологическая парадигма», и как «техническая парадигма», в немецком языке существует еще «техническая парадигма» (нем. “*technisches Paradigma*“), а оба термина используются в разных значениях, хотя фактическое словоупотребление пересекается. В русском языке укоренился термин «технологическая парадигма», однако используется он в разных значениях даже в пределах одних и тех же дисциплин, что приводит к разному пониманию одного и того же, и что нельзя свести к простой омонимичности. Здесь мы имеем дело именно с необходимостью наведения порядка в использовании терминов.

Предыстория проблемы. Т. Кун сразу ввел свой термин именно как философский. В своей «Структуре научных революций» он определил парадигму как систему базовых научных трудов и идей, через знакомство с которыми студент во время обучения в университете приобретает к своей дисциплине [15, 25]. Эти идеи в ситуации нормальной науки, т.е., когда ученые заняты решением локальных головоломок, а не пересмотром фундаментальных принципов или переосмыслением границ своей профессиональной области, не подлежат сомнению, а труды ученых, создавших эти идеи, оказываются основой для построения учебных курсов и ориентиром в деятельности исследователя [15, 25]. Конечно, он сам позднее писал, что находил множество толкований того, чем,

собственно, является парадигма, однако, и это будет показано далее, различия в понимании того, о чём идет речь, не так велики, как с другим.

Термин «технологическая парадигма» был введен в оборот итальянским экономистом Дж. Доси в 1982 г. сразу же на английском языке. Его работа была опубликована в журнале “Research Policy”, где про технологическую парадигму он писал так: «По аналогии с куновским определением «научной парадигмы» мы определим «технологическую парадигму» как «модель» и «образец» решения выбранных технологических проблем, основанную на избранных принципах, полученных из естествознания, и в рамках определенной технологии» [8, 151]. При этом сами технологии он рассматривает не просто так, а в связи с теми промышленными структурами, в которые та или иная технология включена. Сама работа “Technological paradigms and technological trajectories: a suggested interpretation of the determinants and directions of technical change” – труд экономический, а не философский, и рассматривает технологии в индустриальном контексте, а не сами по себе как средства решения технических задач. Именно в философской перспективе развитие этого понятия начнётся в 1990-е годы и на другом языке, потому идеи Доси изначально и развивались внутри экономической науки.

В 1984 г. К. Перес ввела связанное с идеями Доси понятие «технико-экономическая парадигма» как «модель лучшей практики для наиболее эффективного использования новых технологий внутри и за пределами новых отраслей» [19, 13]. Еще парой лет позже советский (на тот момент) экономист С.Ю. Глазьев ввёл понятие «технологического уклада», который определил следующим образом: «Технологический уклад – это “целостный комплекс технологически сопряженных производств, представляющий собой макроэкономический воспроизводственный контур, охватывающий все стадии переработки ресурсов, и соответствующий тип непроизводственного потребления”» [2, 798]. Создавая свою теорию, С.Ю. Глазьев опирался среди прочего и на работы Дж. Доси.

В 1991 г. Ричард Дженнер из Государственного университета Сан-Франциско опубликовал в журнале *Small Business Economics* работу “Technological paradigms, innovative behavior and the formation of dissipative enterprises”, где предложил для понимания того, как меняются технические парадигмы использовать теорию хаоса и теорию диссипативных структур [13, 297]. Это нашло применение не только в экономике, но также и в сопряжённых с нею дисциплинах.

В 2006 г. на восьмой международной конференции по корпоративным информационным системам (CONFENIS 2006) проходившей в Австрии, Ли Цзиньпин, Лю Ренцин и Шэн Шаньшань из Школы менеджмента Сианьского университета Цзяотун также представили доклад о том, как введение теории диссипативных структур должно помочь в разработке и развитии новых корпоративных информационных систем [16, 705]. Выпускник РУДН Гилем Акерманн в докладе на конференции *Computational Science – ICCS 2020*, проходившей в июне 2020 г. в Амстердаме, предлагает использовать теорию диссипативных структур для понимания иерархичности инновационной системы, а также для понимания роли тех её элементов, которые выполняют роль посредников в передаче знаний между другими [7, 252].

В условиях широкого применения терминов появились и работы по определению границ тех или иных парадигм. Чангбае Мун из университета Ханьянг (Сеул, Республика Корея) предлагает определять временные границы тех или иных парадигм по зарегистрированным в то или иное время патентам. Он характеризует периоды «доминантно-важного знания» [18].

За пределами экономики и философии у теории технологических парадигм также нашлось применение, причем в русскоязычном дискурсе парадигма называется именно технологической, а не технической. Так С.А. Комков из Иркутского государственного университета определяет «технологическую парадигму трудового права» как концептуальную модель постановки и решения поставленной в рамках этой отрасли проблемы [1, 51]. Н.С. Редькина из Государственной публич-

ной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН, с опорой на идеи К. Перес и Дж. Доси, пишет про особую технологическую парадигму в библиотековедении. Она не предлагает рассматривать её в отрыве от современной научно-технологической парадигмы в целом, но сам по себе её подход – это подход узко специализированный, а не общий, как у экономистов. Её технологическая парадигма библиотековедения оказывается узкопрофильной и касается решения конкретных практических задач, а не вписана в общетехнологическую, как это делают представители экономической науки [4, 17-24].

Т.С. Новикова и М.В. Королькова, работающие в Новосибирском государственном университете, используют понятие технологических парадигм применительно к периодизации развития технологий наряду с длинными волнами Кондратьева. Они ссылаются на Дж. Доси указывая, что смена парадигм случается путём промышленных революций [3, 120]. Они же ссылаются на К. Шваба, возглавляющего Всемирный экономический форум в Давосе, хотя сам он в работе «Четвертая промышленная революция» называет парадигмой не систему технологий или технических регламентов, а имеющуюся в определенный исторический период систему общественных отношений [6, 40].

В то же самое время Матиас Кнаппе из университета Гогенхайма в своей работе «Кооперация как стратегия технологической смены парадигм» приводит в качестве примера смены технологической парадигмы переход от автомобиля с двигателем внутреннего сгорания к электромобилю. Он рассматривает трансформацию в разных контекстах, хотя на первом месте для него стоит экономический контекст, тем более, что сама его работа была защищена как докторская диссертация по экономике. Он же пишет о траекториях, складывающихся в рамках этих парадигм [14]. Хотя он и опирается на Д. Доси, как будет показано ниже, его подход соответствует не столько экономическому толкованию технологических парадигм, близкому к длинным волнам в экономике, сколько теории техни-

ческих парадигм, развитой в философии техники. То же самое можно сказать и об обходящемся вовсе без теоретического введения использовании термина Н.С. Редькиной.

Использование термина в философии техники. Разделение технической и технологической парадигм. В 1990-е гг. происходит и философское осмысление понятия «технологическая парадигма», а в немецкоязычном дискурсе появляется понятие «технической парадигмы». Г. Флейшман определяет техническую (нем. *technisch*) парадигму как «модель и структуру решения конкретных технических проблем, которые основаны на выбранных принципах, полученных из естественных наук, основанных на избранных материальных технологиях» [9, 13]. Теория технических парадигм им и другими авторами разрабатывается с опорой не только на Дж. Доси (которого они называют автором термина) но также и на Т. Куна, упоминаемого в ключевой работе Дж. Доси. Они (и особенно Г. Флейшман) делают упор на описание разницы между научной и технической парадигмами.

Так, если для Т. Куна научная парадигма оказывается системой единственно верных на определенном историческом этапе трудов, норм, правил и тезисов, то для технической парадигмы устанавливаются как другие правила её утверждения в обществе, так и иная роль. Если научная парадигма в ситуации нормальной науки может быть только одна, то технических парадигм может быть и несколько одновременно. Причина тому кроется в первом и главном отличии технической парадигмы от научной, на которое авторы обращают внимание: если для утверждения новой научной парадигмы требуется принятие его профессиональным сообществом, то для утверждения технической парадигмы требуется её принятие как профессионалами, так и потребителями, которых конкретно эта парадигма касается [9, 13].

И. Зубова из РУДН в 2019 г. выступила на конференции «Ломоносов» с докладом, в котором представила на конкретных примерах, как несколько технических парадигм могут успешно сосуществовать одновременно, при этом ни одна из

них не будет считаться шарлатанством, но напротив будет вполне признанным как экспертным сообществом, так и широкой публикой способом решения технических задач. Речь в её случае шла о способах создания веб-сайтов: одни из них доступны только профессионалам, другие — людям, не обладающим профильной подготовкой [22].

Одним из продолжателей идей Г. Флейшмана является немецкий философ Б. Иррганг, возглавлявший до 2019 г. кафедру философии техники Дрезденского технического университета. Он так же и в том же значении, что и Флейшман с соавторами, использует термин «техническая парадигма», хотя в других контекстах в его трудах присутствует и парадигма технологическая. В русле теории технических парадигм построена и трёхкомпонентная теория технического знания Б. Иррганга: знание ситуативное об использовании, знание об устройстве и конструкции, знание о последствиях использования той или иной техники [12, 6]. Масштабные преобразования, сравнимые с революциями, часто сопровождаются наивной оценкой последствий внедрения техники, либо вовсе игнорированием этого вопроса, поэтому, конечно, про такую модель технического знания можно говорить именно применительно именно к ситуации траектории. В то же самое время термин «технологическая парадигма» в немецкоязычном научном дискурсе используется.

Немецкий философ Х. Грайф, работающий сегодня в Варшавском техническом университете, также продолжает традицию использования термина «техническая парадигма». В работе 2011 г. «К анализу распространения социальных и технических сетей» он характеризует изменившуюся в 2000-е гг. роль социальных сетей как революцию, при этом речь он ведёт не только и не столько о технической стороне вопроса, сколько о социальных последствиях трансформации [10, 11]. Масштаб описываемых им трансформаций в обществе, вызванных распространением сети «Фейсбук», больше похож на смену технологической парадигмы в трудах экономистов, чем технической в трудах философов. Фактически, здесь пред-

ставление о сетях как техническом феномене оказывается, как раз, трехкомпонентным: собственно техника, её применение, и последствия её применения. Для Х. Грайфа и его соавторов по сборнику «Распространение сетей как социальная и техническая парадигма» (или если дословно перевести с немецкого: «осетевение») рассмотрение происходит в рамках досиевского представления, а не в рамках куновско-флейшмановского, а потому тут уместнее было бы говорить о парадигме технологической, тем более, что одна из перспектив исследования вопроса там — экономическая [10, 147], хотя авторы называют распространение сетей именно технической парадигмой.

Аналоги нормальной науки в теории технических парадигм.

Если взять за опору теорию научных революций Т. Куна, то следующим и вполне логичным шагом будет создание аналога куновской нормальной науки. Г. Флейшман называет её траекторией — это период развития той или иной технологии, когда потенциала той или иной парадигмы хватает для развития соответствующих технологий, а альтернативы оказываются не нужны. Как уже сказано выше, этот термин используется и в экономической науке (М. Кнаппе).

Первая и основная причина кризисов технических парадигм заключается в том, что развитие каждой парадигмы ограничено. После больших успехов и принятия новой идеи неизбежно наступит застой в технологиях. Другая причина кризисов парадигм — реакция на кризисы или революцию других парадигм. Например, развитие электродвигателей повлияло на развитие всей железнодорожной системы (многие железные дороги впоследствии были электрифицированы). Также нужно отметить, что, поскольку технические преобразования являются не только техническими, но и социальными процессами, они обладают теми же характеристиками, что и социальные преобразования, и, конечно же, как и другие процессы, мотивируемые некоторыми людьми и группами, они не только получают поддержку сторонников, но и сопротивление оппонентов, критиков и заинтересованных противников.

Г. Флейшман обращает внимание на то, что чем сложнее новая парадигма, тем больше противников у неё внедрения, то же самое касается массовости новой парадигмы или случаев зарегулированности её государством либо надгосударственными регулирующими органами [9, 19]. На это обращают внимание не только исследователи, но и политики. Например, депутат Бундестага Германии от Свободной демократической партии Йоханнес Фогель заявлял, что «со вчерашними “аналоговыми” законами невозможно сформировать рынок труда завтрашнего дня» [21].

Впрочем, как показывают и практика, и лозунги некоторых политиков, партий и движений, некоторые технические парадигмы могут насаждаться или запрещаться искусственно. Так председатель фракции «Союз 90/Зеленые» в том же законодательном органе А. Хофрайтер выступает открыто за запрет производства продуктов ГМО в Германии, а также за то, чтобы сельскохозяйственные животные, которым для комфортного существования требуется возможность свободно гулять по улице, этой возможностью обладали [11]. Заметим, что идеи А. Хофрайтера не воплощены в жизнь и в 2022 г., когда министерство сельского хозяйства Германии контролируется партией, которую он представляет.

Техническая парадигма в русскоязычном пространстве. Если мы обратимся к русскоязычному дискурсу, то обнаружим наличие представлений о технической парадигме, хотя авторы её именуют технологической, и если сравнивать словоупотребление с тем которое есть в немецкоязычной философии техники, то речь идёт там именно о технической парадигме. А.Г. Храмцов в работе «Парадигма формирования технологических платформ высоких технологий пищевой индустрии» пишет о конкретных достижениях конкретной научной школы, занимающейся переработкой молока. Сама технологическая платформа как «система машин и технологий» также представлена в специальном отраслевом контексте, а не как часть экономики в целом. Парадигмой в такой ситуации оказывается база для формирования платформы [5, 9].

А.Г. Храмов не ссылается ни на какие экономические или философские первоисточники, хотя само понятие парадигмы здесь оказывается наиболее близким к тому, которого придерживаются исследователи, изучающие феномен технической парадигмы именно в философском смысле. Хотя речь и идёт о формировании, автор пишет не о революции, а лишь о развитии, потому в данном случае можно говорить именно о траектории как аналоге нормальной науки. Аналогично обстоит дело и с упомянутым выше примером из библиотековедения. Фактически и техническая, и технологическая парадигмы в русскоязычном пространстве названы технологическими, что напоминает пример М. Кнаппе, называющего техническую парадигму технологической.

Ситуация неупорядоченного использования терминов. Как показано выше, термины «техническая парадигма» и «технологическая парадигма» в немецком, английском и русском языках используются не одинаково и появились не одновременно. Фактически, если применить к этим словам учение Е.К. Войшвилло о понятии, уподобляющее сами понятия множествам, то их объёмы, при переходе с языка на язык, не будут тождественны. Тогда как в немецком языке параллельно сосуществуют и в экономическом, и в философском смыслах техническая и технологическая парадигмы, в русском языке техническую парадигму принято чаще называть технологической.

Ниже приведена таблица (см. табл. 1) словоупотребления в разных языках.

Заключение. Если в немецком и русском языках хватает терминов для обозначения и технологических, и технических парадигм как в философском, так и в экономическом дискурсах, то иначе обстоят дела со словоупотреблением в английском языке, который является языком большинства аннотаций для научных работ, изданных на любом языке, на котором вообще выходят научные издания. Фактически сегодня само словоупотребление не упорядочено. Тем не менее, уже сегодня можно говорить об отличии технологичес-

Табл. 1. Употребление терминов «техническая парадигма», «технологическая парадигма» в экономическом и философском дискурсах в русском, английском и немецком языках

Язык	Английский	Русский	Немецкий
Техническая парадигма (экономическое значение)	0	0	у
Техническая парадигма (философское значение)	0	0	х
Технологическая парадигма (философское значение)	х	х	х
Технологическая парадигма (экономическое значение)	у	у	у

Примечание: Буквами х и у отмечено одинаковое словоупотребление, т.е., слова и выражения, помеченные одними и теми же буквами, синонимичны, а объём понятий будет одинаков. Цифрой 0 отмечено отсутствие такого словоупотребления в данном языке.

ких и технических парадигм от научных и друг от друга, по крайней мере, на русском и немецком языках, на которых выходят индекслируемые в различных базах данных издания. Вопрос наведения порядка в словоупотреблении и преодолении идола рынка — это вопрос внимания к теме среди исследователей и популяризации самого понятия «техническая парадигма».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Комков С.А.* Понятие технологической парадигмы Российского трудового права // Сибирский юридический вестник. — 2018. — № 2. — С. 50-55.
2. *Львов Д.С., Глазьев С.Ю.* Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. — 1986. — № 5. — С. 793-804.
3. *Новикова Т.С., Королькова М.В.* Концептуальные конструкции современного научно-технологического развития: обзор зарубежных подходов // Мир экономики и управления. — 2019. — Т. 19. — С. 115-132.
4. *Редькина Н.С.* Парадигмальные изменения в библиотековедении: технологическая парадигма и концепция технологического менеджмента в библиотеке // Библиосфера. — 2012. — № 1. — С. 17-24.
5. *Храмцов А.Г.* Парадигма формирования технологических платформ высоких технологий пищевой индустрии // Известия вузов. Пищевая технология. — 2014. №2-3. — С. 9-12.
6. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. — М.: АНО ДПО Корпоративный университет Сбербанк, 2016. — 896 с.

7. *Achermann G., De Luca G., Simoni M.* An Information-Theoretic and Dissipative Systems Approach to the Study of Knowledge Diffusion and Emerging Complexity in Innovation Systems // Computational Science – ICCS 2020, 20th International Conference, – Amsterdam: Proceedings, Part IV, Springer June 3-5, 2020. Pp. 252-266.
8. *Dosi G.* Technological paradigms and technological trajectories: a suggested interpretation of the determinants and directions of technical change // Research Policy. 1982. Pp. 147-162.
9. *Esser J., Fleischmann G., Heimer T.* Soziale Schließung im Prozess der Technologieentwicklung. Leitbild, Paradigma, Standard. – Frankfurt: Campus Verlag, 1998.
10. *Greif H., Werner M.* Zur Analyse sozialer und technischer Vernetzung. Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH: Verlag für Sozialwissenschaften. 2012.
11. *Hofreiter A.* Ideologische Verhaltensstarre zur Grünen Woche (online) URL: <https://toni-hofreiter.de/ideologische-verhaltensstarre-zur-gruenen-woche/> [дата обращения – 6 июня 2022].
12. *Irrgang B.* Philosophie der Technik. Dresden. 2007.
13. *Jenner R.A.* Technological paradigms, innovative behavior and the formation of dissipative enterprises // *Small Bus Econ.* 3. Pp. 297-305.
14. *Knappe M.* Kooperation als Strategie technologischen Paradigmenwechsels. Eine nachhaltigkeitsbasierte Untersuchung der Elektrifizierung des Automobils (online) (http://opus.uni-hohenheim.de/volltexte/2014/1037/pdf/2014_Dissertation_Mathias_Knappe.pdf) (Дата обращения: 6 июня 2022).
15. *Kuhn T.S.* Die Struktur der wissenschaftlichen Revolutionen. Suhrkamp. 1976.
16. *Li J., Liu R., Sheng S.* (2006) The Implication of Dissipative Structure Theory to Enterprise Information System // Research and Practical Issues of Enterprise Information Systems. Eds by Tjoa A.M., Xu L., Chaudhry S.S. IFIP International Federation for Information Processing. – Boston: Springer. Vol. 205. Pp. 705-711.
17. *Loqueneux R.* Kurze Geschichte der Physik. Göttingen: Vadenhoeck & Ruprecht, 1989.
18. *Mun C., Yoon S, Kim Y, Raghavan N, Park H.* Quantitative identification of technological paradigm changes using knowledge persistence // PLoS ONE 14(8): e0220819. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0220819>.
19. *Perez C.* Technological revolutions and techno-economic paradigms // Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics. January 2009 (№ 20).
20. *Simonyi K.* Kulturgeschichte der Physik. – Leipzig, – Jena Berlin: Urania Verlag, 1990.
21. *Vogel J.* Für mehr Selbstbestimmung bei der Arbeitszeit. Webseite der FDP (https://www.fdp.de/arbeitsmarkt_fuer-mehr-selbstbestimmung-bei-der-arbeitszeit) (Дата обращения: 6 июня 2022).
22. *Zubova I.* Pluralism of paradigms in information technologies on the example of creating website // Lomonosov Conference, 2019 (online) (https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2019/data/15737/91620_uid343132_report.pdf) (Дата обращения: 6 июня 2022).

A.A. Yakovlev, E.A. Pchelko-Tolstova, G.P. Andreev

ON THE ISSUE OF THE DIFFERENCE BETWEEN SCIENTIFIC, TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL PARADIGMS

Department of Foreign Languages of the Faculty of Physics, Mathematics and Natural Sciences of the Peoples' Friendship

---

University of Russia (Moscow). 6, Miklukho-Maklaya, Moscow, 117198 E-mail: yakovlev-aa@rudn.ru, pchelko-tolstova-ea@rudn.ru; krasna-yacommuna@yandex.ru.

Abstract: *Today there is a situation that the terms “technical paradigm” and “technological paradigm” are not used in the same way in English, Russian and German, and the volume of the corresponding concepts is not the same when translating from language to language, although annotations are written in English to a significant part of scientific publications published in any language. The article shows the background of the problem, and also indicates that in Russian and English, technical paradigms in both economics and philosophy are called technological, while in German in both disciplines there are both technical and technological paradigms, a clear boundary between them. despite the presence of rigorous definitions has not yet been carried out.*

Keywords: *paradigm, technical paradigm, technological paradigm, Thomas Kuhn, Bernhard Irrgang, Giovanni Dosi.*

REFERENCES

1. *Komkov S.A.* Ponyatie tekhnologicheskoy paradigmy Rossijskogo trudovogo prava // Sibirskij juridicheskij vestnik. 2018. — № 2. — S. 50-55.
2. *L'vov D.S., Glaz'ev S.Yu.* Teoreticheskie i prikladnye aspekty upravleniya NTP // Ekonomika i matematicheskie metody. 1986. — № 5. — S. 793-804.
3. *Novikova T.S., Korol'kova M.V.* Konceptual'nye konstrukcii sovremenno-go nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya: obzor zarubezhnyh podhodov // Mir ekonomiki i upravleniya. 2019. — T. 19. — S. 115-132.
4. *Red'kina N.S.* Paradigmal'nye izmeneniya v bibliotekovedenii: tekhnolo-gicheskaya paradigma i koncepciya tekhnologicheskogo menedzhmenta v biblioteke // Bibliosfera. 2012. — № 1. — S. 17-24.
5. *Hramcov A.G.* Paradigma formirovaniya tekhnologicheskikh platform vyso-kih tekhnologij pishchevoj industrii // Izvestiya vuzov. Pishchevaya tekhnologiya. — 2014. №2-3. — S. 9-12.
6. *Shvab K.* Chetvertaya promyshlennaya revolyuciya. M.: ANO DPO Korporativ-nyj universitet Sberbanka, 2016. — 896 s.
7. *Achermann G., De Luca G., Simoni M.* An Information-Theoretic and Dissipative Systems Approach to the Study of Knowledge Diffusion and Emerging Complexity in Innovation Systems // Computational Science — ICCS 2020, 20th International Conference, — Amsterdam: Proceedings, Part IV, Springer June 3–5, 2020. Pp. 252-266.
8. *Dosi G.* Technological paradigms and technological trajectories: a suggested interpretation of the determinants and directions of technical change // Research Policy. 1982. Pp. 147-162.
9. *Esser J., Fleischmann G., Heimer T.* Soziale Schließung im Prozess der Technologieentwicklung. Leitbild, Paradigma, Standard. — Frankfurt: Campus Verlag, 1998.

10. *Greif H., Werner M.* Zur Analyse sozialer und technischer Vernetzung. Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH: Verlag für Sozialwissenschaften. 2012.
11. *Hofreiter A.* Ideologische Verhaltensstarre zur Grünen Woche (online) URL: <https://toni-hofreiter.de/ideologische-verhaltensstarre-zur-gruenen-woche/> (data obrashcheniya – 6 june 2022).
12. *Irrgang B.* Philosophie der Technik. Dresden. 2007.
13. *Jenner R.A.* Technological paradigms, innovative behavior and the formation of dissipative enterprises // *Small Bus Econ.* 3. Pp. 297-305.
14. *Knappe M.* Kooperation als Strategie technologischen Paradigmenwechsels. Eine nachhaltigkeitsbasierte Untersuchung der Elektrifizierung des Automobils (online) (http://opus.uni-hohenheim.de/volltexte/2014/1037/pdf/2014_Dissertation_Mathias_Knappe.pdf) (data obrashcheniya 6 june 2022).
15. *Kuhn T.S.* Die Struktur der wissenschaftlichen Revolutionen. Suhrkamp. 1976.
16. *Li J., Liu R., Sheng S.* (2006) The Implication of Dissipative Structure Theory to Enterprise Information System // *Research and Practical Issues of Enterprise Information Systems.* Eds by Tjoa A.M., Xu L., Chaudhry S.S. IFIP International Federation for Information Processing. – Boston: Springer. Vol. 205. Pp. 705-711.
17. *Loqueneux R.* Kurze Geschichte der Physik. Göttingen: Vadenhoeck & Ruprecht, 1989.
18. *Mun C., Yoon S, Kim Y, Raghavan N, Park H.* Quantitative identification of technological paradigm changes using knowledge persistence // *PLoS ONE* 14(8): e0220819. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0220819>.
19. *Perez C.* Technological revolutions and techno-economic paradigms // *Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics.* January 2009 (№20).
20. *Simonyi K.* Kulturgeschichte der Physik. – Leipzig, – Jena Berlin: Urania Verlag, 1990.
21. *Vogel J.* Für mehr Selbstbestimmung bei der Arbeitszeit. Webseite der FDP (https://www.fdp.de/arbeitsmarkt_fuer-mehr-selbstbestimmung-bei-der-arbeitszeit) (data obrashcheniya 6 june 2022).
22. *Zubova I.* Pluralism of paradigms in information technologies on the example of creating website // *Lomonosov Conference, 2019* (online) (https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2019/data/15737/91620_uid343132_report.pdf) (data obrashcheniya 6 june 2022).

Статья поступила в редакцию 14.07.2022 г.

1.5. Философия культуры и образования

UDC 1.(091) DOI: 10.21146/1606_6251_2022_3/4_158_177

А.М. Копировский

КОНЦЕПЦИЯ «ЖИВОГО МУЗЕЯ» СВЯЩЕННИКА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО: УТОПИЯ, АНТИУТОПИЯ, РЕАЛЬНОСТЬ?

***Аннотация:** В статье рассматривается уникальная философско-богословская концепция музея русского церковного искусства, разработанная в 1918 г. священником Павлом Флоренским. Цель исследования: выяснить, насколько эта концепция, предполагающая сохранение и развитие в условиях атеистической власти всех направлений деятельности Троице-Сергиевой лавры, является утопией; возможно ли её превращение в антиутопию; может ли она быть реализована в действительности.*

Для исследования использованы сравнительно-аналитический и историко-критический методы, проведение аналогий и моделирование различных ситуаций. В результате концепция «живого музея» Флоренского, фрагментарно и односторонне рассмотренная в научной литературе, предстает многоплановым и отчасти противоречивым философско-богословским умозрением. Его содержание определено в контексте развития идеи всеединства В. Соловьева.

Смысловым центром концепции видится характерное для Флоренского стремление преодолеть «водораздел» между антич-

---

Копировский Александр Михайлович – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой богословия Свято-Филаретовского института (Москва). E-mail: amkop51@gmail.com

---

ностью и Средневековьем, язычеством и христианством. Концепция определяется поэтому как специфическая утопия. Выяснены условия её превращения в антиутопию и формы практической реализации. Последняя предполагается возможной, прежде всего, в области образования, поскольку концепция провоцирует акт интуитивного усмотрения, способный дать новые направления мысли в эпоху «информационного взрыва».

Ключевые слова: «живой музей», Троице-Сергиева лавра, синтез искусств, умозрение, утопия, антиутопия.

Предисловие. При постоянном расширении в настоящее время объёма сведений о науке, культуре, искусстве и т.д., которое справедливо получило название «информационного взрыва», и затруднениями в их восприятии, значительно возрастают трудности, связанные с преподаванием. Не является здесь исключением и музейная сфера. Когда появляются концепции, созданные такими мыслителями как священник Павел Флоренский (1882-1937), ярко проявивший себя в философии и богословии, математике, языкознании, педагогике, литературе, естествознании, технике и др. [4, 368-381], к ним должно быть проявлено особое внимание, тем более что в течение многих лет труды Флоренского были практически недоступны для исследователей.

Назначение концепции. Развёрнутая концепция музея церковного искусства как «живого музея», принципиально отличного от традиционных художественных музеев, содержится в ряде работ, написанных Флоренским в 1918-1919 гг. Прежде всего это «Храмовое действо как синтез искусств», «Проект музея Троице-Сергиевой Лавры» (совм. с П.Н. Каптеревым (см. прим. 1)) и «Троице-Сергиева Лавра и Россия», а также письмо Н.П. Киселеву о сохранении Оптиной пустыни [33, 362-369; 370-382; 12, 23-26; 28-31]. Статья «Троице-Сергиева Лавра и Россия», в которой эта концепция отражена наиболее подробно, публиковалась более 10 раз и была переведена на несколько иностранных языков [30, 433], поэтому основные положения концепции широко известны.

Однако она изучалась, в основном, в связи с осмыслением её как апологии лавры в качестве действующего монастыря перед лицом новой власти.

Уже в 1919 г. эксперт VIII отдела Наркомата юстиции РСФСР по проведению в жизнь Декрета об отделении церкви от государства и один из основных авторов этого Декрета, бывший священник, снявший сан и отрекшийся от веры, Михаил Галкин (Горев) ответил на статью Флоренского пасквилем под названием «Черная доска». В нём он обвинил Флоренского в желании во что бы то ни стало сохранить монастырь, и даже создать из него «нечто подобное русскому Ватикану» [33, 763-765] (см. прим. 2). Тем же стремлением обосновать продолжение богослужений в лавре объясняет создание концепции «живого музея» и ряд православных исследователей: Никита Струве [28, 391], Николай Гаврюшин [9, 481], Маргарита Гаганова [10] и др.

В концепции Флоренского видят, кроме того, «источник информации для изучения духовного наследия России» [35, 77]. Но более всего она рассматривается практически, в качестве материала, созданного в эпоху борьбы с церковью для совершенствования музейной деятельности в будущем. Так, внук Флоренского и один из наиболее значительных исследователей его творчества игумен Андроник (Трубачев) писал, что Флоренский, создавая свою концепцию, «...несомненно, развивал теорию музейного дела, исходя из того чаемого времени, когда нигилизм будет изжит» [12, 19]. Некоторые исследователи и сотрудники музеев, считая, что это время уже наступило, считают возможным вводить её в практику уже сейчас [11, 23; 15, 10; 1, 119].

Все названные выше представления о содержании концепции Флоренского, безусловно, во многом соответствуют действительности. Однако она пока ещё в достаточной мере не была изучена в общем контексте его мысли, в котором решение прикладных проблем всегда исходило из общемировоззренческих, философско-богословских позиций и имело целью «проложение путей к будущему цельному мировоззре-

нию» [32, 38]. Подводя итоги своей деятельности, Флоренский писал, что всегда рассматривал мир как целое, «как единую картину» [31, 702]. Отношение к миру как целостности, сформированное в контексте воплощения теории всеединства В.С. Соловьева, в значительной степени повлиявшей на Флоренского [17, 99-100], лежит в основе и его концепции «живого музея».

Храм – место синтеза искусств. Вопросами организации музея церковного искусства Флоренский начал заниматься вскоре после Октябрьской революции 1917 г., когда остро встал вопрос о сохранении памятников искусства, особенно церковного, из-за происходивших повсеместно грабежей. Вплотную к этой деятельности он приступил в начале ноября 1918 г. в качестве ученого секретаря Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, созданной Народным комиссариатом просвещения после её национализации. Комиссия менее чем за год смогла принять на учет огромное количество художественных ценностей лавры, церквей и усадеб в её окрестностях [12, 26-27]. Для того, чтобы эта работа имела структурный характер, Флоренский и Каптерев 9 декабря 1918 г. составили план музеефикации лавры. В нём впервые был использован термин «живой музей», который означал, что практически каждый предмет, связанный с лаврой, особенно её художественные ценности, должен быть показан только в конкретной связи с его возникновением и бытованием, и прежде всего – с богослужением [12, 23].

Поэтому наименование «музей лавры» в собственном смысле слова могло быть отнесено, как считали Флоренский и Каптерев, только ко всей лавре, а не к специальному музейному зданию в ней. Хотя на территории лавры и предполагалось создать одно такое здание (они назвали его «особым музеем»), но оно не имело самостоятельного значения, а должно было лишь облегчать её теоретическое изучение как живого музея [12, 23].

Ещё до плана музеефикации лавры Флоренский, рассуждая о храмовом богослужении, призывал помнить о том, что

древние иконы и фрески наиболее адекватно воспринимаются лишь при горящих свечах и каждении фимиамом, особом ритме движения на их фоне священнослужителей, а также «...что синтез храмового действия не ограничивается только сферой изобразительных искусств, но вовлекает в свой круг искусство вокальное и поэзию» [33, 379]. Сердцем лавры Флоренский назвал богослужение («храмовое действие») в Троицком соборе, у гробницы основателя лавры преподобного Сергия Радонежского [33, 369].

В то же время главным «нервом» концепции Флоренского было категорическое неприятие идеи отдельного музея церковного искусства по типу отдельных существовавших до революции церковных музеев-древлехранилищ и, тем более, светских церковных музеев. Он писал, что ему было бы более понятно фанатическое требование разрушить Лавру «во имя религии социализма», чем стремление показывать памятники древнего церковного искусства без учёта высшей задачи искусств — их синтеза, осуществленного в богослужении [33, 381-382].

Музей, содержащий предметы искусства, даже без разделения их на церковное и светское, когда-то находившиеся в гуще жизни и изъятые из неё, по мнению Флоренского, «дело ложное и в сущности вредное для искусства». В нём каждый экспонат, который «должен быть понимаем как никогда не иссякающая, вечно бьющая струя самого творчества», выпадает из среды своего естественного бытования и оказывается «мертвой мумией художественной деятельности». Естественно, что он одобрительно повторил слова известного искусствоведа Павла Муратова, назвавшего музеи, которые выставляли античные статуи в залах, тюрьмой или кладбищем для них [33: 371, 373].

В своей оценке подобных музеев Флоренский и Муратов не были первыми. На рубеже XIX-XX вв. назвал художественные музеи «темницами искусства» Рене де ля Сизеран [24]. Сравнения музеев с кладбищами были и раньше, в конце XVIII в., они появились практически сразу после начала строительства для музеев специальных зданий, внешне напоминающих

храмы. В XX в. такие сравнения стали постоянными. Единодушными в них оказались столь разные люди как футуристы Филиппо Маринетти и Эль Лисицкий, а с другой стороны – эстеты Поль Валери и Андре Мальро [26, 13-14].

Троице-Сергиева лавра как «энтелехия». Не только соборы лавры, в которых соединились архитектура, храмовые росписи, иконы, церковная утварь и одежда, храмовое пение и чтение, воспринимались Флоренским как единственное в своем роде место синтеза искусств. Вся лавра была воспринята им как микрокосм и микроистория России, своеобразный концепт её бытия. И, одновременно, как её же художественным воплощение, «портрет», в котором, в отличие от фотографии, суммируется множество различных впечатлений от объекта изображения. Поэтому он утверждал, что в лавре, ни много ни мало, в течение столетий происходило и произошло, в конце концов, осуществление русской идеи. Исходя из последнего, он даже назвал лавру «энтелехией», прямо ссылаясь на Аристотеля, т.е. представил её уже не как феномен, а как ноумен [33, 353]. Это позволило ему перейти от представления об идеальном музее к постановке задач значительно более высокого, теперь уже не практического, а умозрительного уровня.

Самой важной из таких задач Флоренский, в развитие воспринятой им от Соловьева идеи всеединства, считал преодоление противостояния античной и христианской культур. Один из самых известных «флоренсковедов» Сергей Хоружий (1941-2020) писал, что между этими культурами пролегал «великий водораздел мировой духовности», по одну сторону которого находится язычество, обожествляющее природу («натуру»), по другую же – христианство, в центре которого стоит преображенная человеческая личность, и что Флоренский стремился не только обозначить такие водоразделы мысли, но и «отважно, упорно уничтожить наибольший из них» [34, 12]. Это значит, что Флоренский всем своим творчеством решал задачу, подобную по значению раннесредневековому культурному синтезу. Частным случаем её решения (никак не меньше) была и его музейная концепция.

Возвратимся ещё раз к сформулированному Флоренским понятию «живой музей». Оно предполагало не только участие насельников и гостей лавры в богослужении и наслаждение зрелищем «синтеза искусств», но создание на её основе «русских Афин», где все их жители, в процессе совместного, богословского и научного, изучения её духовно-художественных сокровищ, а также нового творчества на основе такого изучения, не только творчески создадут новую целостную культуру, но и смогут явить целостный дух античности, «новую Элладу» [33, 369].

Многократное повторение Флоренским тезиса о преемственности Древней Руси от Византии, а значит — и от античной Греции, для него, как для христианского платоника, естественно (по мнению А.Ф. Лосева, он дал лучшую концепцию платонизма [18, 692]). Однако в финале статьи возникают названные выше необычные словосочетания: «русские Афины» и «новая Эллада». Это значительно расширяет представление о задачах музея. Соединение столь очевидных духовных противоположностей (для контраста достаточно вспомнить принципиально отличное от позиции Флоренского и вполне традиционное противопоставление путей веры и разума в работе Льва Шестова «Афины и Иерусалим» [37]) в обычных земных условиях трудно представить. Его можно мыслить совершившимся только при завершении истории человечества, когда, по слову апостола Павла, «Бог будет всё во всё» (1 Кор 15:28). Это придает концепции Флоренского эсхатологическое измерение.

С.С. Хоружий очень глубоко и точно подметил, что в основу синтезирующей мысли Флоренского заложена мифологема Эдема — совершенного состояния мира и человека, которое теряется ими в грехопадении и вновь возвращается через смерть и воскресение Христа [34, 6]. На первый взгляд, две эти позиции (обращение Флоренского одновременно к образам начала мира и его конца) представляются противоречивыми, однако это противоречие кажущееся. В соответствии с положениями православного богословия воз-

вращение миру и человеку Эдемского, т.е. райского, состояния происходит не через возвращение их в прежнюю, доисторическую и безгрешную реальность. Приход в этот мир Христа во плоти уже воспринимается как начало нового, вечного бытия. Об этом поэтически писал св. епископ Игнатий (Брянчанинов): «Облечённый в покаяние и слезы, предстану перед лицом Бога моего. В раю ли? Я изгнан оттуда, и херувим, стоящий при входе, не впустит меня! ...Грешный потомок Адама, ободришь! Воссиял свет в темнице твоей: Бог низошёл в дольную страну твоего изгнания» [14, 187]. В этом контексте концепция Флоренского, которая, как было показано ранее, обычно воспринимается либо как апология Троице-Сергиевой лавры, либо как предвидение её будущего, во многом оказывается вне земной конкретности, т.е. утопией в классическом понимании этого термина, начиная с Томаса Мора.

Музей Троице-Сергиевой лавры как утопия. Особенность концепции Флоренского в том, что она, в отличие от утопий древности, основывается не на вымышленных образах, а на материале исторического прошлого, продолжая и развивая идеализированное представление о нём. Она не вписывается в определение утопии К. Поппера как «горизонта ожидания», когда предвидение будущего необходимо лишь для построения научной гипотезы, стимулирующей более точные наблюдения действительности [20, 323-324]. Её скорее возможно поставить в ряд таких утопий, для которых «характерна нацеленность на идеальное существование в пределах исторической реальности» [36, 109]. Последнее можно увидеть у славянофилов, прежде всего – у А.С. Хомякова. Неслучайно их представления Н.А. Бердяев определял как «пророчество, обращенное назад, к Древней Руси» [2, 66]. Впрочем, для Бердяева это выражение не имело негативного содержания, поскольку он считал, что только пророческое отношение к прошлому и приводит историю в движение [3, 44-45]. Это определение Бердяева можно во многом отнести и к концепции «живого музея» Флоренского.

Её утопичность можно подтвердить, в частности, своеобразной трактовкой её автором исторических фактов. Игумен Андроник замечает, что в концепции Флоренского есть ряд исторических и литургических неточностей [27], но считает их несущественными. Однако, рассматривая эти неточности внимательно, можно увидеть, что они весьма последовательны.

В них с очевидностью просматривается последовательно реализуемый принцип: если есть целое, то все частности должны ему соответствовать. В результате многие исторические и художественные реалии превращаются в контексте его концепции в символы. Это характерно для мысли Флоренского в целом. В своём «Автореферате» он отнес модели и схемы к низшим планам познания, тогда как на высших он видел лишь символы [32, 40]. Символы поэтому у него существуют в определённом смысле над историей и вне истории. Иначе говоря, он предлагает в своей статье не столько идеализированное прошлое Руси, сколько метафизическое истолкование этого прошлого, далеко не всегда совпадающее с реальностью, а иногда и полностью находящееся вне её.

Так, преподобный Сергей Радонежский, по его определению, глубоко вник в религиозно-метафизические споры Византии, и для более детального ознакомления с ними даже посылал в Константинополь своего доверенного представителя [33, 359]. Затем Флоренский утверждал, что икона «Троицы» Андрея Рублёва замыслена преподобным Сергием, и Рублев лишь гениально осуществил этот замысел, и что даже основная композиция была дана ему преподобным Сергием [33, 364]. Далее: Флоренский считал, что происхождение иконографии «София — Премудрость Божия» славянское, что эта иконография восходит к Кириллу, одному из двух великих просветителей славян, т.е. к IX в., и им самим разработана [33, 368]. Ни одно из этих утверждений не имеет исторического обоснования.

То, что Троицкий храм в Троице-Сергиевой лавре построен как призыв к единству русской земли по образу Святой Троицы, «чтобы постоянным взиранием на него ...побеждать страх пред ненавистной раздельностью мира», приписывает-

ся Флоренским преподобному Сергию со ссылкой на его житие [33, 361]. Этот тезис основан на недоразумении. Ни в одной редакции жития преподобного этих слов нет. Они взяты Флоренским не из жития основателя лавры, а из книги Е.Н. Трубецкого «Умозрение в красках» (1916). Но в этой книге, как выяснил иеромонах Вадим (Павин), Трубецкой цитировал не житие, а фрагмент речи архиепископа Антония (Храповицкого), произнесенной им в конце XIX в. на праздновании 600-летия основания лавры, т.е. красивую, но более позднюю интерпретацию духовной деятельности преподобного. Кроме того, в контексте речи эта фраза (к тому же, несколько видоизмененная Трубецким) относилась не к деревянной церкви Троицы, построенной преподобным Сергием, и вообще не к его времени, а была пожеланием, адресованным современникам архиепископа Антония [6].

Наконец, даже возникновение художественных мастерских в Абрамцеве, в имении известного мецената Саввы Морозова, находившегося недалеко от лавры, Флоренский прямо соотносил с лаврой и считал следствием того, что лавра была и остается духовным центром, излучающим творческую энергию [33, 368]. Естественно, факты (деятельность Морозова, собиравшего в своём имении людей искусства с вполне секулярными культуртрегерскими целями) опровергают и это его утверждение.

Перечень подобных несоответствий можно было бы существенно продолжить. Но, повторим, здесь важнее увидеть другое: целостность и последовательность попытки создать общее представление о лавре как образе райской гармонии на земле. Поэтому вполне логично в заключительной части своей статьи Флоренский, говоря «о всенародном творчестве, сгущающемся около Лавры и возжигающемся культурною её насыщенностью» [33, 368], представил лавру в будущем духовным центром всей России, что тоже характеризует его замысел как утопию.

Образ и противополож ***образ «живого музея» в истории.*** Примером такой гармонии в прошлом для Флоренского, который изначально и до конца жизни вдохновлялся античной куль-

турой (3), несомненно, был «Мусейон» (Μουσείον) – древнегреческое святилище, место почитания муз. Здесь предметы, необходимые для культовых обрядов, никогда не изымались из среды их конкретного использования, поклонение музам соединялось с занятиями литературой и наукой, сам же «Мусейон» был обителью «высокого и вдохновенного общения» [5, 273]. Одним из его основных назначений считается создание внутри него целостности, объединяющей культ и культуру, и значит – «особой эстетической среды» [21, 189].

Антиподом же Мусейона для Флоренского (и в этом смысле – антиутопией) можно назвать несомненно известный ему образ псевдомузея, созданный Владимиром Соловьевым в его знаменитой «Краткой повести об Антихристе». Имеется в виду один из её эпизодов, когда Антихрист обращается к православным христианам и, пытаясь их успокоить и примирить с собой, сообщает о создании по его распоряжению в Константинополе «всемирного музея христианской археологии». В нём будут находиться выдающиеся памятники церковного искусства, но, естественно, не будет богослужения [25, 752-753].

В то же время, нельзя сказать, что концепция «живого музея» сводилась только к богослужению и не предполагала никаких практических действий по музеефикации памятников древней церковной культуры и искусства. Наоборот: в «Проекте музея Троице-Сергиевой Лавры» Флоренского и Каптерева в области музейного строительства были намечены конкретные действия по 14 направлениям (например, соби́рание литературы, относящейся к лавре, и её изданий; сведений о её насельниках, деятелях и лицах, имевших к ней отношение в истории; создание планов и моделей всех её зданий, фото их архитектурных деталей и орнаментов; ноты песнопений и их фонограммы и, наконец, варианты воспроизведений древних икон лавры в истории, особенно «Троицы» Рублева, и их исторической эволюции) [12, 24-26]. Остается выяснить, возможна ли сегодня, в контексте всего вышесказанного, реализация концепции Флоренского – полностью или частично.

Возможности реализации. Концепция «живого музея», безусловно, позволяла по-новому увидеть произведения церковного искусства, которые в начале XX в. существовали в качестве традиционных элементов культа и не воспринимались ни мистически, ни эстетически большинством населения страны, даже православным духовенством. Поэтому реализация её в формах, предложенных Флоренским, могла существенно способствовать такому восприятию. И значит, она не должна считаться только наивной, хотя смелой и благородной, апологией Троице-Сергиевой лавры, со сверхзадачей консервации её в существующем виде. Такая реализация предполагала реальное развитие лавры в таком направлении, в котором та ранее никогда не развивалась.

С другой стороны, эта концепция, будучи воплощённой слишком буквально, т.е. с исключением возможности экспонирования фресок, икон и произведений церковно-прикладного искусства вне храма и богослужения, не только ограничила бы стимулирующую мышление функцию философского созерцания, но и могла превратиться в свою противоположность — антиутопию. Об актуальности таких процессов в XX в., когда стремительное развитие технических возможностей человечества, с одной стороны, и крайнее обострение духовных и социальных противоречий в мире, с другой, провоцировало попытки осуществления непредставимых ранее проектов, предупреждал Бердяев. Он считал, что воплощение утопий стало гораздо более реальным, чем раньше, и что сейчас необходимо решать вопрос о том, как избежать их окончательного осуществления [3, 296].

Поэтому безоговорочное принятие предложенной Флоренским теории «синтеза искусств» означало бы в области церковного искусства ликвидацию — если быть последовательным — практически всего музейного дела, поскольку за музеем остались бы лишь вспомогательными по отношению к богослужению функции. Очевидно, что вернуть «Троицу» Рублева на свое место в Троицкий собор значило бы сделать её только частью огромного ансамбля иконостаса, кото-

рый во многом нивелирует её восприятие. И поэтому – лишить огромное количество людей возможности пережить её форму и содержание так, как пережил их сам Флоренский, когда увидел «Троицу» сразу после реставрации в декабре 1918 г. (вне стен храма и вне контексте богослужения). Именно этот опыт восприятия позволил ему передать впечатление от созерцания знаменитой иконы, в котором он акцентировал не сюжет и не символические и исторические элементы образа. Главное в этом восприятии – что перед смотрящим на икону оказывается внезапно сдернутой «завеса ноуменального мира» [33, 368].

Кроме того, справедливо замечание, сделанное в 1907 г. художником С.К. Маковским, которое через 10 лет оказалось пророчеством: «если правда, что на западе музеи всё более и более отдаляют искусство от жизни, то разве в России музеи не единственные убежища искусства от насильственной смерти?» [19, 468]. Не менее справедливо и мнение известного историка искусства и устроителя художественных выставок Н.Н. Врангеля, также высказанное задолго до появления концепции Флоренского и совмещающее то, что в ней было противопоставлено. Н.Н. Врангель считал, что музей должен стать чем-то вроде «учебного храма», т.е. эстетические задачи должны совмещаться в нём с учебными и воспитательными [8, 42].

Но имея в виду эти неопровержимые аргументы практического характера, нельзя забывать об одной из главных особенностей мысли Флоренского. Он считал, что в умозрении происходит более глубокое постижение реальности, чем в дискурсивном мышлении. Как тонко подметил С.С. Аверинцев, для Флоренского «...достаточно, чтобы имеющее быть сказанным провоцировало акт интуитивного усмотрения» [29, 29].

Концепция Флоренского, оставаясь утопией, недостижимым идеалом, тем не менее, может быть принята как вдохновляющий пример активного «провоцирования» такого акта, основное назначение которого – способствовать развитию свободной мысли в духе всеединства, и творчеству на этой основе. Не случайно её продолжением и развитием стала кон-

цепция «пневмосферы» Флоренского, предполагающая единство всех произведений искусства, «проработанных духом» [22, 165]. Она открывает возможность их восприятия на более широком и органичном, по сравнению с традиционным историко-стилистическим методом, основании [16].

Предложение же о «гибкой музеефикации» храмов, предполагающее сохранение их в качестве обычных историко-художественных музеев, с разрешением периодического совершения в них богослужений [7, 337], представляется, при всем внешнем сходстве с концепцией Флоренского, принципиальным её искажением. Богослужение, являющееся, в соответствии с ней, основой и смысловым центром музейной деятельности, само оказывается здесь своего рода музейным экспонатом. «Гибкая музеефикация», таким образом, оказывается ещё одним вариантом антиутопии.

Заключение. Современное образование переживает не лучшие времена, на сей раз не вследствие запретов на получение информации или её ограничения, но из-за подавляющей сознание хаотичности и дробности информации. Известный философ искусства Х. Зедльмайр назвал причиной этого «утрату середины» [13, 172], т.е. смыслового центра, без которого восприятие общечеловеческого культурного наследия всегда будет сводиться к его частностям. В контексте решения этой проблемы концепция священника Павла Флоренского может быть воспринята, с одной стороны, исключительно как утопия (или апология в форме утопии). С другой – существует возможность её слишком буквального применения и, как следствие, превращения в ту или иную антиутопию. Однако, несмотря на эти опасности, она позволяет вернуться к осмысленному поиску такого центра, что открывает перспективу восприятия различных областей культуры, искусства, педагогики и т.д. как духовных целостностей. Поэтому дальнейшее размышление о возможности использования его концепции в образовательном процессе с учётом названных выше препятствий для этого представляется делом уже не будущего, а настоящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеева Л.С., Оленич Л.В.* Концепция «живого музея» священника Павла Флоренского и формы существования современных церковных музеев // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств (КемГУКИ). – 2017. – № 41. – С. 111-121.
2. *Бердяев Н.* Собрание сочинений. Т. 5. Алексей Степанович Хомяков. Мирозерцание Достоевского. Константин Леонтьев. – Париж: YMCA-Press; Христианское издательство, 1997. – 578 с.
3. *Бердяев Н.А.* Смысл истории. Новое средневековье / сост. и комм. В.В. Сапова. – М.: Канон+, 2002. – 448 с. (История философии в памятниках).
4. Биобиблиографический справочник: личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского / сост. и общ. ред. игумен Андроник (Трубачев). – Сергиев Посад: Фонд науки и православной культуры священника Павла Флоренского, 2015. – 1055 с.
5. *Бондаренко А.А.* Античный мусейон: рождение музея из мифа и ритуала // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2007. – Сер. 2. – Вып. 1. – С. 257-273.
6. *Вадим (Павин), иеромонах.* «...И взиранием на Святую Троицу побеждали страх пред ненавистно разделенностью мира...». URL: https://bogoslav.ru/article/3322881#_ftn4 [дата обращения: 22.07.22].
7. *Власникова М.А.* Воззрения православного духовенства по вопросам сохранения и использования культовых памятников // World Science: Problems and innovations: Сборник статей XXIII Международной научно-практической конференции. – Пенза: Наука и Просвещение, 2018. – С. 336-340.
8. *Врангель Н.Н.* Ближайшие задачи русского музея императора Александра III // Старые годы. – 1910. Январь. – С. 38-57.
9. *Гаврюшин Н.К.* Русское богословие : Очерки и портреты. – Нижний Новгород: Изд. Нижегородской духовной семинарии, 2011. – 670 с.
10. *Гаганова М.С.* Мечтой о музее «в дни всемирной революции» ... 26 декабря 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: sergiev-posad.rf/c-мечтой-о-музее-в-дни-всемирной-револ/ (дата обращения: 18.07.22).
11. *Галинская И.Л.* Павел Флоренский об идее «живого музея» // Новая литература по культурологии: Дайджест. – 1995. – № 3. – С. 22-29.
12. Закрытие Троице-Сергиевой Лавры и судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в 1918 1946 гг. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. – 432 с.
13. *Зедльмайр Х.* Утрата середины / пер. с нем. С.С. Ванеяна. – М.: Прогресс-традиция; Территория будущего, 2008. – 640 с. (Университетская библиотека Александра Погорельского).
14. *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Полное собрание творений и писем: В 8 т. Т. 1. – М.: Паломник, 2014. – 656 с.
15. *Киши И.* Образ культа – смысл культуры. Заметки по поводу статей П.А. Флоренского о Троице-Сергиевой Лавре // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова: Серия «Филологические науки». – 2015. – № 3. – С. 5-18.
16. *Копировский А.М.* Панкосмия как образовательная идея: Я.А. Коменский – В.И. Вернадский – П.А. Флоренский // Математика и будущее педагогики. Кн. 1 : Материалы (коллективная монография) по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 425-летию Я.А. Коменского / кол. авторов; под ред. В.С. Меськова, Н.Р. Сабаниной. – М.: Русайнс, 2018. – С. 119-129.

17. *Крочак Ю.* Влияние метафизики всеединства Вл. С. Соловьева на творчество П.А. Флоренского // Соловьевские исследования. – 2014. – Вып. 4 (44). – С. 98-109.
18. *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. – М.: Мысль, 1993. – 960 с.
19. *Маковский С.К.* Склады разрушений – кладбища искусства // Старые годы. – 1907. Июль – сентябрь. – С. 446-470.
20. *Поппер К.* Объективное знание. Эволюционный подход / отв. ред. В.Н. Садовский; пер. с англ. Д.Г. Лахути. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 384 с.
21. *Поршнев В.П.* Музей в культурном наследии античности. – М.: Новый Акropolis, 2012. – 336 с. (Традиция, религия, культура).
22. Русский космизм: Антология философской мысли / сост. и предисл. к текстам С.Г. Семеновича, А.Г. Гачевой; примеч. А.Г. Гачевой. – М.: Педагогика-пресс, 1993. – 365 с.
23. Священник Павел Флоренский в воспоминаниях своих детей Кирилла и Ольги / сост. игумен Андроник (Трубачёв), О.С. Никитина-Трубачева, М.С. Трубачева. – М.: Ваш полиграфический партнер, 2011. – 208 с.
24. *Сизеран Р.* Темницы искусства // «Мир Искусства». – 1900. – №3-4. С. 34-48; №7-8. С. 85-96; № 11-12. С. 121-136; № 13-14. – С. 12-24.
25. *Соловьев В.С.* Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории со включением краткой повести об Антихристе и с приложениями // Он же. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1990. С. 635-762.
26. *Сурикова К.В.* Эволюция музейного образа: от музейнона к белому кубу // Вопросы музеологии. – 2012. – № 2 (6). – С. 11-17.
27. Троице-Сергиева Лавра – концепт бытия России (интервью иг. Андроника О. Богдановой). URL: <http://www.taday.ru/text/663262.html> (дата обращения: 19.07.2022).
28. *Флоренский П.А.* Собрание сочинений. Т. 1: Статьи по искусству / под общей редакцией Н.А. Струве. – Paris: YMCA-Press, 1985. – 399 с.
29. *Флоренский П.А.* Собрание сочинений. Т. 2: У водоразделов мысли: [Ч. 1] / [историограф. ст. игумена Андроника (А.С. Трубачева); примеч. С.С. Аверинцева и др.]. – М.: Правда, 1990. – 446 с.
30. *Флоренский Павел, свящ.* Автореферат; Троице-Сергиева-Лавра и Россия; Иконостас; Имена. Метафизика имен в историческом освещении; Имя и личность; Предполагаемое государственное устройство в будущем. Вст. ст. и прим. игумена Андроника (Трубачева). – М.: Мир книги, Литература, 2007. – 464 с. (Великие мыслители).
31. *Флоренский Павел, свящ.* Сочинения : В 4 т. Т. 4 : Письма с Дальнего Востока и Соловков / [авт. вступ. ст. П.В. Флоренский, А.И. Олексенко]. – М.: Мысль, 1998. – 795 с. (Филос. Наследие; т. 127).
32. *Флоренский Павел, свящ.* Сочинения: В 4 т. Т. 1 / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой. – М.: Мысль, 1994. – 797 с. (Филос. Наследие; т. 122).
33. *Флоренский Павел, свящ.* Сочинения: В 4 т. Т. 2 / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой. – М.: Мысль, 1996. – 877 с. (Филос. Наследие; т. 124).
34. *Хоружий С.С.* Обретение конкретности // Флоренский П.А. У водоразделов мысли. – Т. 2. – М.: Правда, 1990. – С. 3-12.
35. *Шварова М.В.* Концепция «живого музея» П.А. Флоренского // П.А. Флоренский и современность : Сборник научных трудов. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. – С. 73-77.

36. Шелудченко Д.А. Утопия и эсхатология: два типа философского предвидения // Известия Томского политехнического университета [Известия ТПУ]. – 2013. – Т. 322. – № 6. – С. 104-109.

37. Шестов Л. Афины и Иерусалим. Третья часть: «Средневековая философия» // Шестов Л. Сочинения: В 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1993. – С. 513-606.

Примечания

1. Каптерев Павел Николаевич (1889-1955) – ученый-естественник, окончил естественное отделение физико-математического факультета и философское отделение историко-филологического факультета Московского императорского университета, один из организаторов и активных членов Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры.

2. Эта же формулировка, но уже в положительном смысле, по недоразумению попала в современный проект реорганизации г. Сергиев Посад, центром которого является Троице-Сергиева лавра. См.: Сергиев Посад может получить особый статус как русский Ватикан [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/religion/20180410/1518334397.html> (дата обращения: 21.07.2022).

3. По детским воспоминаниям дочери Флоренского Ольги: «Папа о себе говорил, что он «последний грек» (Розанов – «последний египтянин», а он – «последний грек») [23, 81].

Kopirovskiy A.M.

THE CONCEPT OF A “LIVING MUSEUM” BY PRIEST PAVEL FLORENSKY: UTOPIA, DYSTOPIA, REALITY?

Department of Theology of the St. Philaret Institute, 105066, Moscow, Tokmakov lane, 11, e-mail: amkop51@gmail.com

Abstract: *The paper explores the unique philosophical and theological concept of a Russian church art museum introduced by Priest Pavel Florensky in 1918. The research objective was to establish the degree to which the above concept involving preservation and development of all activities characteristic for the Trinity Lavra of St. Sergius in an environment where the government authorities promoted atheism was a utopia, whether it could transform into a dystopia and be implemented in practice. The research methods applied include comparative analysis, the historical critical approach, the use of analogies and situation modelling. The research findings indicate that the ‘living museum’ concept introduced by Florensky, which is reviewed in a fragmented and biased manner in the academic literature, is a*

multidimensional and somewhat controversial philosophical and theological vision. The concept scope is established in the context of and building on Vladimir Solovyov's idea of all-unity. The proposed core of the concept is Florensky's characteristic aspiration to cross the 'watershed' dividing antiquity and the Middle Ages, paganism and Christianity. The concept is therefore identified as a specific utopia. The paper outlines the conditions for its transformation into a dystopia and ways of its practical implementation. It is suggested that the latter is most notably possible in the education domain since the concept encourages acts of intuitive discovery enabling new perspectives in the age of 'information explosion'.

Keywords: *“living museum”, Trinity Lavra of St. Sergius, artistic synthesis, vision, utopia, dystopia.*

REFERENCES

1. Alekseeva L.S., Olenich L.V. Kontseptsiya «zhivogo muzeya» svyashchennika Pavla Florenskogo i formy sushchestvovaniya sovremennykh tserkovnykh muzeev // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv (KemGUKI). – 2017. – № 41. – S. 111-121.
2. Berdyaev N. Sbranie sochineniy. T. 5. Aleksey Stepanovich Khomyakov. Mirosozertsanie Dostoevskogo. Konstantin Leontev. – Parizh: YMCA-Press; Khristianskoe izdatelstvo, 1997. – 578 s.
3. Berdyaev N.A. Smysl istorii. Novoe srednevekove / sost. i komm. V.V. Sapova. – M.: Kanon+, 2002. – 448 s. (Istoriya filosofii v pamyatnikakh).
4. Biobibliograficheskiy spravochnik: lichnost, zhizn i tvorchestvo svyashchennika Pavla Florenskogo / sost. i obshch. red. igumen Andronik (Trubachev). – Sergiev Posad: Fond nauki i pravoslavnoy kultury svyashchennika Pavla Florenskogo, 2015. – 1055 s.
5. Bondarenko A.A. Antichnyy museyon: rozhdenie muzeya iz mifa i rituala // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. – 2007. – Ser. 2. – Vyp. 1. – S. 257-273.
6. Vadim (Pavin), ieromonakh. «...I vziraniem na Svyatuyu Troitsu pobezhdali strakh pred nenavistnoyu razdelennostyu mira...». URL: https://bogoslav.ru/article/3322881#_ftn4 [data obrashcheniya: 22.07.22].
7. Vlasnikova M.A. Vozzreniya pravoslavnogo dukhovenstva po voprosam sokhraneniya i ispolzovaniya kultovykh pamyatnikov // World Science: Problems and innovations: Cbornik statey XXIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2018. – S. 336-340.
8. Vrangl N.N. Blizhayshie zadachi russkogo muzeya imperatora Aleksandra III // Starye gody. – 1910. Yanvar. – S. 38-57.
9. Gavryushin N.K. Russkoe bogoslovie : Ocherki i portrety. – Nizhniy Novgorod: Izd. Nizhegorodskoy dukhovnoy seminarii, 2011. – 670 s.
10. Gaganova M. S mechtoy o muzee «v dni vseмирnoy revolyutsii» ... 26 dekabrya 2019 g. [Elektronnyy resurs]. URL: sergiev-posad.rf/s-mechtoy-o-muzee-v-dni-vseмирnoy-revol/ (data obrashcheniya: 18.07.22).
11. Galinskaya I.L. Pavel Florenskiy ob idee «zhivogo muzeya» // Novaya literatura po kulturologii: Daydzhest. – 1995. – № 3. – S. 22-29.

12. Zakrytie Troitse-Sergievoy Lavry i sudba moshchey prepodobnogo Sergiya Radonezhskogo v 1918 1946 gg. – M.: Izdatelskiy Sovet Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi, 2008. – 432 s.
13. Zedlmayr Kh. Utrata sere diny / per. s nem. S.S. Vaneyana. – M.: Progress-traditsiya; Territoriya budushchego, 2008. – 640 s. (Universitetskaya biblioteka Aleksandra Pogorelskogo).
14. Ignatiy (Bryanchaninov), svt. Polnoe sobranie tvoreniy i pisem: V 8 t. T. 1. – M.: Palomnik, 2014. – 656 s.
15. Kishsh I. Obraz kulta – smysl kultury. Zametki po povodu statey P.A. Florenskogo o Troitse-Sergievoy Lavre // Vestnik MGGU im. M.A. Sholokhova: Seriya «Filologicheskie nauki». – 2015. – № 3. – S. 5-18.
16. Kopyrovskiy A.M. Pankosmiya kak obrazovatel'naya ideya: YA.A. Komenskiy – V.I. Vernadskiy – P.A. Florenskiy // Matetika i budushchee pedagogiki. Kn. 1: Materialy (kollektivnaya monografiya) po itogam Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoy 425-letiyu Ya.A. Komenskogo / kol. avtorov; pod red. V.S. Meskova, N.R. Sabaninoy. – M.: Rusayns, 2018. – S. 119-129.
17. Krochak Yu. Vliyaniye metafiziki vseedinstva Vl.S. Soloveva na tvorchestvo P.A. Florenskogo // Solovevskie issledovaniya. – 2014. – Vyp. 4 (44). – S. 98-109.
18. Losev A.F. Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii. – M.: Mysl, 1993. – 960 s.
19. Makovskiy S.K. Sklady razrusheniya – kladbishcha iskusstva // Starye gody. – 1907. Iyul – sentyabr. – S. 446-470.
20. Popper K. Obektivnoye znanie. Evolyutsionnyy podkhod / otv. red. V.N. Sadovskiy; per. s angl. D.G. Lakhuti. – M.: Editorial URSS, 2002. – 384 s.
21. Porshnev V.P. Musey v kulturnom nasledii antichnosti. – M.: Novyy Akropol, 2012. – 336 s. (Traditsiya, religiya, kultura).
22. Russkiy kosmizm: Antologiya filosofskoy mysli / sost. i predisl. k tekstam S.G. Semenovoy, A.G. Gachevoy; primech. A.G. Gachevoy. – M.: Pedagogika-press, 1993. – 365 s.
23. Svyashchennik Pavel Florenskiy v vospominaniyakh svoikh detey Kirilla i Olgi / sost. igumena Andronik (Trubachev), O.S. Nikitina-Trubacheva, M.S. Trubacheva. – M.: Vash poligraficheskiy partner, 2011. – 208 s.
24. Sizeran R. Temnitsy iskusstva // «Mir Iskusstva». – 1900. – №3-4. S. 34-48; №7-8. S. 85-96; № 11-12. S. 121-136; № 13-14. – S. 12-24.
25. Solovev V.S. Tri razgovora o voyne, progresse i kontse vseмирnoy istorii so vlyucheniemy kratkoy povesti ob Antikhriste i s prilozheniyami // On zhe. Sochineniya: V 2 t. T. 2. M.: Mysl, 1990. S. 635-762.
26. Surikova K.V. Evolyutsiya muzeynogo obraza: ot museyona k belomu kubu // Voprosy muzeologii. – 2012. – № 2 (6). – S. 11-17.
27. Troitse-Sergieva Lavra – konspekt bytiya Rossii (intervyu ig. Andronika O. Bogdanovoy). URL: <http://www.taday.ru/text/663262.html> (data obrashcheniya: 19.07.2022).
28. Florenskiy P.A. Sobranie sochineniy. T. 1: Stati po iskusstvu / pod obshchey redaktsiyey N.A. Struve. – Paris: YMCA-Press, 1985. – 399 s.
29. Florenskiy P.A. Sobranie sochineniy. T. 2: U vodorazdelov mysli: [CH. 1] / [istoriogr. st. igumena Andronika (A.S. Trubacheva); primech. S.S. Averintseva i dr.]. – M.: Pravda, 1990. – 446 s.
30. Florenskiy Pavel, svyashch. Avtoferat; Troitse-Sergieva-Lavra i Rossiya; Ikonostas; Imena. Metafizika imen v istoricheskom osveshchenii; Imya i lichnost; Predpolagaemoe gosudarstvennoye ustroystvo v budushchem. Vst. st. i prim. igumena Andronika (Trubacheva). – M.: Mir knigi, Literatura, 2007. – 464 s. (Velikie mysliteli).
31. Florenskiy Pavel, svyashch. Sochineniya : V 4 t. T. 4 : Pisma s Dalnego Vostoka i Solovkov / [avt. vstup. st. P.V. Florenskiy, A.I. Oleksenko]. – M.: Mysl, 1998. – 795 s. (Filos. Nasledie; t. 127).

32. Florenskiy Pavel, svyashch. Sochineniya: V 4 t. T. 1 / sost. i obshch. red. igumena Andronika (A.S. Trubacheva), P.V. Florenskogo, M.S. Trubachevoy. – M.: Mysl, 1994. – 797 s. (Filos. Nasledie; t. 122).
33. Florenskiy Pavel, svyashch. Sochineniya: V 4 t. T. 2 / sost. i obshch. red. igumena Andronika (A.S. Trubacheva), P.V. Florenskogo, M.S. Trubachevoy. – M.: Mysl, 1996. – 877 s. (Filos. Nasledie; t. 124).
34. Khoruzhiy S.S. Obretnenie konkretnosti // Florenskiy P.A. U vodorazdelov mysli. – T. 2. – M.: Pravda, 1990. – S. 3-12.
35. Shvarova M.V. Kontseptsiya «zhivogo muzeya» P.A. Florenskogo // P.A. Florenskiy i sovremennost : Sbornik nauchnykh trudov. – Kaliningrad: Izd-vo RGU im. I. Kanta, 2007. – S. 73-77.
36. Sheludchenko D.A. Utopiya i eskhatologiya: dva tipa filosofskogo predvideniya // Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta [Izvestiya TPU]. – 2013. – T. 322. – № 6. – S. 104-109.
37. Shestov L. Afiny i Ierusalim. Tretya chast: «Srednevekovaya filosofiya» // Shestov L. Sochineniya: V 2 t. T. 1. – M.: Nauka, 1993. – S. 513-606. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 08.08.2022 г.

UDC 37.01

DOI: 10.21146/1606_6251_2022_3/4_178_187

Р.Л. Лившиц

КОГДА ЗАКОНЧАТСЯ РЕФОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ?

***Аннотация:** Радикальный слом советского жизнеустройства, совершенный в 1991-1993 гг., потребовал коренного изменения всех идейных опор и институций общества. Система образования, как одна из таких базовых институций, стала объектом реформ, которые не завершены до сих пор. Возникает закономерный вопрос о конечной цели реформ, однако напрасно было бы ожидать официального ответа на него. Идущие почти три десятилетия подряд реформы отечественной системы образования находятся в вопиющем противоречии с новой реальностью. России брошен исторический вызов, и дать на него достойный ответ можно только одним путем — восстановить советскую систему образования, по крайней мере, в её принципиальных основах.*

***Ключевые слова:** реформы образования в России, мировое разделение труда, частичный индивид, всесторонне развитая личность, самодостаточность экономики, историческая субъектность России.*

***Предисловие.** Если набрать в поисковике словосочетание «Реформы образования», то непременно среди прочих заголовков появится такой: «В текущем году реформы образова-*

Лившиц Рудольф Львович — доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Комсомольск-на-Амуре). E-mail: rudliv@yandex.ru

---

ния будут продолжены». Этот заголовок актуален как для 2022 года, так и для двух десятков лет, которые ему предшествуют. Годы идут, а реформы, раз начавшись, не кончаются. Весь послесоветский период российской истории система образования непрерывно реформируется, реформируется и реформируется.

Изменения в системе образования случались и в советские времена, достаточно вспомнить хрущевские попытки «соединения школы с жизнью», однако не было лихорадки реформирования, не было перманентной тряски, которая стала обыденностью в последнюю четверть века. Если оглянуться назад, то обнаруживается факт поистине удивительный: за весь этот период нельзя найти двух лет подряд, когда система образования жила бы по одним и тем же правилам. Не существовало никакого постоянства, постоянным было только изменение. Так что на фоне тех масштабных катаклизмов, которые пережила за последние четверть века отечественная система образования, хрущевские эксперименты кажутся детской забавой, мелким эпизодом, легкой рябью на поверхности океана.

Поскольку реформы системы образования прямо или косвенно затрагивают интересы десятков миллионов проживающих в России людей, они не могли не привлечь внимания исследователей. Им посвящена обширная литература, затрагивающая самые разные аспекты – юридический [4,10], гуманитарный [2,13,17], социальный [3, 7, 8, 13, 15, 17, 18], экономический [6, 9, 17, 19], педагогический [11,12]. При всем разнообразии подходов и точек зрения на происходящий процесс явно недостаточное внимание уделяется вопросу о том, каков его общеисторический смысл. Этот вопрос подразумевает другой: когда реформы завершатся? Ни одна реформа не может продолжаться бесконечно, и педагогическая общественность вправе ожидать, что ответственные официальные лица поведают *urbi et orbi*, когда же, наконец, прекратится лихорадка преобразований. Однако никаких внятных разъяснений на этот счет мы не слышали ни от В.М. Фи-

липпова, ни от А.А. Фурсенко, ни от Д.В. Ливанова, ни от О.Ю. Васильевой. Ниже в кратком виде сформулирована наша собственная точка зрения по данному вопросу.

Предпосылки анализа реформ образования. Как известно, система образования – важнейший социальный институт, играющий роль опоры существующего порядка и главного инструмента его сохранения [3, 19]. Любые преобразования этого института прямо связаны с глубинными процессами, протекающими в обществе, обусловлены общей логикой социального развития. Поэтому анализ содержания российских реформ системы образования неизбежно приводит к постановке вопроса о цели и смысле тех радикальных перемен, которые произошли в стране в последние три десятилетия.

Официальная идеологема, призванная легитимировать в глазах своего народа слом советского жизнеустройства, формулировалась реформаторами как «возвращение в лоно мировой цивилизации» [14,16]. Ликвидация советской политической системы, криминальная приватизация общенародной собственности, парад суверенитетов и последовавший за ним распад единой страны на 15 осколков – все это получало своё высшее оправдание в означенном «возвращении». Само это «лоно» изображалось пропагандой как воплощённый рай на земле, где обеспечен высочайший жизненный уровень населения, процветают политические права и свободы, торжествуют законность и справедливость.

Самым существенным препятствием на пути к этому светлому будущему, согласно представлениям реформаторов, был «совок», т.е. человек, сформировавшийся под влиянием советской социальной среды, советской культуры и советской системы образования. И потому нет ничего удивительного в том, что руководство Российской Федерации поставило цель её переделать. Необходимо было адаптировать систему образования к потребностям новой России. Поскольку нашей стране предстояло стать частью «мировой цивилизации», постольку и система образования должна была скопировать принятые в этой цивилизации институты и нормы, что предполагало вхожде-

ние России в «мировое образовательное пространство». Как справедливо отмечает П.А. Николайчук, под этим последним понималось только пространство западных стран [15]. При этом само это «вхождение» потребовало такой коренной ломки сложившихся в течение почти трех столетий норм и традиций, что это не могло не привести к дезорганизации системы.

Энтузиасты перестройки и последовавших за ней реформ исходили из того, что «цивилизованный мир» с нетерпением ждёт, когда Россия, «сбросив ярмо тоталитаризма», станет его органической частью, а сами они приобретут вместе с особняками в Лондоне и вилами на Майами-Бич статус «very important persons» мирового уровня. Безоглядно и безвозмездно сдавая советское наследство своему геостратегическому конкуренту, постсоветская элита искренне рассчитывала на вполне приличное место под солнцем в этом прекрасном новом мире. Имеет смысл акцентировать внимание на следующем обстоятельстве: своё поведение она рассматривала не как результат поражения в холодной войне, а как следствие добровольного согласия на переустройство мира на принципах «нового мышления». Эта позиция решительно не совпадает с мнением глобальной элиты. Так, один из наиболее ярких выразителей её взглядов Збигнев Бжезинский сразу же после окончания холодной войны писал: «Холодная война закончилась победой одной стороны и поражением другой. Эту реальность невозможно отрицать...» [1].

История развеяла прекраснодушные иллюзии. России позволили некоторое время посидеть на приставном стуле в G8, но потом лишили её и этой малости. Ни США, ни ЕС, ни им обоим вместе вовсе не нужна Россия как сильная процветающая держава, самостоятельно прокладывающая себе путь в будущее. Никогда не признают они и российскую элиту ровней элите «цивилизованных» стран. При этом неважно, выступает ли наша страна в облике коммунистического Советского Союза или в виде постсоветской России, декларирующей свою приверженность к ценностям либеральной демократии. *Carthaginem delendam esse*. Россия

должна исчезнуть с политической карты мира. Но это, конечно, программа-максимум. Программа-минимум – добиться необратимого превращения России в сырьевой придаток развитых стран, не имеющий ни серьезного влияния в мире, ни перспективы технологического прогресса. И, надо об этом прямо сказать, либеральные реформаторы, занимающие ключевые позиции в системе современной российской власти, немало преуспели в том, чтобы такие желания стали реальностью.

При этом не так уж важно, действовали они по собственной инициативе или выполняли чей-то заказ. Сама по себе идея возвращения в «лоно мировой цивилизации» основана на представлении о том, что Россия – страна неправильная, выпавшая в результате «большевистского эксперимента» из этого самого «лона». Стать «правильной» страной Россия может только при том условии, что она займёт уготованное ей «цивилизованными странами» место в системе глобального разделения труда. Объективный результат деяний реформаторов именно таков: масштабная дезиндустриализация, существенное понижение уровня технологического развития страны, отставание от передовых стран на стратегических направлениях научно-технического прогресса. Основой экономики современной России стала продажа за рубеж продукции низкого передела. Фактически у нас совершился переход (к счастью, не полностью) к экономике обслуживающего типа, для которой советская система образования, ориентированная на обеспечение нашей стране самостоятельного места в мире в качестве сверхдержавы, явно *избыточна*.

Очень показательна в интересующем нас отношении судьба российского авиапрома. В советские времена в России была создана собственная авиастроительная индустрия, которая полностью обеспечивала потребности населения в воздушных перевозках, крайне важных для страны, протянувшейся на 11 часовых поясов. В наши дни потребность в авиаперевозках никуда не исчезла, но теперь она на 95 процентов удовлетворяется за счет машин иностранного производства.

Для страны, претензии которой ограничиваются уровнем региональной державы, такое положение вещей вполне приемлемо. Ей достаточно иметь некоторое количество компетентных специалистов, способных поддержать экономику и обороноспособность на уровне, достаточном для комфортного существования элиты. Но Россия слишком велика и богата ресурсами, чтобы ограничиться столь скромной ролью в современном мире. Стоящий перед ней выбор таков: либо развиваться в качестве самостоятельного центра прогресса, либо исчезнуть с политической карты мира.

События последнего времени не оставляют никакого сомнения в том, какой вариант развития событий устроил бы глобальную элиту. Она смотрит на Россию как на страну, потерпевшую сокрушительное поражение в холодной войне. Полная и безоговорочная капитуляция – вот единственное, что ожидает глобальная элита от нашей страны.

Пойти навстречу этим пожелания для российской элиты означает совершить акт суицида. Исторический опыт последних десятилетий со всей очевидностью свидетельствует: Запад нам не поможет, Россия может опереться только на собственные силы. Речь идет не об автаркии, ибо в современном мире она невозможна. Даже Северная Корея, экономика которой в максимальной степени близка к идеалу полной автаркии, ведет торговый обмен с другими странами [20].

В России нужно создавать *самодостаточную* экономику, способную выдержать любые колебания мировой конъюнктуры. Ресурсная обеспеченность страны делает такую цель вполне достижимой. Решение этой задачи невозможно без системы планирования в государственном масштабе, что влечет за собой необходимость восстановления в своих существенных чертах советской системы организации экономики. (Естественно, с учетом опыта других стран.) России в ближайшее время вновь предстоит совершить цивилизационный рывок, в противном случае будущего у неё нет.

Вывод. Таким образом, ведущиеся уже четверть века реформы российского образования вошли в вопиющее проти-

воречие с объективными интересами и страны, и её правящей элиты. Все они направлены на то, чтобы обеспечить функционирование России в мировой системе разделения труда в качестве сырьевого придатка. Советская система образования была ориентирована на формирование интеллектуально самостоятельной личности, обладающей и широким кругозором, и способностью к системному мышлению. Это позволяло советскому человеку в кратчайшие сроки осваивать новые виды деятельности и решать нетривиальные задачи.

Создаваемая в ходе реформ система образования нацелена на формирование частичного индивида, наилучшим образом приспособленного к функционированию в качестве агента стандартизированного процесса. Такой индивид идеален как объект манипулятивных политических технологий, но на него нельзя положиться, когда необходимо дать адекватный ответ на вызов, перед которым стоит современная Россия. По нашему мнению, единственный выход из сложившегося положения состоит в восстановлении (в своих принципиальных чертах, а не в деталях, разумеется) советской системы образования. Вот тогда закончатся реформы системы образования, обрекающие Россию на утрату исторической субъектности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Brzezinski, Z.* The Cold War and Its Aftermath//«Foreign Affairs» Vol. 71, No. 4, Fall, 1992. – P. 31.
2. *Günzle, S. Meister, C. King.* The Bologna process and its impact on higher education at Russia's margins: the case of Kaliningrad// Higher Education, 2009. Vol. 57. No 4. – P. 533-547.
3. *Авдулов А., Иванова Н., Онищенко И., Романкова Л., Черноуцан Е., Шелюбская Е., Ракитов А.* Государственные приоритеты в науке и образовании. – М.: ИНИОН РАН, 2001. – 232 с.
4. *Барабанова С.В.* Государственное регулирование высшего образования в Российской Федерации: Административно-правовые вопросы. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2004. – 340 с.
5. *Брукинг Э.* Интеллектуальный капитал: ключ к успеху в новом тысячелетии// Пер. с англ. под ред. Л. Н. Ковачин. – СПб.: «Питер», 2001. – 288 с.
6. *Вифлеемский А.Б.* Финансово-хозяйственная деятельность образовательных учреждений вчера и сегодня // Экономика образования. – 2007. – №3. – С. 19-32.
7. *Добренькова Е.В.* Образование как социальный институт и дискурс // Социология власти: Вестник Социологического центра РАГС. – 2006. – № 5. – С. 141-146.

8. Добренькова Е.В. Проблемы вхождения России в Болонский процесс // Социологические исследования. – 2007. – №6. – С. 102-106.
9. Зарплата преподавателя ВУЗа в 2016-2017 году. [Электронный ресурс]. URL: <http://finbazis.ru/zarplata-prepodavatelya-vuza/www.orenedu.ru/files/internet/profilii/didakt/docs/2b/filatova.html> (Дата обращения: 05.10.2022).
10. Коваленко С.А. Международный опыт признания образования и квалификаций в странах европейского региона и Российской Федерации в 1960-2015 гг. Дисс. канд.ист.н., 2018. – 195 с.
11. Компетентностный подход в образовании. [Электронный ресурс]. – URL: <http://biofile.ru/psy/11508.html> (Дата обращения: 05.10.2022).
12. Лившиц Р.Л. Вперед, к советской системе образования // Проблемы высшего образования. Мат.международной научно-методической конференции. Хабаровск, 9-11 апреля 2014 г. – Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2014. – С. 42-45.
13. Лившиц Р.Л. Выбор цели (проблемы образования в современной России) // Дальний Восток. – 2002. – №1-2. – С. 183-205.
14. Некрасов С.Н. Социализм между формацией и цивилизацией: внецивилизационный процесс или возвращение в лоно цивилизации? // Дискурс-Пи. 2007. – Т. 7. – С. 22-25.
15. Николайчук П.А. О перспективах вхождения России в мировое образовательное пространство // Видеонаука: сетевой журн. 2017. – №2(6). – Ч.2. Специальный выпуск «Гуманитарные и экономические науки». URL: <https://videonauka.ru/stati/37-spetsialnyj-vypusk/123-o-perspektivakh-vkhozhdeniya-rossii-v-mirovoe-obrazovatelnoe-prostranstvo> (Дата обращения: 05.10.2022).
16. Панарин А.С. К реконструкции «Второго мира». URL: <http://lizard.jinr.ru/~tina/world/history/inoe/panar.htm> (Дата обращения: 05.10.2022).
17. Паушус В.Ю. Государственная политика в области образования: Болонский процесс – «PRO» и «Contra» //Актуальные проблемы экономической теории и экономической политики. – СПб.: 2004. – Вып. 1. – С. 144-153.
18. Садовничий В.А. Высшее образование в России на современном этапе: состояние и перспективы/ Вестник РАЕН. – Т.5. – №3. – С. 3-7.
19. Сфера образования в системе Россия – Запад (проблемы эффективности)/ Под ред. В.И. Марцинкевича – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – 234 с.
20. Толорая Г.Д., Яковлева Л. Н. Экономическая стратегия КНДР после VII съезда Трудовой партии Кореи: выводы для России // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2016. – №4.– С. 7-19.

R.L. Livshits

WHEN WILL EDUCATIONAL REFORMS IN RUSSIA COME TO THE END?

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Socio-Political Disciplines, Amur State University of Humanities and Pedagogy, 17/2 Kirova Str., Komsomolsk-na-Amure, Russia, e-mail: rudliv@yandex.ru.

Abstract: *The radical scrapping of the Soviet way of life, committed in 1991-1993, required a radical change in all ideological pillars and institutions of society. The education system, as one of such basic institutions, has become the object of reforms that have not yet been completed. A natural question arises about the ultimate goal of the reforms, but it would be in vain to expect an official answer to it. The reforms of the Russian education system, which have been going on for almost three decades in a row, are in blatant contradiction with the new reality. Russia is facing a historic challenge, and there is only one way to give a worthy answer to it – to restore the Soviet education system, at least in its fundamental foundations.*

Key words: *a reform of education in Russia; global labor division; a partial individual; versatile-developed personality; self-sufficiency of economy; historical subjectivity of Russia.*

REFERENCES

1. Brzezinski Z. The Cold War and Its Aftermath//«Foreign Affairs» Vol. 71, No. 4, Fall, 1992. – P. 31.
2. Gänzle S. Meister, C. King. The Bologna process and its impact on higher education at Russia's margins: the case of Kaliningrad// Higher Education, 2009. Vol. 57. No 4. – P. 533-547.
3. Avdulov A., Ivanova N., Onishchenko I., Romankova L., Cher-noutsan E., Shelyubskaya E., Rakitov A. Gosudarstvennye priority v nauke i obrazovanii. – M.: INION RAN, 2001. – 232 s.
4. Barabanova S.V. Gosudarstvennoe regulirovanie vysshego obrazovaniya v Rossiiskoi Federatsii: Administrativno-pravovye voprosy. – Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 2004. – 340 s.
5. Bruking E. Intellektual'nyi kapital: klyuch k uspekhu v novom tysyacheletii/Per. s angl, pod red. L. N. Kovachin. – SPb.: «Piter», 2001. – 288 s.
6. Vijleemskii A.B. Finansovo-khozyaistvennaya deyatel'nost' ob-razovatel'nykh uchrezhdenii vchera i segodnya//Ekonomika obrazovaniya. – 2007. – №3. – S. 19-32.
7. Dobren'kova E.V. Obrazovanie kak sotsial'nyi institut i diskurs// Sotsiologiya vlasti: Vestnik Sotsiologicheskogo tsentra RAGS, № 5. – 2006. – S. 141-146.
8. Dobren'kova E.V. Problemy vkhozheniya Rossii v Bolonskii protsess // Sotsiologicheskie issledovaniya, – 2007. №6. – S.102-106.
9. Zarplata prepodavatela VUZa v 2016-2017 godu. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://http://finbазis.ru/zarplata-prepodavatelya-vuza/www.orenedu.ru/files/internet/profilidi-didakt/docs/2b/filatova.html> (Data obrashcheniya: 05.10.2022).
10. Kovalenko S.A. Mezhdunarodnyi opyt priznaniya obrazovaniya i kvalifikatsii v stranakh evropeiskogo regiona i rossiiskoi federatsii v 1960-2015 gg. Diss. kand.ist.n., 2018. – 195 s.
11. Kompetentnostnyi podkhod v obrazovanii. [Elektronnyi re-surs]. – URL: <http://biofile.ru/psy/11508.html> (Data obrashcheniya: 05.10.2022).
12. Livshits R.L. Vpered, k sovetskoj sisteme obrazovaniya // Problemy vysshego obrazovaniya. Mat.mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii. Khabarovsk, 9-11 aprelya 2014 g. – Khabarovsk: Izd-vo TOGU, 2014. – S. 42-45.

13. *Livshits R.L.* Vybor tseli (problemy obrazovaniya v sovremen-noi Rossii) // Dal'nii Vostok. – 2002. – №1-2. – S.183-205.
14. *Nekrasov S.N.* Sotsializm mezhdru formatsiei i tsivilizatsiei: vnetsivilizatsionnyi protsess ili vozvrashchenie v lono tsivilizatsii? // Diskurs-Pi. 2007. – T.7. – S.22-25.
15. *Nikolaichuk P.A.* O perspektivakh vkhozheniya Rossii v mirovye obrazovatel'noe prostranstvo // Videonauka: setevoi zhurn. 2017. – №2(6). – Ch.2. Spetsial'nyi vypusk «Gumanitarnye i ekonomicheskie nauki». URL: <https://videonauka.ru/stati/37-spetsialnyj-vypusk/123-o-perspektivakh-vkhozheniya-rossii-v-mirovye-obrazovatelnoe-prostranstvo> (Data obrashcheniya: 05.10.2022).
16. *Panarin A.S.* K rekonstruktsii «Vtorogo mira». URL: <http://lizard.jinr.ru/~tina/world/history/inoe/panar.htm> (Data obrashcheniya: 05.10.2022).
17. *Pashkus V.Yu.* Gosudarstvennaya politika v oblasti obrazovaniya: Bolonskii protsess - «PRO» i «Contra»//Aktual'nye problemy ekonomicheskoi teorii i ekonomicheskoi politiki. – SPb.: 2004. – Vyp. 1. – S. 144-153.
18. *Sadovnichii V.A.* Vyshee obrazovanie v Rossii na sovremen-nom etape: sostoyanie i perspektivy/ Vestnik RAEN, – T.5, №3. – S. 3-7.
19. Sfera obrazovaniya v sisteme Rossiya - Zapad (problemy effektivnosti)/Pod red. V.I. Martsinkevicha – M.: IMEMO RAN, 2009. – 234 s.
20. *Toloraya G.D., Yakovleva L.N.* Ekonomicheskaya strategiya KNDR posle VII s'ezda Trudovoi partii Korei: vyvody dlya Rossii // Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk. – 2016. – №4. – S. 7-19.

Статья поступила в редакцию 20.10.2022 г.

UDC 021.2

DOI: 10.21146/1606_6251_2022_3/4_188_201

Т.Б. Маркова

БИБЛИОТЕКА КАК КОМПОНЕНТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

***Аннотация:** В настоящее время библиотеки всё больше вовлекаются в учебный процесс. Появляются новые направления, расширяется их просветительская функция. В статье проанализированы такие направления развития библиотек, как модернизация муниципальных библиотек, информатизация библиотечной деятельности, позиционирование библиотек в образовательном ландшафте, этнокультурное библиотечное взаимодействие. Реализуя концепцию опережающего обучения, библиотека предоставляет широкий спектр услуг, в частности, обеспечение доступа к удаленным источникам, ведение мониторинга, организация обучающих семинаров, поддержка научных исследований. Модернизация библиотек направлена также на создание условий для обращения к информационным ресурсам, на содействие профессиональному и духовному росту пользователей.*

Наиболее сильное влияние цифровизация оказала на трансформацию образования. Изменения, происходящие в системе образования, отражаются на деятельности библиотек. Для осмысления роли библиотек в образовательном пространстве значимым становится исследование просветительских практик. Традиционные формы дополняются новыми. Это формирование информационной культуры пользователей, использование элек-

---

Маркова Татьяна Борисовна – доктор философских наук, заведующий сектором библиотекосведения Научно-исследовательского отдела библиографии и библиотековедения Библиотеки Российской академии наук (Санкт-Петербург). E-mail: tatjana.marko2016@yandex.ru

---

тронных средств обучения, применение электронных библиотечных систем в образовательном процессе. Повсеместное распространение информационных технологий повлекло за собой другие изменения, например, в работе памяти, восприятии текстов и их понимании.

Автором осуществлен сравнительный анализ тенденций развития библиотек, в ходе которого были выявлены следующие модели: библиотека как информационно-библиотечный центр, «библиотека как учебный мир», библиотека как медиум межкультурной коммуникации. Выводы, сформулированные в статье, раскрывают возможности для дальнейшего изучения перспектив взаимодействия библиотек и научного сообщества.

Ключевые слова: образование, цифровые технологии, библиотека, «учебный мир», «модельная библиотека», электронные библиотечные системы.

Предисловие. Развитие Интернета и распространение информационных технологий повлекло за собой трансформации во всех сферах жизнедеятельности человека. В значительной степени модернизации подверглась система образования, а также библиотеки. Классическое образование строилось на основе книжной культуры и опиралось на просветительские практики. Распространение знаний шло через книгу, учебник. Человек, читая, учился и получал нужную специальность. В настоящее время книга уже не является единственным источником информации, а библиотека — местом её получения. Стремительный рост количества информации приводит не только к проблеме её хранения и трансляции, но и к тому, что она теряет ценность в силу своей избыточности.

Проблема образования обостряется из-за невостребованности традиционных профессий. Переход на дистанционную форму обучения обусловил изменения в содержании образования. Диалог ученика и учителя превращается в однонаправленную коммуникацию посредством интернет-технологий. Такое обучение не предполагает культурного роста и реали-

зацию творческих способностей. В этих условиях главная роль библиотек видится в том, чтобы сделать их центрами просвещения. Сегодня программа непрерывного образования дополняется концепцией опережающего обучения, в рамках которой библиотеки не только предоставляют образовательный контент, удаленный доступ к ресурсам и документам, но и организуют курсы по переподготовке, обучают теоретическим основам, интеллектуальной работе с информацией, что в конечном итоге ведет к умению прогнозировать перспективы профессионального и духовного развития.

Вовлеченность библиотек в цифровое пространство, расширение возможностей доступа к информации вне зависимости от времени и места нахождения документа и пользователя обусловили необходимость осмысления роли библиотек в современной коммуникативной среде. Например, научные библиотеки зарубежных исследовательских институтов нацелены на содействие научной карьере студентов, на сотрудничество с преподавателями университетов в образовательном процессе, поиск и организацию новых форм поддержки научных исследований. Отечественные библиотеки ориентированы в основном на частные проблемы, связанные с избирательным распространением информации, открытым доступом и продвижением новых форм обслуживания.

Направления развития библиотек. В библиотечном сообществе были сформулированы следующие направления развития библиотек: модернизация муниципальных библиотек; информатизация библиотечной деятельности; позиционирование библиотек в образовательном ландшафте; этнокультурное библиотечное взаимодействие.

Первое направление предполагает модернизацию общедоступных муниципальных библиотек с целью развития информационного потенциала региона и создания условий для обращения к ресурсам крупнейших библиотек и национальной электронной библиотеки. Согласно модельному стандарту деятельности общедоступной библиотеки, принятому в 2014 году, библиотеки — это интеллектуальные центры, оснащенные

ные доступом к информационным ресурсам, оцифрованным коллекциям и национальной электронной библиотеке.

Модельный подход к созданию современных библиотек сочетается с пространственным подходом. Модель публичной библиотеки включает в себя физическое и виртуальное пространства; пространство для получения знаний, свободные зоны для работы, общения и творчества [10].

Проект «модельная библиотека» направлен на содействие развитию библиотек как современных социально-культурных учреждений. Его идея заключается в создании и хранении собственных ресурсов о профессиях, направленных на организацию общения, поддержку познавательной и творческой активности людей. Значимую роль в библиотеках нового типа играет процесс социализации и развитие коммуникативных компетенций. Современный библиотекарь не просто выдает книги и собирает информацию. Содействуя развитию информационной культуры пользователей, культурной адаптации инвалидов и людей с ограниченными возможностями, он развивает и организует тем самым социальное пространство.

Информатизация библиотечной деятельности — одно из актуальных направлений развития библиотек. Оно включает не только процессы оцифровки, систематизации, создания электронных каталогов и коллекций. В широком смысле информатизация предполагает создание единой системы поиска, развитие системы сервисных услуг и применение новых форм обслуживания. В научный оборот понятие «сервис» ввел Д. И. Блюменау в 1989 г. «Сфера информационного сервиса включает в себя документальное, фактографическое и концептографическое обслуживание. ...Она нацелена в первую очередь на удовлетворение информационных потребностей специалистов в процессе их научной и производственной деятельности» [2: 41, 169].

Понятие «библиотечный сервис» предусматривает не только высокий уровень предоставляемых информационных и библиотечных услуг, но и возможность рассмотрения мнений и жалоб со стороны пользователей [8, 2518]. Научные

библиотеки реализуют широкий спектр работ и услуг: информирование пользователей о подписке на электронные ресурсы, обеспечение доступа к удаленным источникам; ведение мониторинга; организация обучающих семинаров; консультирование по вопросам подготовки библиографических списков, диссертационных работ; продвижение научных результатов института и библиотеки в социальных сетях, ведение институциональных репозиториев данных.

Репозитории данных являются инструментом продвижения результатов научных исследований. Со временем они могут стать полноценной платформой научной коммуникации. Ученым и специалистам необязательно отдавать свои работы в издательства и ждать их публикации. Они могут представлять собственные научные открытия, а также сопроводительные и исходные материалы в репозитории. «Публикация в репозиториях не только потенциально повышает цитируемость произведения или узнаваемость автора, но также позволяет профессиональному научному сообществу идентифицировать ценность полученных исследовательских результатов» [8, 124].

Библиотеки, в свою очередь, предлагают исследователям навигаторы по репозиториям открытого доступа и рекомендации по управлению данными. Например, ГПНТБ СО РАН было подготовлено «Руководство по управлению исследовательскими данными», содержащее рекомендации ученым по подготовке плана управления данными, использованию шаблонов управления, классификациям данных, стандартам метаданных и др. [12]. По мнению Н.С. Редькиной, это руководство является вспомогательным компонентом инфраструктуры поддержки исследований; методическим инструментом, консультирующим ученого на всех этапах работы с информацией [11, 6].

Третье направление развития библиотек — это позиционирование библиотек в образовательном ландшафте. Библиотека представлена в качестве места обучения и организации общения. В этом направлении предполагается создание про-

фессиональных образовательных программ и разработка исследовательских проектов, направленных на изучение потребностей общества, взаимодействие с библиотеками как центрами самообразования.

В частности, в Германии был реализован проект «Библиотека как учебный мир», предложенный специалистами Исследовательского центра Штуттгартского Университета Медиа. Он включает четыре тематических блока: библиотечное пространство и его оформление; распределение пространственных зон; разработка концепта «предложение-спрос», «предложение и посредничество»; сотрудничество библиотек с высшими учебными заведениями и создание на базе библиотек «учебных миров» как начальной ступени обучения [14].

Проект направлен на усиление образовательной и научно-исследовательской деятельности библиотек. Библиотеки становятся сосредоточием научного и образовательного сообщества. В соответствии с этим меняется организация и оформление пространственных помещений. Значимой становится перспектива рассмотрения библиотеки как «учебного мира» или «учебной библиотеки мира». Такая библиотека не столько предоставляет информацию и ресурсы, сколько организует и направляет учебный процесс, содействует развитию информационной грамотности и установлению научной коммуникации [14, 140-141].

Четвертое направление связано с представлением библиотеки как пространства встреч и идей. Она рассматривается как медиум межкультурной коммуникации. Её значимой функцией становится сохранение и популяризация многообразия культур, развитие этнических и национальных традиций общества. Межкультурная коммуникация – это особая форма общения представителей различных культур, в процессе которой происходит обмен информацией и культурными ценностями. Обеспечивая накопление, сохранение и трансляцию национального культурного наследия, библиотека участвует в межкультурном общении, в процессе которого проявляются этнопсихологические и этнокультурные различия. «Использ-

зую методы, приемы этнопсихологии, она способствует достижению взаимопонимания представителей разных культур не только через книгу, но и путем реализации методик межкультурной подготовки по вхождению в иную культуру» [7, 40].

С другой стороны, задачи межкультурной коммуникации в библиотеке связаны скорее с мыслительно-адаптационной, нежели с педагогической функцией. По мнению Е.Ю. Гениевой, важным в современной библиотеке является воспитание человека культуры, т.е. человека, способного менять основание своего мышления в противоположность цивилизованному человеку, который действует в соответствии с усвоенными правилами и нормами [3, 61].

В условиях глобализации возрастает роль библиотеки как центра межкультурной коммуникации, что связано в первую очередь с интенсификацией информационного-коммуникативного пространства. Усиливаются контакты между социальными и этническими группами, складываются гуманитарные связи между странами, которые являются главными центрами развития мировой экономики и политики. С этой целью была разработана концепция гуманитарного сотрудничества, направленная на оказание гуманитарной помощи, на сохранение планеты, социальную защиту населения. Она предполагает взаимодействие по развитию общих образовательного, информационного и культурных пространств; кооперацию в сферах книгоиздания, книгораспространения и полиграфии, охраны здоровья, а также в сфере спорта и туризма; создание благоприятных условий для популяризации общечеловеческих ценностей разных народов [6].

Влияние цифровых технологий на трансформацию образования. Трансформации в экономике, культуре, социально-политической сфере обусловили изменения в образе жизни человека. Он должен постоянно учиться, совершенствовать знания, принимать участие в развитии общественной жизни в целом. Интернационализация понимается исследователями как интеграция международного или межкультурного диалога в преподавательскую, исследовательскую и сервисную

функции учреждения. «Интернационализация образования проявляется в таких формах как мобильность преподавателей и студентов, транснациональное образование, международное сотрудничество» [1, 48].

Интернационализация повлекла за собой модернизацию образовательного процесса, сопровождающегося внедрением цифровых устройств, распространением интерактивных программ, переходом на виртуальные коммуникации. Прежняя модель обучения строилась на книге, на преподавании основ классической культуры и фундаментальных знаний. Современная модель направлена на самостоятельную работу учащегося, следовательно, на свободный поиск информации, непрерывное пополнение знаний и навыков.

Инновационный подход в обучении предполагает всестороннее развитие познавательных и творческих способностей индивида и организацию учебно-воспитательного процесса с учётом индивидуальных особенностей учащегося. В современных условиях под влиянием Интернета этот процесс существенно преобразуется. Обучение превращается в монолог ученика перед компьютерной машиной, тестирующей его знания. Компьютер не учит творчески мыслить, не способствует получению нового знания, а лишь предоставляет возможность для самопроверки. В библиотеку приходят, в основном, для получения необходимых учебников по рекомендации преподавателя. В качестве источника электронных документов и места поиска текстов библиотека также перестаёт быть частью читательских практик. Необходимость вникать в особенности каждой базы и процедуры доступа вынуждает студентов выбирать поисковые интернет-ресурсы [13: 90, 93].

Наряду с поисковыми информационными системами широкое распространение получили электронные библиотечные системы, в частности «Лань», «Юрайт», «Консультант студента», «ZNANIUM.COM», «Университетская библиотека онлайн» и другие. Согласно требованиям ФГОС, литература, предназначенная для обучения, должна меняться через 5 лет. В университетских и научных библиотеках современ-

ные учебные материалы и методические комплексы практически не представлены и потому многие вузы заключают договоры с электронными библиотечными системами (ЭБС). Например, в ЭБС «Лань» представлены книги ведущих издательств учебной и научной литературы, а также электронные версии периодических изданий по техническим, естественным и гуманитарным наукам. Помимо научной и учебной литературы данный ресурс предоставляет доступ к художественной литературе. «Университетская библиотека онлайн» – это проект издательства «Директ-медиа». Она предоставляет доступ к образовательной, научной, учебной литературе и периодическим изданиям по тематическим (профильным) блокам, а также техническое и методическое сопровождение для вузов и средних специальных учебных заведений. На платформе дистанционного обучения, реализованной в MOODLE, ведутся различные вебинары и онлайн-курсы.

Опрос студентов отдельных вузов показал, что студенты активно пользуются не только поисковыми интернет-ресурсами, но и ЭБС. К положительным сторонам использования электронных книг студенты отнесли: представление информации в различных формах, возможность для самопроверки, совершенствование навыков работы с информационными ресурсами. Среди недостатков они отметили недостаточно глубокое освоение материала при чтении электронных учебников, уменьшение количества времени, отведенного на диалог с преподавателем, снижение активности участия в учебном процессе [5, 217]. Несмотря на указанные недостатки, данная форма получения информации является востребованной в современной коммуникативной среде. По мнению Е.А. Голубевой и М.В. Смагиной, применение электронных библиотечных систем в образовательной деятельности вуза позволяет осуществлять дифференцированный подход в обучении, использовать разноуровневые задания, выбирать индивидуальную траекторию обучения [5, 217].

Опасность цифровизации видится не только в том, что люди начинают думать алгоритмами. Утрачивается рефлекс-

сивный опыт и формируется клиповое мышление. Слова и значения заменяются знаковыми комплексами, которые становятся не просто лексическими средствами, а способами выражения эмоционального и психологического состояния личности. С другой стороны, новые технологии повышают эффективность и производительность учреждений образования. Образовательная модель современных университетов направлена на интеграцию, с одной стороны, с наукой, с другой, – с библиотеками. В университетах создаются специализированные учебно-научные центры. Активируется сотрудничество с научными библиотеками, с библиотеками институтов. Администрация вузов привлекает библиотечных сотрудников для подготовки аналитических обзоров, оформления грантов, создания баз данных трудов ученых, а также для поддержки научных исследований.

Библиотека не столько предоставляет традиционные услуги, сколько отслеживает информационные интересы и потребности специалистов, продвигает новые форматы представления информационных услуг [9, 34]. В рамках отдельной научной организации выстраивается модель взаимодействия библиотекаря и ученого, что способствует укреплению взаимосвязей между библиотекой и научным сообществом.

Выводы. Во-первых, библиотека продолжает оставаться центром обучения и самообразования. Реализация исследовательских проектов и ориентация на содействие образовательному процессу способствует сотрудничеству библиотек и университетов.

Во-вторых, смена парадигмы образования обусловила переосмысление образовательной функции библиотек. Традиционные задачи просветительства дополняются формированием информационной грамотности пользователей, обучением электронным средствам работы с информацией, предоставлением новых сервисных услуг и образовательных платформ, в том числе на базе ЭБС.

В-третьих, цифровые технологии оказывают положительное влияние на деятельность и производительность библио-

тек и образовательных учреждений. Создаются образовательные программы, обучающие онлайн-курсы. Возникают новые формы сохранения информации, в частности репозитории данных, способствующие продвижению научных результатов ученого.

Кроме того, в соответствии с рассмотренными тенденциями были выявлены следующие модели развития библиотечных пространств: библиотека как информационно-библиотечный центр, «библиотека как учебный мир», библиотека как медиум межкультурной коммуникации.

Представленные выше проекты библиотечного развития — это один из аспектов осмысления новой роли библиотек в образовательном ландшафте. В современном образовательном процессе нуждаются в развитии такие качества специалистов как понимание, творчество, рефлексия, критическое мышление. Библиотечная работа с читателями всегда строилась на обучении и развитии познавательных и творческих способностей человека, а цифровые технологии открывают новые возможности для образования и самообразования.

В настоящее время возрастает роль библиотек в документально-информационных процессах, в предоставлении информационных услуг. Они становятся эффективной платформой для самообразования и онлайн-обучения. Актуальной проблемой библиотечно-образовательного пространства становится согласование «машино-читаемого» и «человеко-понимаемого» способов обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абабкова М.Ю.* Понятия «глобализация образования», «интернационализация образования», «международное образование»: общее и различное // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. — 2011. — № 1 (17). — С. 46-51.
2. *Блюменау Д.И.* Информация и информационный сервис. — Л.: Наука, 1989. — 188 с. — (серия «Наука и технический прогресс»)
3. *Гениева Е.Ю.* Библиотека как центр межкультурной коммуникации. — М.: РОССПЭН, 2005. — 208 с.
4. *Головенченко А.К.* Современные информационные технологии в контексте библиотечной сервисной деятельности // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: материалы Всерос. науч.-метод. конф. (с

междунар. участием) / Оренбургский гос. ун-т. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. – С. 2518-2523. URL:http://conference.osu.ru/assets/files/conf_info/conf9/s20.pdf (Дата обращения 25.05.2022).

5. *Голубева Е.А., Смагина М.В.* Использование потенциала электронных библиотечных систем в образовательной деятельности Вуза // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2020. – № 50. – С. 211-218.

6. Гуманитарное сотрудничество – важнейший элемент развития Содружества Независимых Государств // Вестн. Библио ассамблеи Евразии. – 2021. – № 1. – С. 4-5.

7. *Данильянц Л.Д.* Этнические (этнокультурные), профессиональные особенности и библиотеки // Библиотечное обслуживание полиэтничного населения региона: сб. ст. – СПб.: изд-во РНБ, 2005. – С. 35-62

8. *Засурский И.И., Соколова Д.В., Трищенко Н.Д.* Репозитории открытого доступа: функции и тенденции развития // Науч. и техн. библиотеки. – 2020. – № 9. – С. 121-142.

9. *Лаврик О.Л., Юдина И.Г., Калюжная Т.А.* Состояние и перспективы развития библиотек академических НИИ (на примере библиотек институтов Новосибирского научного центра СО РАН: ч. 2. // Науч. и техн. библиотеки. – 2021. – № 4. – С. 15-36.

10. Модельный стандарт деятельности общедоступной библиотеки: рекомендации органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам муниципальной власти. – М., 2014. – 18 с. URL:<https://bibl-koi.komi.muzkult.ru/> [Дата обращения 25.05.2022].

11. *Редькина Н.Г.* Современные тенденции в управлении исследовательскими данными // Науч.-техн. информация. Сер. 1. – 2019. – № 4. – С. 1-7.

12. Руководство по управлению исследовательскими данными // ГПНТБ СО РАН [сайт] URL: <http://www.spsl.nsc.ru/naukresursy-i-uslugi-gpntb-so-ran-dlya-nauki-i-biznesae-i-biznesu/rdm> (Дата обращения 25.05.2022).

13. *Черкашина Т.Ю., Чернышева Е.А., Лютов С.Н.* Библиотеки в образовательном чтении школьников и студентов // Науч. и техн. библиотеки. – 2021. – №1. – С. 77-98.

14. *Stang R.* Lernwelten für Bibliotheken – Dimensionen der Zukunftsgestaltung// Bibliothek: Forschung und Praxis. – 2019. – Bd 43. Н. 1. – S.139-149.

T.B. Markova

LIBRARY AS A COMPONENT OF EDUCATIONAL SPACE

Research department of bibliography and library science Library of Russian academy of sciences. 1, Birgevaia linya. Saint Petersburg, 199034, Russian Federation. E-mail: tatjana.marko2016@yandex.ru

***Abstract:** currently, libraries are increasingly involved in the educational process. New directions are emerging, their educational function is expanding. The article analyzes such areas of library development as modernization of municipal libraries, informatization of library activities, positioning of libraries in the educational*

landscape, ethno-cultural library interaction. Implementing the concept of advanced learning, the library provides a wide range of services, in particular, providing access to remote sources; monitoring; organizing training seminars; supporting scientific research. The modernization of libraries is also aimed at creating conditions for accessing information resources, promoting the professional and spiritual growth of users.

Digitalization has had the strongest impact on the transformation of education. The changes taking place in the education system are reflected in the activities of libraries. To understand the role of libraries in the educational space, the study of educational practices becomes significant. Traditional forms are supplemented with new ones. This is the formation of an information culture of users, the use of electronic learning tools, the use of electronic library systems in the educational process. The ubiquity of information technology has led to other changes, for example, in the work of memory, the perception of texts and their understanding.

The author carried out a comparative analysis of trends in the development of libraries, during which the following models were identified: library as an information and library center, “library as an educational world”, library as a medium of intercultural communication. The conclusions formulated in the article reveal opportunities for further study of the prospects of interaction between libraries and the scientific community.

Keywords: *education, digital technologies, library, “learning world”, “model library”, electronic library systems.*

REFERENCES

1. *Ababkova M.Yu.* Ponyatiya «globalizatsiya obrazovaniya», «internatsionali-zatsiya obrazovaniya», «mezhdunarodnoe obrazovanie»: obshchee i razlichnoe // *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii.* – 2011. – № 1 (17). – S. 46-51.
2. *Blyumenau D.I.* Informatsiya i informatsionnyi servis. – L.: Nauka, 1989. – 188 s. – (seriya «Nauka i tekhnicheskii progress»)
3. *Genieva E.Yu.* Biblioteka kak tseentr mezhkul'turnoi kommunikatsii. – M.: ROSSPEN, 2005. – 208 s.
4. *Golovenchenko A.K.* Sovremennye informatsionnye tekhnologii v kontekste bibliotечноi servisnoi deyatel'nosti // *Universitetskii kompleks kak regio-nal'nyi tsentr obrazovaniya, nauki i kul'tury: materialy Vseros. nauch.-metod. konf. (s mezhdunar. uchastiem) / Orenburgskii gos. un-t.* – Orenburg: ООО ИПК «Universi-tet», 2013. – S.

2518-2523. URL:http://conference.osu.ru/assets/files/conf_info/conf9/s20.pdf (Data obrashcheniya 25.05.2022).

5. Golubeva E.A., Smagina M.V. Ispol'zovanie potentsiala elektronnykh biblioteknykh sistem v obrazovatel'noi deyatel'nosti Vuza // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2020. – № 50. – S. 211-218.

6. Gumanitarnoe sotrudnichestvo – vazhneishii element razvitiya Sodruzhe-stva Nezavisimykh Gosudarstv // Vestn. Bibl. assamblei Evrazii. – 2021. – № 1. – S. 4-5.

7. Danil'yants L.D. Etnicheskie (etnokul'turnye), konfessional'nye oso-bennosti i biblioteki // Bibliotечноe obsluzhivanie polietnicheskogo naseleniya re-giona: sb. st. – SPb.: izd-vo RNB, 2005. – S. 35-62

8. Zasurskii I.I., Sokolova D.V., Trishchenko N.D. Repozitorii otkrytogo dostupa: funktsii i tendentsii razvitiya // Nauch. i tekhn. biblioteki. – 2020. – № 9. – S. 121-142.

9. Lavrik O.L., Yudina I.G., Kalyuzhnaya T.A. Sostoyanie i perspektivy raz-vitiya bibliotek akademicheskikh NII (na primere bibliotek institutov Novosibir-skogo nauchnogo tsentra SO RAN: ch. 2. // Nauch. i tekhn. biblioteki. – 2021. – № 4. – S. 15-36.

10. Model'nyi standart deyatel'nosti obshchedostupnoi biblioteki: reko-mendatsii organam gosudarstvennoi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii i orga-nam munitsipal'noi vlasti. – M., 2014. – 18 s. URL:<https://bibl-koi.komi.muzkult.ru/> [Data obrashcheniya 25.05.2022].

11. Red'kina N.G. Sovremennyye tendentsii v upravlenii issledovatel'ski-mi dannymi // Nauch.-tekhn. informatsiya. Ser. 1. – 2019. – № 4. – S. 1-7.

12. Rukovodstvo po upravleniyu issledovatel'skimi dannymi // GPNTB SO RAN [sait] URL: <http://www.spsl.nsc.ru/naukresursy-i-uslugi-gpntb-so-ran-dlya-nauki-i-biznesa-e-i-biznesu/rdm> (Data obrashcheniya 25.05.2022).

13. Cherkashina T.Yu., Chernysheva E.A., Lyutov S.N. Biblioteki v obrazova-tel'nom chtenii shkol'nikov i studentov // Nauch. i tekhn. biblioteki. – 2021. – №1. – S. 77-98.

14. Stang R. Lernwelten für Bibliotheken – Dimensionen der Zukunftsgestaltung// Bibliothek: Forschung und Praxis. – 2019. – Bd 43. H. 1. – S.139-149.

Статья поступила в редакцию 09.06.2022 г.

UDC 159.923.2 DOI: 10.21146/1606_6251_2022_3/4_202_216

А.И. Пигалев

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ЭССЕНЦИАЛИЗМ

***Аннотация:** В статье рассматриваются философские аспекты концепции культурной идентичности. Анализ базируется на том, что понимание концепций тождества и различия определяется отношением к эссенциализму и антиэссенциализму. Эссенциализм следует образцу бинарной оппозиции сущности и репрезентации и предполагает, что каждый знак имеет строго определенный смысл, полученный из реального означаемого в качестве некоторой сущности. В концепции антиэссенциализма предполагается, что знак не имеет означаемого в качестве устойчивого объекта, и репрезентации являются самореференциальными, автономными и перформативными вследствие неразличимости знака и вещи в качестве референта.*

В концепции стратегического эссенциализма, которая является средством против вызывающих трудности следствий антиэссенциализма, допускается, что в условиях автономии репрезентации следует действовать таким образом, как будто некоторые моменты идентичности являются четкими, устойчивыми и следуют образцу бинарных оппозиций. В статье этот образ действий интерпретируется как паллиативное восстановление эссенциализма, которое, хотя и не отменяет антиэссенциалистский запрет на овецествление размытых и измен-

---

Пигалев Александр Иванович — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры философии и теории права института права Волгоградского государственного университета (Волгоград). E-mail: pigalev@volsu.ru

---

чивых тождеств, становится предпосылкой кратковременной стабилизации смысла. В результате равновесие неизменных и изменчивых репрезентаций остается неустойчивым, в то время как неустраняемая зависимость антиэссенциализма от эссенциализма становится явной.

Ключевые слова: эссенциализм, антиэссенциализм, стратегический эссенциализм, репрезентация, культурная идентичность, бинарность, самореференциальность, перформативность.

Предисловие. Эссенциализм (от лат. *essentia* — «сущность») — это наименование давно и широко используемой в философии базовой концепции или даже парадигмы, которая в настоящее время используется для анализа специальных задач преимущественно философии культуры. Первоначально она не только не характеризовалась с помощью этого термина, но в силу отсутствия альтернативы вообще не воспринималась в качестве лишь одной из возможных стратегий мышления о бытии, будучи тождественной тому, что в философской традиции принято называть метафизикой. При ретроспективном рассмотрении эссенциализм действительно представляет собой аспект метафизического понимания бытия, которое выступает в качестве методологической основы исследования и культуры.

В итоге бытие понимается в качестве постоянного присутствия, подобного присутствию материального объекта в пространственных областях, близких к человеку. Соответственно, согласно эссенциализму, знаки и, в частности, слова имеют в качестве означаемых действительно существующие объекты и поэтому не самодостаточны, будучи всего лишь их репрезентациями. В рамках эссенциализма именно репрезентируемые объекты понимаются в качестве устойчивых сущностей, обладающих существенными или всеобщими качествами [12, 221-223].

Согласно антиэссенциализму, в отличие от эссенциализма и, соответственно, всей традиции метафизики, никаких устойчивых сущностей, равно как и существенных качеств, нет. У слов и знаков, как считается в соответствии с антиэс-

сенциализмом, вообще отсутствуют неизменные и устойчивые означаемые [12, 231-233]. При этом именно формирование антиэссенциализма, которое не было одномоментным событием, сделало отчетливо видимыми принципы и одновременно границы эссенциализма.

В соответствии с антиэссенциализмом, смысл знака (например, слова) возникает отнюдь не в результате установления его связи с существующим объектом в качестве означаемого. Смысл формируется в процессе участия знака в непрерывающихся играх исключительно таких же означающих внутри самой знаковой системы (например, языка). В рамках такого подхода следует исходить из того, что знаковая система не репрезентирует никакой независимой от него действительности.

Каждый знак указывает лишь на свои отношения с другими знаками, точнее, на их различия, как это впервые было провозглашено в лингвистике Ф. де Соссюра. Поэтому не может быть никаких неизменных, устойчивых сущностей, предшествующих человеческой деятельности и независимых от неё. Более того, постулируется, что эти сущности не даны изначально, и в каждой локальной области они достаточно свободно, хотя и в соответствии с некоторыми правилами, конструируются в процессе человеческой деятельности.

При этом обнаруживается не только новизна соответствующего подхода, но и его связь с известной из истории борьбой против определенной формы отношения к визуальным образам, что традиционно обозначается терминами «идолопоклонство» и «иконоборчество». В современных условиях эти термины далеко не случайно получают расширительное толкование за пределами теологической проблематики [1; 7; 14]. По аналогии с теологическими коннотациями они сближают с понятием «идол» любые знаки, утратившие связь со своими означаемыми. Продолжая аналогию, можно сказать, что знаки, чтобы считаться «идолами», должны восприниматься как некоторая первичная реальность, за которой ничего нет.

В связи с отходом от эссенциализма происходит переосмысление понятий тождества и различия, что в современной

философии культуры обуславливает интерес к концепции культурной идентичности. Именно в контексте противостояния эссенциализма и антиэссенциализма и вводится концепция так называемого стратегического эссенциализма. Хотя её использование не ограничивается анализом только культурной идентичности, философские контексты именно её анализа являются наиболее репрезентативными [15].

Тождество, различие и культурная идентичность. Из тезиса об отсутствии неизменных устойчивых сущностей следует, что не может быть никаких точных и неизменных тождеств, точных и неизменных различий, которые характерны для метафизики и структурно подобны бинарным оппозициям. В то же время, неверно было бы считать главной причиной возникновения понятий тождества и различия метафизику, которая, несмотря на свою древность, всё же пришла на смену значительно более древнему мифу. В бинарной оппозиции два элемента тесно и неразрывно связаны друг с другом и, в то же время, являются взаимоисключающими (эксклюзивное отношение типа *или/или*). Такое взаимное исключение противоположностей характеризует также и структуру мышления, соответствующего принципам метафизики.

Это проявляется в том, что такое мышление структурно подчинено законам формальной логики, связь которой с метафизикой хорошо известна и выражается в законах тождества, (не)противоречия и исключенного третьего. Более того, ограниченность представлений о тождестве и различии, предшествовавших метафизике, становится видимой лишь с её позиции. В результате, отличительной чертой антиэссенциализма становится нечеткость представлений о тождестве и различии (инклюзивное отношение типа *и/и*). Такое «антиэссенциалистское» мышление по совокупности своих отличительных признаков традиционно характеризуется как «первобытный менталитет» [5] или «неприрученная мысль» [6].

Между тем, логика требует универсализации способа разрешения конфликта смыслов. Цель достигается подчинени-

ем мышления абстрактным формам, что предполагает всеобщий и нормативный способ понимания тождества и различия. В результате конфликт смыслов в формальной логике разрешается в соответствии с принципом бинаризма — принятия одних смыслов и отбрасывания других, тогда как возможность их примирения или хотя бы бесконфликтного сосуществования исключается. Определенное понимание тождества и различия важно и тогда, когда исследователь имеет дело с конфликтом смыслов в границах одной культуры, и если этот конфликт возникает при контакте различных культур.

В этой связи следует подчеркнуть, что культурная идентичность относится к числу важнейших характеристик культуры. Кроме того, понятие идентичности применительно к социальным явлениям и процессам и культуре в общем смысле характеризует не только индивида, но и различные социальные группы. Однако отношение одной культурной идентичности к любой другой не обязательно должно строиться исключительно на основе бинарных оппозиций.

Допустимыми и, как можно предположить с достаточной долей уверенности, исторически реализовавшимися являются и нечеткие, небинарные, инклюзивные различия внутри этой структуры. Иными словами, есть основания полагать, что тот тип идентичности, который основывается на бинарных оппозициях, и тем самым вписан в жесткую структуру включений и исключений, в исторической ретроспективе не универсален.

Поскольку проблема культурной идентичности в связи с принципами эссенциализма и антиэссенциализма приобретает особую остроту применительно к современным обществам, анализ должен исходить из определяющей роли новоевропейской концепции человека в трактовке этой проблемы. В этой концепции человек рассматривается как нечто целостное и неделимое, или, иначе, как индивид. Он, в свою очередь, выступает в качестве автономного субъекта и того основания, которое считается бесосновным, ни от чего не

зависящим, и именно его особенности определяют способ понимания культурной идентичности.

От неизменного субъекта к изменчивой субъективности. Новоевропейская концепция субъекта восходит к картезианскому принципу *cogito ergo sum* и, подчеркивая особое значение человеческого сознания, прозрачного для самого себя, является принципиально эссенциалистской. Это означает, что человек как субъект считается чётко отделенным от своего объекта и мира в целом, не зависит от него, и поэтому рассматривается в качестве самодостаточного, и, таким образом, в качестве некоторой сущности. Поэтому, в соответствии с убеждениями Просвещения, человек в качестве субъекта не может определяться никакими внешними для него факторами, включая влияния «космоса», «природы», «божьей воли» и, тем более, символики культуры и языка.

В последующем развитии идей с таким образом понимаемым субъектом начинает связываться также его способность определять и контролировать господствующие формы мышления и языка в качестве форм репрезентации. Поэтому эссенциалистское понимание субъекта предполагает, что он полностью контролирует репрезентации бытия, включая его языковые репрезентации.

Отказ от такой концепции субъекта связан с деятельностью К. Маркса и З. Фрейда, которые первыми отошли от постулата целостности и самодостаточности субъекта.

Маркс указал на влияние экономических процессов и их идеологических воплощений на субъект. Фрейд сосредоточил своё внимание на процессах в психике, не зависящих от сознания и не контролируемых им, — на бессознательном. Общее в позиции Маркса и Фрейда в понимании субъекта заключается именно во введении в теоретический анализ внешних для субъекта факторов, способных на него влиять. Более того, ответственность субъекта за свои мысли и действия перестает быть полной. Теперь, согласно логике Маркса и Фрейда, следует исходить из того, что он определяется чем-

то внешним, неким окружением или обобщенным контекстом, который им не контролируется.

У Маркса это выражается в известной формуле, согласно которой бытие определяет сознание, тогда как у Фрейда таким контекстом, влияющим на сознание, является «Оно» (*Id*). Отсюда следует, что изменение субъекта возможно, но для этого нужно воздействовать не на само сознание, а на то, от чего оно зависит. Это не позволяло считать субъекта в качестве носителя сознания нераздельным («индивидуальным») и автономным и, тем самым, по-прежнему опираться на принципы эссенциализма. В результате на смену концепции субъекта приходит концепция субъективности. Субъективность, в отличие от субъекта, не дана как нечто готовое, неизменное и устойчивое, а производится идеологией, языком и дискурсом, а в более широком смысле — совокупностью различных внешних сил.

Эти же силы являются определяющими в создании индивидуальной идентичности, которая теперь становится следствием их воздействия и, таким образом, не может рассматриваться, как прежде, в качестве их источника. Скорее, речь должна идти о силах, ограничивающих свободу субъекта и, тем самым, подчиняющих его себе. Таким образом, субъект больше не может рассматриваться в теории как неизменная, устойчивая сущность и становится продуктом бесконечной игры различных внешних для него факторов, понимание сути которых зависит от ряда дополнительных гипотез.

Чтобы проиллюстрировать произошедший сдвиг парадигмы, следует указать на то, что теория идеологии Маркса была развита именно в этом направлении Л. Альтюссером. В его концепции «интерпелляции» («окликание», «вызов», «запрос»), считается, что это исходит именно из идеологии и, подчиняя себе индивида, одновременно творит человеческую субъективность, которая, будучи адресатом властного «окликания», обнаруживает свою пластичность [10, 190].

Интерпретация и развитие психоанализа Фрейда в трудах Ж. Лакана приводят к выводу, что субъективность способна

к развитию, и, проходя стадию «воображаемого» [18], является продуктом языка. В этом качестве она подчиняется законам так называемого «символического», независящего и предшествующего ей [4]. У М. Фуко субъективность творится в соответствии с законами систем знания, выраженными в соответствующих дискурсах, вследствие чего различные дискурсы обуславливают конструирование разных видов субъективности [8].

Нельзя, однако, не заметить, что в указанных теоретических моделях обнаруживается внутренняя противоречивость понятия субъективности в качестве противоположности прежнего понятия неизменного и устойчивого субъекта. В этих моделях, с одной стороны, человеческая субъективность творит культуру, а с другой, рассматривается как пассивный объект воздействия внешних и независимых сил, которые постоянно конструируют и реконструируют эту субъективность. В результате ни в один момент конструирования субъективности создаваемый таким образом смысл никогда не присутствует полностью.

Смысл, как считается, не завершен, и момент завершения процесса его создания все время откладывается, что и нашло свое выражение в концепции «различания-откладывания» (фр. *differance*) Ж. Деррида. Это ставит под вопрос бинаризм как характерную особенность эссенциализма. При этом важно, что бинаризм не допускает никаких дополнительных областей и структур опосредования между взаимоисключающими сторонами противоположности (например, в рамках бинаризма может быть только два пола, и никакие «промежуточные» гендерные характеристики не допускаются).

Напротив, в антиэссенциализме предполагается, что смыслы, не требуя наличия означаемого в качестве сущности, допускают лишь такую репрезентацию, которая замыкается на саму себя и становится самореференциальной (в этой связи Ж. Бодрийяр указывает на реальность и устойчивость «симулякров» [2]). Соответственно, поскольку бинарная оппозиция рассматривается как элементарная иерархия (хотя бы уже пото-

му, что один её элемент является первым, а другой – вторым), автономные репрезентации существуют на фоне того, что Ж. Деррида называет «переворачиванием» иерархий» [3, 50].

Стратегический эссенциализм против перформативности означающего. Принятие позиции антиэссенциализма по отношению к субъективности означает, что субъективность одновременно тождественна и не тождественна самой себе, и, следовательно, не может быть понята как сущность. Вытеснение эссенциалистской концепции тождества и различия, неразрывно связанной с бинаризмом, позволяет иначе осмыслить отношение к тому, что отлично от культурной идентичности, которая считается нормативной как в границах некоторой культуры, так и при её контакте с другими культурами. Однако антиэссенциализм не может стать доминирующей парадигмой, если все еще имеется привязка репрезентации к тому, что она репрезентирует, или, иначе, если у репрезентации имеются неизменный, устойчивый референт.

Лишь став самореференциальной, репрезентация приобретает новое качество и становится перформативной. Здесь следует обратить внимание, что сам термин «перформативность», получивший широкое распространение, означает способность знаков оказывать реальные воздействия. Если речь идет о языке, то здесь используется известная формулировка «создавать вещи с помощью слов» [11]. Это следует понимать в том смысле, что в условиях автономии репрезентации знаки, в отличие от предшествующих периодов развития культуры, не *описывают* мир, который, как считается, предшествует всякой репрезентации, а *предписывают* миру какие-то качества. В этом смысле автономия репрезентации соответствует появлению «идолопоклонства» в широком смысле.

Знаки, разорвавшие связь с тем, что они обозначают, конструируют или даже производят этот мир точно так же, как некую воображаемую реальность создает актерская игра (лат. *performo* и означает первоначально «создаю», «произвожу»). В итоге стирается фундаментальная для самого понятия культуры бинарная оппозиция, характерная для отноше-

ний между культурой (искусственным) и природой (естественным). Это создает видимость того, что исключительно искусственное управляет человеческой жизнью, как это происходит, например, с «самовозрастающей стоимостью» в денежном обращении. Такая видимость становится возможной лишь тогда, когда деньги приобретают вид самостоятельно действующих вещей, и, будучи структурой опосредования, воспринимаются как нечто непосредственное.

Стратегический эссенциализм представляет собой императив, согласно которому в условиях автономии репрезентации следует предполагать, что в некоторые моменты идентичность является четкой, устойчивой, и следует образцу бинарных оппозиций. При этом сам термин «стратегический эссенциализм» был создан и введен в научный оборот Г.Ч. Спивак и первоначально использовался в контексте постколониальных исследований [20, 205; 19, 107-114]. Однако со временем он стал использоваться и в философии культуры.

Этот термин обнаружил свой эвристический потенциал, прежде всего, при анализе процессов, связанных с культурной идентичностью как отдельной культуры, так при исследовании различных аспектов взаимодействия культур. В соответствии с этой теоретической позицией, культурная идентичность, независимо от того, какова она на самом деле, ради достижения определенных практических целей в течение некоторого ограниченного времени может считаться однозначной и неизменной [12, 243-245]. Иначе говоря, несмотря на то, что любая устойчивая культурная идентичность может быть подвергнута деконструкции, зависящее от неё действие должно строиться особым образом.

В процессе совершения действия результаты деконструкции, сохраняясь в сознании, не должны препятствовать следованию принципам отвергнутого эссенциализма. Очевидно, что стратегический эссенциализм исходит из состояния «перевернутой иерархии». В качестве исходного и мысленно преодолеваемого состояния выступает именно размытая и изменчивая культурная идентичность типа *и/и*, которая лишь в

течение некоторого ограниченного времени считается одно-значной, неизменной и построенной как отношение *или/или*.

Поскольку по отношению к следствиям антиэссенциализма эффект «стратегического эссенциализма» может быть только паллиативным, полумерой, ограниченной во времени, возникает вопрос о границах соответствия действительности того понимания культурной идентичности, которое присуще антиэссенциализму. Иначе говоря, вопрос заключается в выяснении того, есть ли основания считать эту модель культурной идентичности, которая в свете самого антиэссенциализма рассматривается как единственно возможная, универсальной, или она локальна.

В связи с этим следует обратить внимание на то, что отказ антиэссенциализма от концепции репрезентации отнюдь не означает полного исчезновения её элементов. Антиэссенциализм исходит всего лишь из констатации парадоксального отсутствия связи репрезентации с репрезентируемым вследствие невозможности его существования в качестве устойчивой сущности. Это делает полноценный процесс репрезентации невозможным, однако вовсе не предполагает исчезновения тех конструкций, которые прежде считались репрезентациями, но стали автономными и перформативными.

Заключение. Правдоподобие антиэссенциализма обуславливается особым порядком знаков, при котором репрезентация, утратившая связь с репрезентируемым в качестве источника смысла, продолжает, тем не менее, существовать, но уже автономно. Она даже сохраняется в качестве репрезентации, продолжая делать отсылки, но уже не к присутствию репрезентируемого, а к его отсутствию, и поэтому, к самой себе. (М. Хайдеггер выразительно характеризует это состояние, говоря, что сверхчувственное «разнудывается» [9, 181].)

В то же время, во-первых, утверждение о наступлении времени антиэссенциализма указывает на то, что существует лишь в теории, в которой, независимо от реального положения дел, референт репрезентации произвольно отрицается, независимо от реального положения дел. Во-вторых, такое

утверждение может основываться на обнаружении реально произошедших и закономерных изменений, либо их не менее закономерных видимых следствий, предстающих в качестве «гиперреальности» Ж. Бодрийера.

Рассмотрение развития структур репрезентации указывает на то, что её автономия является поздним этапом истории порядка знаков [13; 16], и в этом смысле совершенно объективна как этап развития символического обмена в обществе [17]. Поэтому антиэссенциализм не может быть теоретическим выражением универсальной практики означивания, точно так же, как им не могут быть предшествующие этапы этой истории. В то же время, потребность в стратегическом эссенциализме свидетельствует, что соответствующие эссенциализму практики означивания не могут быть отвергнуты полностью.

Нельзя отрицать, что в практических вопросах, касающихся, прежде всего, культурной идентичности, антиэссенциализм, в сравнении с эссенциализмом, оказывается намного менее эффективным. Однако то, что стратегический эссенциализм выступает как паллиатив, указывает на отсутствие необходимых для его доминирования порядка знаков и культуры в целом, тогда как тенденция, которая может быть обобщенно обозначена как «ослабление власти метафизики» или даже как «ослабление мышления» [21], сохраняет свое влияние.

Таким образом, образ действий, основанный на концепции стратегического эссенциализма, представляет собой паллиативное восстановление эссенциализма. Не отменяя антиэссенциалистский запрет на овеществление размытых и изменчивых тождеств, оно, тем не менее, становится предпосылкой кратковременной стабилизации смысла. Однако в результате равновесие неизменных и изменчивых репрезентаций остается неустойчивым, в то время как неустранимая зависимость антиэссенциализма от эссенциализма становится явной. Это снова в особом контексте ставит вопрос о перспективах, следствиях и, в конечном итоге, самой возможности преодоления метафизики, которую начали активно обсуждать в прошедшем столетии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Безансон А.* Запретный образ: Интеллектуальная история иконоборчества. Пер. с фр. М. Розанова. – М.: Издательство «МИК» 1999. – 424 с.
2. *Бодрийяр Ж.* Прецессия симулякров // Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Пер. с фр. А. Качалова. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – С. 5-61.
3. *Деррида Ж.* Позиции / Пер. с фр. В.В. Библихина. – М.: Академический Проект, 2007. – 160 с.
4. *Лакан Ж.* Функция и поле речи и языка в психоанализе / Пер. с фр. А.К. Черноглазова. – М.: Гнозис, 1995. – 192 с.
5. *Леви-Брюль Л.* Первобытный менталитет. Пер. с фр. Е. Кальщикова. – СПб.: Европейский Дом, 2002. – 400 с.
6. *Леви-Строс К.* Неприрученная мысль // *Леви-Строс К.* Первобытная мысль. Пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. – М., 1994. – С. 111-336.
7. *Митчелл У.Дж.Т.* Риторика иконоборчества. Марксизм, идеология и фетишизм // *Митчелл У.Дж.Т.* Иконология. Образ. Текст. Идеология / Пер. с англ. В. Дрозда. – Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. – С. 185-237.
8. *Фуко М.* Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. – М: Прогресс, 1977. – 488 с.
9. *Хайдеггер М.* Преодоление метафизики // *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. В.В. Библихина. – М.: Республика, 1993. – С. 177-192.
10. *Althusser L.* On Ideology // Althusser L. On the Reproduction of Capitalism: Ideology and Ideological State Apparatuses. Trans. by G.M. Goshgarian. – London: Verso, 2014. – P. 171-207.
11. *Austin J.L.* How to Do Things with Words: The William James Lectures Delivered at Harvard University in 1955. – Oxford, UK: Oxford University Press, 1962. X. – 167 p.
12. *Barker C.* Cultural Studies: Theory and Practice. London; Thousand Oaks, CA; – New Delhi: SAGE Publications, 2003. XXIV. – 484 p.
13. *Goux J.-J.* Numismatics: An Essay in Theoretical Numismatics // Goux J.-J. Symbolic Economies: After Marx and Freud / Trans. by J. C. Gage. Ithaca. – NY: Cornell University Press, 1990. – Pp. 9-63.
14. *Halbertyl M., Margalit A.* Idolatry / Trans. by N. Goldblum. – Cambridge, MA; – London: Harvard University Press, 1992. – 299 p.
15. *Hall S.* The Question of Cultural Identity // Modernity and Its Futures / Ed. by S. Hall, D. Held, T. McGrew. – Cambridge, UK: Polity Press, 1992. – Pp. 273-325.
16. *Hawkes D.* The Faust Myth: Religion and the Rise of Representation. – New York: Palgrave Macmillan, 2007. IX. – 247 p.
17. *Hawkes D.* The Reign of Anti-Logos: Performance in Postmodernity. – New York: Palgrave Macmillan, 2020. X. – 275 p.
18. *Lacan J.* Le stade du miroir comme formateur de la fonction du Je telle qu'elle nous est réveillée dans l'expérience psychanalytique // Lacan J. Écrits. – Paris: Éditions du Seuil, 1966. – Pp. 93-100.
19. *Ray S.* Gayatri Chakravorty Spivak: In Other Words. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2009. VIII. – 150 p.
20. *Spivak G.C.* Subaltern Studies: Deconstructing Historiography // Spivak G. C. In Other Worlds: Essays in Cultural Politics. – New York; London: Methuen, 1991. – Pp. 195-221.
21. Weakening Philosophy: Essays in Honour of Gianni Vattimo / Ed. by S. Zabala. – Montreal [et al.]: McGill-Queen's University Press, 2007. X. – 453 p.

A.I. Pigalev

CULTURAL IDENTITY AND STRATEGIC ESSENTIALISM

Department of Philosophy and Theory of Law of the Institute of Law, VSU (Volgograd), 400062, Volgograd region, Volgograd, Prospekt Universitetskiy, 100.

Abstract: *The paper deals with the philosophical aspects of the concept of cultural identity. It proceeds from the statement that the construal of the concepts of identity and difference is specified by the stance on essentialism and anti-essentialism. The essentialism patterns after the binary opposition between essence and representation and assumes that sign has a fixed meaning derived from a real referent as an essence. The anti-essentialism assumes that the sign has no referent as a stable object and the representations are self-referential, autonomous, and performative owing to the indistinguishability of sign and thing as a referent. The concept of strategic essentialism, being a weapon against the problem consequences of anti-essentialisms, admits that under the autonomy of representations one should act as if in a few isolated instances the identities were distinct and stable entities which pattern after binary oppositions. This policy is interpreted in the paper as a palliative restoration of essentialism that, albeit it does not rescind the anti-essentialist ban on the reification of blurred and changeable identities, becomes a prerequisite for the short-term stabilization of meaning. In the issue, the equilibrium between fixed and changeable representations remains unstable, whereas the unavoidable dependence of anti-essentialism on essentialism becomes apparent.*

Keywords: *essentialism, anti-essentialism, strategic essentialism, representation, cultural identity, binarism, self-referentiality, performativity.*

REFERENCES

1. *Bezanson A. Zapretnyi obraz: Intellektual'naya istoriya ikonoborchestva. Per. s fr. M. Rozanova. — M.: Izdatel'stvo «MIK» 1999. — 424 s.*
2. *Bodriiyyar Zh. Pretsessiya simulyakrov // Bodriiyyar Zh. Simulyakry i simulyatsii / Per. s fr. A. Kachalova. — M.: Izdatel'skii dom «POSTUM», 2015. — S. 5-61.*

3. *Derrida Zh.* Pozitsii / Per. s fr. V.V. Bibikhina. – M.: Akademicheskii Proekt, 2007. – 160 s.
4. *Lacan Zh.* Funktsiya i pole rechi i yazyka v psikhooanalize / Per. s fr. A.K. Chernoglazova. – M.: Gnozis, 1995. – 192 s.
5. *Levi-Bryul' L.* Pervobytnyi mentalitet. Per. s fr. E. Kal'shchikova. – SPb.: Evropeiskii Dom, 2002. – 400 s.
6. *Levi-Stros K.* Nepriuruchennaya mysl' // Levi-Stros K. Pervobytnaya mysl'. Per., vstup. st. i prim. A.B. Ostrovskogo. – M., 1994. – S. 111-336.
7. *Mitchell U.Dzh.T.* Ritorika ikonoborchestva. Marksizm, ideologiya i fetishizm // Mitchell U.Dzh.T. Ikonologiya. Obraz. Tekst. Ideologiya / Per. s angl. V. Drozda. – Moskva; Ekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi, 2017. – S. 185-237.
8. *Fuko M.* Slova i veshchi: Arkheologiya gumanitarnykh nauk / Per. s fr. V.P. Vizgina, N.S. Avtonomovoi. – M: Progress, 1977. – 488 s.
9. *Khaidegger M.* Preodolenie metafiziki // Khaidegger M. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya / Per. s nem. V.V. Bibikhina. – M.: Respublika, 1993. – S. 177-192.
10. *Althusser L.* On Ideology // Althusser L. On the Reproduction of Capitalism: Ideology and Ideological State Apparatuses. Trans. by G.M. Goshgarian. – London: Verso, 2014. – P. 171-207.
11. *Austin J.L.* How to Do Things with Words: The William James Lectures Delivered at Harvard University in 1955. – Oxford, UK: Oxford University Press, 1962. X. – 167 p.
12. *Barker C.* Cultural Studies: Theory and Practice. London; Thousand Oaks, CA; – New Delhi: SAGE Publications, 2003. XXIV. – 484 p.
13. *Goux J.-J.* Numismatics: An Essay in Theoretical Numismatics // Goux J.-J. Symbolic Economies: After Marx and Freud / Trans. by J. C. Gage. Ithaca. – NY: Cornell University Press, 1990. – Pp. 9-63.
14. *Halbertyl M., Margalit A.* Idolatry / Trans. by N. Goldblum. – Cambridge, MA; – London: Harvard University Press, 1992. – 299 p.
15. *Hall S.* The Question of Cultural Identity // Modernity and Its Futures / Ed. by S. Hall, D. Held, T. McGrew. – Cambridge, UK: Polity Press, 1992. – Pp. 273-325.
16. *Hawkes D.* The Faust Myth: Religion and the Rise of Representation. – New York: Palgrave Macmillan, 2007. IX. – 247 p.
17. *Hawkes D.* The Reign of Anti-Logos: Performance in Postmodernity. – New York: Palgrave Macmillan, 2020. X. – 275 p.
18. *Lacan J.* Le stade du miroir comme formateur de la fonction du Je telle qu'elle nous est réveillée dans l'expérience psychanalytique // Lacan J. Écrits. – Paris: Éditions du Seuil, 1966. – Pp. 93-100.
19. *Ray S.* Gayatri Chakravorty Spivak: In Other Words. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2009. VIII. – 150 p.
20. *Spivak G.C.* Subaltern Studies: Deconstructing Historiography // Spivak G. C. In Other Worlds: Essays in Cultural Politics. – New York; London: Methuen, 1991. – Pp. 195-221.
21. *Weakening Philosophy: Essays in Honour of Gianni Vattimo* / Ed. by S. Zabala. – Montreal [et al.]: McGill-Queen's University Press, 2007. X. – 453 p.

Статья поступила в редакцию 14.07.2022

1.6. Эссе

А.А. Горелов

СЛОВО О А.А. ЗИНОВЬЕВЕ. ЗАМЕТКИ К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

В этом году отмечается столетие со дня рождения выдающегося советского и русского философа, замечательного писателя, настоящего патриота своей родины, мужественного человека Александра Александровича Зиновьева. К небольшой подборке его стихотворений хотелось бы сделать краткое предисловие. Когда я пришел более полувека тому назад в Институт философии АН СССР, я узнал об издававшейся в нём стенгазете, деятельным сотрудником которой был Зиновьев, помещавший в ней свои злободневные замечания. Прочитать их приезжали люди со всей Москвы. Вспоминали и его устные высказывания, которые порой были очень критичными по отношению к советской философии. Например, такое: «Если я беру статью и вижу, что она начинается цитатой из классиков марксизма или современных партийных деятелей, то я её не читаю». Так Зиновьев клеймил господствовавший в советской философии догматизм и начетничество. Эти и подобные им замечания, которым не откажешь в смелости, передавались из уст в уста.

Лично я познакомился с их автором немного позже. Выполняя некоторое время обязанности заместителя ученого секретаря ИФ АН СССР, я позвонил ему с предложением

выступить на методологическом семинаре института. Не спрашивая о теме выступления, Александр Александрович сразу же согласился и попросил только перезвонить ему за 2 недели до намечавшегося срока выступления. Прошло некоторое количество лет, и положение Зиновьева круто изменилось. На Западе был опубликован его философско-сатирический роман «Зияющие высоты». Последовали жёсткие санкции. По звонку свыше было организовано партийное собрание, на котором его обвиняли в измене, лишили всех званий, а через некоторое время уволили с работы. Я случайно оказался в коридоре института, когда партийное собрание подходило к концу. Помню, как он вышел быстрым шагом из зала на Волхонке после того, как его публично лишили всех званий и наград. К нему подскочил тогдашний замдиректора и секретарь партбюро и стал лепетать про то, что он был вынужден устроить все это. Зиновьев на ходу похлопал его по плечу, сказал: «Ничего, ничего» и, не останавливаясь, пошёл дальше. С него только что сняли то, чем награждали в течение жизни, т.е. социально раздели, а он хлопает по плечу все сильного секретаря партбюро. Какой вариант поведения мужественнее и гуманнее этого?

Не забыть его беседу на французском телевидении в конце 1980-х годов с рвущимся к власти Ельциным, где он разделал его так, что Борис Николаевич потом никогда больше не соглашался на подобную полемику. Это была победа философии над политикой. Философам, как и всем людям, тоже надо «по капле выдавливать из себя раба». Это нужно и философии, и самим людям. Многие даже не представляют себе, что это такое, но иначе не будет прогресса ни в философии, ни в политике, ни в развитии человеческой личности.

Его сначала лишили работы, затем выдавили из СССР. На первой пресс-конференции после того, как он оказался на Западе, журналист предварил свой вопрос словами: «Вы пострадали от советской власти», на что Зиновьев тут же, удивив присутствующих, возразил: «Это не я пострадал от

советской власти, а она пострадала от меня». Вернулся Александр Александрович уже в новую страну сразу после начала бомбардировок Югославии силами НАТО в 1999 г. Будучи всемирно признанным ученым, он не был восстановлен на работу в ИФ РАН. Автор замечательных произведений не стал ни членом-корреспондентом, ни академиком РАН. Что ж, и создатель Периодической системы химических элементов Д.И. Менделеев не был академиком Российской Академии наук. Только после смерти Зиновьева был организован Зиновьевский клуб, который существует и поныне.

На праздновании очередной годовщины Института философии Александр Александрович подошел к микрофону последним после множества ораторов и бросил в уставшую аудиторию лишь одну фразу: «Вы пережили советское время. Я вам желаю пережить и постсоветское». Границы советского времени очерчиваются четко: от революции 1917 г. до разрушения СССР в 1991 г. С границами постсоветского времени такой ясности нет, поскольку оно ещё продолжается, и когда закончится и перейдет в нечто другое, никто не знает. Слово «перестройка» не вскрывает глубинной сути этого периода, но Зиновьев нашел более точное его определение — «катастрофка». Все поклонники данного этапа даже после его смерти ненавидят человека, который одним словом припечатал это темное время российской истории. Мы не всегда знаем авторов точных определений и говорим в этом случае: народ придумал («прихватизация», «дикий капитализм», и т.п.). Здесь же автор известен.

Будучи выдающимся философом и логиком, создателем новой формы — социального романа, Александр Александрович писал стихи, хорошие стихи — искренние и сильные. Очень жаль, что не издан сборник его стихов. Здесь приведу фрагменты из его стихотворений. Для Зиновьева как для логика была важна проблематика понимания. Последняя его книга называется «Фактор понимания». На эту же тему им написано пронзительное стихотворение, обращенное к Богу с просьбой, объяснить, что происходит [1, 90-91]:

*«Установлено циклотронами
В лабораториях и в кабинетах:
Хромосомами и электронами
Мир заполнен. Тебя в нём нету.
Коли нет, так нет. Ну и что же?
Пережиток. Поповская муть.
Только я умоляю: Боже!
Для меня ты немножечко будь!
Будь пусть немощным, не всесильным,
Не всеведущим, не всеблагим,
Не провидцем, в любви не обильным,
Толстокожим, на ухо тугим.
Мне-то, Господи, надо немного.
В пустяке таком не обидь.
Будь всевидящим, ради бога!
Умоляю, пожалуйста, видь!
Просто видь. Видь, и только.
Видь всегда. Видь во все глаза.
Видь, каких на свете и сколько
Дел свершается против и за.
Пусть будет дел у тебя всего-то:
Видь текущее, больше — ни-ни.
Одна пусть будет твоя забота:
Видь, что делаю я, что — Они.
Я готов пойти на уступку:
Трудно все видеть, видь что-нибудь.
Хотя бы сотую долю поступков.
Хотя бы для этого, Господи, будь!
Жить без видящих нету мочи.
Потому, надрывая грудь,
Я кричу, я воплю:
Отче!!
Не молю, а требую:
Будь!
Я шепчу,
Я хриплю:*

*Будь же,
Отче!
Умоляю,
Не требую:
Будь!!!» («Молитва верующего безбожника»).*

В другом стихотворении Зиновьев призывает помнить уходящих из жизни и надеяться на то, что будут помнить и нас, когда мы уйдем. Живущие сейчас — только отдельные звенья в бесконечном ряду поколений, сменяющих друг друга [1, 120-121]:

*«Головы ниже
Склоните,
Склоните,
Склоните!
Сердца погрузите
В тревогу,
В тоску
И печаль!
Глядите! Вот жизни
Сейчас
Обрываются
Нити.
Мы тут остаемся,
В извечную
Он удаляется
Даль.
Слезы
Утрите,
Утрите,
Утрите!
В душе заглушите
Тревогу,
Тоску
И печаль!
Ведь жизнь продолжается,
Други,*

*Смотрите,
Смотрите!
Другие нас тоже
Проводят
В извечную
Даль» («Реквием уходящему»).*

Еще одно стихотворение показывает Александра Александровича как страстного патриота, беззаветно преданного Родине [1, 126]:

*«Бесконечная череда, —
Поезда, самолеты, отели.
Промелькнули, прошли, пролетели
Города, города, города.
Убеждаемся скоро мы,
Что тоскливо в них так, хоть вой,
Что хватило бы нам с лихвой
Костромы, Костромы, Костромы»
(Эпилог, Мюнхен, 1982).*

Как-то один интервьюер спросил его: «Вы философ или писатель?», и тот ответил: «Я проповедник!». Каждый великий творец немного проповедник. Я считаю, что А.А. Зиновьев прославил Институт философии, а те мероприятия, которые приурочены к столетию со дня его рождения, включая посвященный ему нынешний философский Конгресс, вполне уместны. Они важны не только для памяти Зиновьева, но и для рейтинга Института философии и отечественной философии в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиновьев А. Евангелие для Ивана. — Lusanne: L'Age d'Homme, 1984. — 129 с.

REFERENCES

1. Zinoviev A. Yevangeliye dlya Ivana. — Lusanne: L'Age d'Homme, 1984. — 129 s.

Заметка поступила в редакцию 22.08.2022 г.

А.В. Кулев

О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ НАУКОЙ И ИСКУССТВОМ

В одном из недавних диалогов с уважаемой мною коллегой я услышал, что граница между наукой и искусством нечёткая, и что наука по своему существу является одним из жанров искусства. В качестве аргумента было приведено то, что, например, работы бельгийского писателя, драматурга и философа Мориса Метерлинка «Разум цветов» и «Жизнь пчёл» — одновременно художественные произведения и самые настоящие научные трактаты, написанные в художественной форме, и что, в связи с этим, труды некоторых докторов биологических наук, по сравнению с Метерлинком, мягко говоря, выглядят бледно... Как представитель и науки, и искусства, постараюсь кратко, но по возможности содержательно ответить на эти имеющие определённую логику и свою обоснованность изречения.

И наука, и искусство познают мир, совершенствуют его и себя. Это бесспорно. Но прежде всего следует понимать, что наука «жанром искусства» не является. Это самостоятельный, а не подчинённый искусству способ познания мира. Общая картина мира делится, в частности, на естественно-научную, гуманитарно-художественную, религиозную. В рамках первой из них мир познаётся с помощью таких научных методов, как наблюдение, эксперимент, моделирования и т.д. В рамках второй — используются свои специфические методы, которые

Кулев Александр Вадимович — кандидат педагогических наук, доцент, преподаватель Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения Гимназия № 205 (Санкт-Петербург). E-mail: kulyov.al@yandex.ru

---

часто неприменимы для первого случая, как и наоборот. Есть язык поэзии, язык естествознания, язык филологического исследования, язык живописи, и все они различны. Как и методы познания, характерные для этих видов деятельности. То же самое касается и знаний как результата познавательного процесса. Знания имеют свою специфику. Одни из них относятся, например, к сфере естественных наук, другие — к сфере гуманитарных наук, третьи — к сфере искусства, но не науки.

Произведения о природе, созданные в области художественной литературы, не нужно смешивать с монографией, научной или даже научно-популярной статьёй. Написанный прозаиком роман — это не диссертация по одной из научных проблем в области литературы. Литературное описание природы — это совсем не то, чем можно позволить себе опровергать серьёзные научные данные, и совсем не то, за что можно получить учёные степени доктора биологических или доктора филологических наук. И совершенно справедливо то, что звания «профессор» и «академик» даются не за сборники повестей и рассказов или красивое профессиональное пение, а за научные труды в области естествознания, литературоведения или музыкальной культуры. Человек, пишущий повести и рассказы о природе — это ещё не учёный-биолог и не учёный-филолог. Он — писатель, прозаик, но не исследователь в научном понимании этого термина.

Наука говорит на другом языке, не прощает необоснованных допущений или вольных трактовок, не принимает ничего на веру, требует объективных доказательств, нередко выраженных математическим языком, и в рамках её системы координат она поступает абсолютно правильно. Хотите создать красивые литературный образы животного или другого объекта природы — имеете право включить фантазию. Хотите знать объективную реальность — прислушайтесь к научным данным и позиции учёных и не пытайтесь их опровергать красивыми романтизированными идеями и образами, «живущими» в художественной литературе.

А редким примером работ, в которых, с одной стороны, созданы замечательные литературные образы животных, а с другой – соблюдена научная корректность и биологическая достоверность, являются «Рассказы о животных» Эрнеста Сетон-Томпсона – великолепного биолога и литератора. Однако и в данном случае перед нами всё-таки художественные произведения, а не научные работы, написанные с учётом соответствующих требований и достойные учёных степеней. Безусловно, научные знания и идеи вдохновляли прозаиков, поэтов, художников, скульпторов и были неоднократно отражены в созданных этими творцами произведениях искусства. Многие писатели-фантасты, опережая своё время, предвидели и предсказывали новые научные достижения и изобретения. Но ведь это не предполагает подмены науки искусством или, наоборот, замещения искусства наукой.

Подведём итоги. Нужно понимать, что методы изучения мира природы, которые используются представителями искусства, в современном естественно-научном познании не применяются. Иначе естествознание перестало бы существовать как наука. И это я должен отметить при всём моём уважении к искусству, которым сам с интересом занимаюсь.

Заметка поступила в редакцию 22.07.2022 г.

1.7. Научная жизнь

UDC 101.1

DOI: 10.21146/1606_6251_2022_3/4_226_234

С.Н. Семёнов

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ТВОРЧЕСТВА НА VIII РОССИЙСКОМ ФИЛОСОФСКОМ КОНГРЕССЕ*

***Аннотация:** Секция по проблемам философии творчества была впервые организована на VIII Российском Философском Конгрессе. Были рассмотрены вопросы общего понимания творчества как создания смыслов, его отдельных видов и конкретных проявлений. Рассматривалось общее понимание творчества как преобразования недуральных идей, семиотической трансформации, диалектического синтеза, смыслопорождающей деятельности, расширения возможностей на базе технологий.*

При анализе творчества в различных сферах обсуждались история как процесс творческих изменений; поэзия как метафорический «сдвиг» смыслов; инварианты искусства в художественном творчестве; самосознание как предпосылка и результат творчества. Обсуждались также отдельные проявления творчества: сотворение алфавита и грамматики, «правополушарное» рисование, модель генератора неологизмов.

Семёнов Сергей Николаевич — кандидат философских наук, ведущий специалист Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева — обособленного структурного подразделения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Уфа). E-mail: semenov777@mail.ru

---

* Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР УФИЦ РАН по государственному заданию АААА-А21-121012290085-3 от 22.01.2021г.

Рассматривались и концепции творчества известных исследователей: взгляды на интуицию Я.А. Пономарёва, культурологические образы Философа, Поэта и Историка у В.С. Библера; идеи творческого синтеза Т. де Визева; деятельностный подход М.С. Кагана. Отмечалось, что 43 доклада из 12 городов, представленные на секцию, показывают возможности формирования научного сообщества исследователей творчества в России. Даны рекомендации по дальнейшей институционализации исследований творчества.

Ключевые слова: *творчество, изменение смысла, методологические подходы, когнитивные науки, институционализация исследований.*

Введение. Философия творчества постепенно входит в число ведущих направлений работы российских философов. На VII Российском философском конгрессе в Уфе (2015 г.) был впервые организован круглый стол по данной проблематике (привлекший 53 участника из 15 городов и 3 государств), который подготовили представители секции по теории и методологии творчества Башкирского отделения РФО (ФО СССР), отметившей на этом заседании своё 35-летие. Участники круглого стола рекомендовали организацию на следующем Конгрессе секции «Философия творчества» [5, 47], что и было реализовано на VIII Конгрессе, прежде всего, благодаря работе сектора философских проблем творчества ИФ РАН.

Секция работала 27 мая 2022 года в онлайн формате под председательством Н.М. Смирновой (ИФ РАН, Москва) и С.Н. Семенова (ИЭИ УФИЦ РАН, Уфа); ученым секретарем была Ю.С. Моркина (ИФ РАН, Москва).

Общие проблемы творчества. Доклады на секции можно сгруппировать по нескольким темам. Прежде всего, поднимались вопросы общего понимания творчества.

И.А. Бескова (ИФ РАН, Москва) основным духовным материалом преобразования, содержанием творчества считает «идею» целостного, недואльного выражения всей человеческой экзистенции, причём подобное отношение к миру фор-

мируется ещё до рождения человека, в единстве с организмом матери. Также было рассмотрено влияние на творчество восточных духовных практик.

А.И. Демина (СНИУ им. С.П. Королева, Самара) рассмотрела возникновение нового в творчестве через семиотическую трансформацию имеющегося материала, через сдвиг, проходящий от «вымысла», т.е. неполноты, до «изобретения», т.е. воплощения и полноты.

С.Н. Семенов (ИЭИ УФИЦ РАН, Уфа) определил творческий акт как диалектический синтез ранее несовместимого, причём мгновенный во времени; он логически состоит из ряда последовательных этапов и осуществляется целостным мышлением, соединяющим понятийно-знаковое, эстетически-образные и эмоционально-ценностные аспекты, воплощаясь в идею решения проблемной ситуации в образно-символической форме.

Н.М. Смирнова (ИФ РАН, Москва) отметила наличие творческого начала во всей человеческой деятельности и необходимости усиления взаимодействия философии и когнитивных наук в его изучении. Философия исследует творчество как когнитивные характеристики смыслопорождающей деятельности человека в социокультурном контексте, т.е. создание новых культурных смыслов. Творчество нельзя сводить просто к новизне, требуется более глубокое и содержательное его понимание.

Е.И. Ярославцева (ИФ РАН, Москва) выделила в поведении человека алгоритм творчества, созидания будущего через своё функциональное расширение на технологической базе, причём алгоритмизированный опыт в «сшибке» с новыми ситуациями и дает творческое расширение человека, особенно в современном «цифровом мире».

Творчество в определенных сферах. Другая группа докладов была посвящена творчеству в определенных сферах. Г.И. Герасимов (Тульский гос. музей оружия, Тула) рассмотрел историю с позиций идеалистического подхода как процесс изменений в жизни общества, вносимых человеком на базе его

творческих идей и отметил значение создания эффективного и динамического социума, в котором творчество станет главной ценностью.

Ю.С. Моркина (ИФ РАН, Москва) охарактеризовала поэтическое творчество как особый вид познания субъективной реальности человека, отличающийся особой многозначностью, метафоричностью, «сдвигами» смыслов, и требующий междисциплинарного исследования.

К.В. Зенкин (МГК им. П.И. Чайковского, Москва) выделил инварианты искусства, наиболее явно проявляющиеся в музыке и являющиеся определенными пространственно-временными структурами, помогающими человеку по-своему организовать реальные пространственно-временные ситуации.

С.А. Филипенко (ИФ РАН, Москва) рассмотрела самосознание человека как предпосылку и результат творчества, с учётом сложной природы гештальта самосознания – от неявного телесного до развитого рефлексивного.

Отдельные проявления творчества. Ряд докладов был посвящен отдельным проявлениям творчества.

А.А. Гусева (ИФ РАН, Москва) обратилась к проблеме историко-культурной – сотворению грамматики, отметив, что выведение букв из небытия оказывается живым, личностным творческим актом, причём создаваемый алфавит отображает особенности породившей его национальной культуры.

О.А. Мурадян (ЮФУ, Ростов-на-Дону) рассмотрела методику обучения интуитивному, невербальному «правополушарному рисованию» (Б. Эдвардс), помогающую формированию универсализма как предпосылки творчества.

Ю.Л. Троицкий (РГГУ, Москва) описал разработанный его исследовательской группой компьютерный генератор неологизмов, соединяющий два слова по шести моделям словопорождения, что позволяет получать возможные имена вещей, которых ещё нет, моделируя определенные формы словотворчества.

Концепции творчества. Несколько докладчиков проанализировали концепции творчества известных исследователей прошлого.

Д.Б. Богоявленская (Психол. ин-т РАО, Москва) рассмотрела теорию творчества Я.А. Пономарёва, отметив преувеличение в ней роли интуиции, подчёркивавшей ключевую идею о связи творчества со стихийным развитием материи через активизацию бессознательного.

С.С. Неретина (ИФ РАН, Москва) обратилась к культурологическим образам Философа и Поэта у В.С. Библера, самого совмещавшего эти две роли и рассматривавшего их в контексте своей концепции «диалога культур», отметив, что они совмещаются через тип Историка, объединяющего логику Философа со стихийностью Поэта.

Е.В. Ровенко (МГУ им. П.И. Чайковского, Москва) проанализировала концепцию творческого синтеза искусств французского критика рубежа XIX – XX веков Теодора де Визева, основанную на идеях И. Канта и В. Кузена. Де Визен понимал реализацию творческого духа и смыслопорождения в искусстве как восхождение от «ощущения» (живопись) и «понятия» (литература) до высшего уровня утонченной «эмоции» (музыка).

А.Б. Ройфе (Н-ОКО, Москва) изложила взгляды М.С. Кагана, развивавшего деятельностный подход к феномену творчества и считавшего высшим его проявлением художественную деятельность.

Секция и проблемы исследования творчества. Можно отметить, что общими позициями для участников секции стали понимание творчества как прежде всего создания и изменения смыслов человеческой жизни и деятельности; признание включенности в творческий процесс всех основных духовных, а в определенной степени и телесно обусловленных качеств человека; утверждение взаимной необходимости широкого сотрудничества философов и представителей частных наук в исследовании творчества. Наиболее сложным пока является вопрос об основных философско-методологических подходах, перспективных в современном постижении творчества.

Более подробно с материалами докладов выступавших и не выступавших участников можно ознакомиться в сборни-

ках материалов Конгресса [1, 2517-2637; 2, 81-84, 699-702, 958-961].

Всего на секции было представлено 43 доклада из 12 городов. Можно отметить, что работа секции стала важным этапом в процессе институционализации философских исследований творчества и формирования сообщества специалистов в данной сфере в постсоветской России, предыдущие этапы которого отмечены представительными конференция по данной тематике в Москве и Уфе [3; 4, 87-90; 6; 7], а также ежегодниками «Философия творчества» сектора философских проблем творчества ИФ РАН. Заметим, что советские исследования философии творчества были достаточно высоко институционализированы через регулярные и весьма представительные научные форумы в Москве, Симферополе, Уфе и ряде других городов СССР [8, 7-10]. Однако в англоязычной научной сфере уже достаточно давно выделяются пять ведущих(!) специализированных научных журналов по проблемам креативности (есть и ряд других) [9, 427].

Заключение. Рекомендации. В заключении онлайн-заседания секции Н.М. Смирнова призвала участников её работы поддерживать творческие контакты, центром которых может стать сектор философских проблем творчества ИФ РАН. Также после обсуждения, на секции были приняты следующие рекомендации, направленные на дальнейшее развитие исследований творчества:

1. Расширять, на методологической базе философии творчества, исследования проблем развития творчества в современном обществе и возможных рисков в данной сфере, с учетом их большого теоретического и практического значения.

2. Не допускать сокращения объёма преподавания гуманитарных дисциплин в системе высшего образования, учитывая целостный характер творческого мышления, требующего развития всех основных духовных способностей человека.

3. Расширять практику проведения спецкурсов по основам профессионального творчества в вузах.

4. Организовывать в научных и образовательных учреждениях творческие коллективы по проблемам творчества в их профессиональной деятельности.

5. Собрать и издать материалы по опыту исследования творчества в СССР.

6. Изучить и издать материалы, обобщающие данные по зарубежным исследованиям творчества.

7. Провести в очно-дистанционном формате межотраслевую Всероссийскую конференцию по проблемам творчества.

8. Организовать междисциплинарную секцию исследований творчества, с регулярными очными и дистанционными тематическими семинарами.

9. Создать российский интернет-портал по проблемам исследования творчества.

10. Создать специализированный междисциплинарный научный журнал по вопросам творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Восьмой Российский Философский Конгресс «Философия в полицентричном мире». Сборник научных статей. Том II. Секции / РФО – ИФ РАН – МГУ. – М.: Издательство «Логос», ООО «Новые печатные технологии» (Москва), 2020. – 2762 с.

2. Восьмой Российский Философский Конгресс «Философия в полицентричном мире». Сборник научных статей. Том V. Дополнения и стендовые доклады / РФО; ИФ РАН; МГУ. – М.: Издательство «Логос», ООО «Новые печатные технологии» (Москва), 2021. – 1008 с.

3. Онтология творчества в развитии реальных, виртуальных и искусственных систем: Материалы Международных научно-практических конференций / Отв. ред. Кудряшев А.Ф., Кунафин М.С., Семенов С.Н. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – 184 с.

4. Семенов С.Н., Кудряшев А.Ф. Диалектика бытия и творчества // Вестник Российского философского общества. 2005. – № 2 (34). – С. 87-90.

5. Семенов С.Н. Философия, методология и теория творчества – впервые на российских философских конгрессах // Вестник Российского философского общества. 2016. – № 1 (77). – С. 45-48.

6. Теория и методология творчества: итоги и перспективы: материалы международной конференции / Отв. ред. А.Н. Лошилин. – М.: РФО, 2001. – 142 с.

7. Философия творчества: материалы Всероссийской научной конференции, 8-9 апреля 2015г., Институт философии РАН, г. Москва / Под ред. Н.М. Смирновой, А.Ю. Алексеева. – М.: Интелл, 2015. – 476 с.

8. Шумилин А.Т., Николко В.Н. К анализу центров разработки проблем творчества в СССР (1966 – 1985) // V Семинар по проблемам методологии и теории творчества (Творчество и проблема человека) / Гл. ред. В.Н. Сагатовский. – Симферополь: Таврида, 1986. – С. 7-12.

9. Long H. An Empirical Review of Research Methods in Creativity Studies (2003-2012). // Creativity Research Journal/ Vol.26/ 2014/ssue4. – P. 427-438.

Sergej. N. Semenov

PROBLEMS OF THE PHILOSOPHY OF CREATIVITY AT THE VIII RUSSIAN PHILOSOPHICAL CONGRESS

R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies - Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 450077, Russian Federation, Republic of Bashkortostan, Ufa, K. Marx St., 6. E-mail: semenov777@mail.ru.

Abstract: *The section on the problems of the philosophy of creativity was organized for the first time at the VIII RFC. The questions of a general understanding of creativity as the creation of meanings, its individual types and specific manifestations were considered. The reports of the participants were devoted the following topics. They considered the general understanding of creativity as the transformation of non-dual ideas; semiotic transformation, dialectical synthesis, meaning generating activity, empowerment based on technology. When analyzing creativity in various fields, the following were discussed: history as a process of creative changes; poetry as a metaphysical «shift» of meanings; invariants of art in artistic creativity; self-consciousness as a prerequisite and result of creativity. Individual manifestations of creativity were also discussed: the creation of the alphabet and grammar: «right-brain» drawing; the model of the generation of neologisms. The concept of creativity of well-known researchers were also considered: views on the intuition of Ya. A. Ponomarev; cultural images of the Philosopher, Poet and Historian by V.S. Bibler; ideas of a creative synthesis by T.de Viseva; activity approach of M.S. Kagan. It was noted that 43 reports from 12 cities, submitted to the section show the possibility of forming a scientific community of researchers of creativity in Russia. The recommendations were made for further institutionalization of creativity research.*

Keywords: *creation, change of meaning, methodological approaches, cognitive sciences, institutionalization of research.*

REFERENCES

1. Vos'moj Rossijskij Filosofskij Kongress «Filosofiya v policentrichnom mire». Sbornik nauchnyh statej. Tom II. Sekcii / RFO; IF RAN; MGU. – M.: Izdatel'stvo «Logos», OOO «Novye pechatnye tekhnologii» (Moskva), 2020. – 2762 s.
2. Vos'moj Rossijskij Filosofskij Kongress «Filosofiya v policentrichnom mire». Dopolneniya i Stendovye doklady. Sbornik nauchnyh statej. Tom V. Dopolneniya (A-YA Addenda) / RFO; IF RAN; MGU. – M.: Izdatel'stvo «Logos», OOO «Novye pechatnye tekhnologii» (Moskva), 2021. – 1008 s.
3. Ontologiya tvorcestva v razvitii real'nyh, virtual'nyh i iskusstvennyh sistem: Materialy Mezhdunarodnyh nauchno-prakticheskikh konferencij / Otv. red. Kudryashev A.F., Kunafin M.S., Semenov S.N. – Ufa: RIC BashGU, 2008. – 184 s.
4. *Semenov S.N., Kudryashev A.F.* Dialektika bytiya i tvorcestva // Vestnik Rossijskogo filosofskogo obshchestva. 2005. – № 2 (34). – S. 87-90.
5. *Semenov S.N.* Filosofiya, metodologiya i teoriya tvorcestva – vperve na rossijskikh filosofskikh kongressah // Vestnik Rossijskogo filosofskogo obshchestva. 2016. – № 1 (77). – S. 45-48.
6. Teoriya i metodologiya tvorcestva: itogi i perspektivy: materialy mezhdunarodnoj konferencii / Otv. red. A.N. Loshchilin. – M.: RFO, 2001. – 142 s.
7. Filosofiya tvorcestva: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, 8-9 aprelya 2015g., Institut filosofii RAN, g. Moskva / Pod red. N.M. Smirnovoj, A.YU. Alekseeva. – M.: Intell, 2015. – 476 s.
8. *Shumilin A.T., Nikolko V.N.* K analizu centrov razrabotki problem tvorcestva v SSSR (1966 – 1985) // V Seminar po problemam metodologii i teorii tvorcestva (Tvorcestvo i problema cheloveka) / Gl. red. V.N. Sagatovskij. – Simferopol': Tavrida, 1986. – S.7-12.
9. *Long H.* An Empirical Review of Research Methods in Creativity Studies (2003-2012). // Creativity Research Journal/ Vol.26/ 2014/ssue4. – P. 427-438.

Статья поступила в редакцию 14.07.2022 г.

UDC 101.1

DOI: 10.21146/1606_6251_2022_3/4_235_244

Н.М. Смирнова

ФИЛОСОФИЯ ТВОРЧЕСТВА НА VIII РОССИЙСКОМ ФИЛОСОФСКОМ КОНГРЕССЕ

***Аннотация:** В статье рассмотрены дискуссионные аспекты изучения творчества, обсуждавшиеся на секции «Философия творчества» VIII Российского философского конгресса. Обосновано определение предмета философского исследования творчества как созидания новых культурных смыслов. Показано, что понятие новизны является необходимым, но недостаточным в определении творчества. Дана оценка и двум альтернативным подходам в понимании объема понятия творчества.*

***Ключевые слова:** сознание, творчество, инновация, социальная типизация, когнитивные паттерны, жизненный мир человека.*

Российский философский конгресс, которого мы с нетерпением ждали более двух лет, наконец, состоялся. И, подводя его первые итоги, следует признать, что столь долгое ожидание не было напрасным. Небеспочвенные опасения, что двухлетняя отсрочка приглушит былой интерес к столь ожидаемому мероприятию, к счастью, не оправдались. Конгресс воочию продемонстрировал, что в российском философском сообществе ощутима острая потребность в углублении профессионального общения между представителями философско-педагогического корпуса и академическими учеными для объединения усилий в целях совместного исследования на-

---

Смирнова Наталья Михайловна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: nsmirnova17@gmail.com

---

сущных философских проблем. Работа нашей секции показала, что это в полной мере справедливо и в отношении самой таинственной способности человеческого духа — творчества.

Осознавая свою ответственность перед представителями педагогического сообщества отечественной высшей школы, а также и более широкой философской общественностью, сектор философских проблем творчества института философии РАН организовал на VIII Российском философском конгрессе секцию № 23 «Философия творчества» (со-председатели секции — Н.М. Смирнова и С.Н. Семёнов (Уфа), ученый секретарь — Ю.С. Моркина). Организационные аспекты процесса формирования секции «Философия творчества», отбор докладов и обсуждение содержательного наполнения предстоящей работы способствовали углублению ранее сложившегося профессионального взаимодействия между московским и региональными отделениями Российского философского общества в изучении творчества. Моя особая благодарность — коллеге из Уфы, С.Н. Семёнову, внесшему весомый вклад в формирование секции и подготовку последующих рекомендаций по итогам её работы. Я обращаю слова благодарности и к Президенту Российского философского общества А.В. Смирнову, и его заместителю Ю.М. Резнику, под эгидой которых удалось осуществить бесперебойную работу секций конгресса.

В процессе двухдневной работы секции «Философия творчества» было заслушано 32 доклада. Ядро докладчиков составили сотрудники сектора философских проблем творчества Института философии РАН, традиционно возглавляющие отдельные направления исследования творчества. К ним относятся: философско-методологический анализ творчества как смыслообразующей деятельности человека в философском, научном и художественном мышлении; реконструкция когнитивных оснований творческих процессов на основе исследований новейших тенденций в эпистемологии («телесно-ориентированного» познания, «расширенного» понимания сознания, нейрофилософии, философии искусственного интеллекта, дискуссионных аспектов соотношения образа и зна-

ка, языка и мышления; исследования в области феноменологии смысла в контексте критики новейших версий радикального натурализма в теории познания; концептуальный анализ смыслообразующей деятельности человека в крупнейших философских проектах современности: философско-аналитическом, феноменологическом и постструктуралистском; анализ базовой метафорики языка творческого бессознательного и динамики смыслообразования на различных этапах когнитивного развития личности; анализ когнитивных презумпций исследования смысла как идеальной предметности культуры; исследование социальной онтологии художественной реальности и расширение творческих возможностей человека на основе цифровых технологий (см.: [2; 3; 4; 5; 6; 8]).

Высокий интерес к исследованию различных аспектов творчества и выработке общего языка междисциплинарного общения проявили представители научно-педагогического сообщества из различных регионов РФ, приславшие свои заявки на РФК. Оживление в работу секции внесли и представители музейного сообщества. География секции охватила практически всю страну: Москву, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Чебоксары, Сургут, Тулу, Самару, Ростов-на Дону, Рязань, Уфу, Казань, Омск, Чувашию.

Первый вопрос, неизбежно встающий перед исследователем творчества: каков *предмет* его изучения? Постараюсь прояснить свою собственную позицию. Задаваясь подобным вопросом, я не имею намерения дать всеобъемлющее определение творчества. Иными словами, суть моего вопрошания состоит не в попытке ответить на вопрос, «что такое творчество?» как объект междисциплинарного постижения, но каков *предмет собственно философского исследования творчества*. Иными словами, что значит быть философом в изучении творчества?

Исходя из современных философско-методологических представлений [7], предмет исследования представляет собой определённый когнитивный срез, аспект изучения объекта, по умолчанию обладающий бесчисленным множеством характеристик. Он задан не только направленностью луча ис-

следовательского внимания, т.е. когнитивным интересом представителей определенного научного сообщества, но и – что менее очевидно – конституирован теми средствами/методами анализа, которые находятся в его распоряжении: схемы метода задают схематику предмета исследования.

Вспомним, М. Вебер ограничил предмет исследования своей «понимающей» социологии исключительно целерациональными действиями, составляющими лишь незначительный массив в общем составе социальных (ценностно-рациональных, традиционных, аффективных) действий [3]. И причина подобного самоограничения состоит в том, что целерациональные действия доступны методу смысловой реконструкции на основе рационального постижения целе-средственных отношений. Обусловленность предмета исследования доступными средствами и операциями деятельности (тезис неклассической рациональности В.С. Степина), в данном случае – методами концептуального анализа (исключая, к примеру, интроспекцию и эмпатию), заметно сужает предмет собственно философского исследования творчества, но придает ему гораздо большую определённость, маркируя свободное пространство для содружества иных дисциплин в его изучении.

Руководствуясь подобными методологическими соображениями, я определяю предмет философского исследования творчества как то, что методами философского анализа подлежит исследованию: *созидание новых культурных смыслов человеческого мышления, деятельности и социальной организации*. Неразрывная связь творчества со смыслом позволяет представить его инструментом воссоздания культурного кода социального сообщества и расширения присущих ему семиотических пространств культуры.

На первый взгляд, определение творчества как сотворения культурных смыслов, по видимости, противоречит обыденному представлению о творчестве как процессу созидания нового, т.е., попросту говоря, инновационной деятельности в любых её проявлениях безотносительно к её смысловому наполнению. Но отождествление творчества с новиз-

ной, хотя и не является ложным, философски явно недостаточно. Дело в том, что само *понятие нового философски глубоко предпосылочно*. Под интуитивно постижимым понятием нового залегают мощные пласты дисциплинарно ориентированной рефлексии. Ибо не только в пресловутую реку Гераклита нельзя войти дважды.

Как показали А. Бергсон, У. Джеймс, а впоследствии и Э. Гуссерль, и в поток сознания нельзя войти дважды, так как каждый раз по видимости «одно и то же» переживание (т.е. имеющее тот же интенциональный объект) встроено в совершенно иной контекст непрерывности опыта. Феноменологическая психология отчетливо показала, что каждое отдельное переживание не имеет чётких границ с предыдущими. Оно оформляется в определённую единицу личного опыта лишь в результате рефлексивного поворота (как только что истекшее), который вычленяет его из общего потока сознания и наделяет смыслом (см. прим. 1). Отсутствие чётких границ означает, что каждое человеческое переживание окружено неповторимыми эмоционально-аффективными «окаймлениями» (*fringes*), и потому всегда обладает для нас новым содержанием за счет мобилизации смысловых ресурсов ретенций и протенций (см. прим. 2).

Приведу известный пример К.В. Анохина: посадив обезьяну за пишущую машинку/компьютер, мы сможем получить, по видимости, совершенно новый «текст». К.В. Анохин справедливо полагает, что его нельзя считать продуктом творчества, поскольку его результат не несет никакой пользы [1]. Я бы отказала столь экзотическому «инновационному продукту» в творческом характере и на том основании, что подобный «текст» лишен не только новых культурных смыслов, но и смыслов вообще. А процесс смыслообразования в моём понимании конститутивен для творчества.

Проиллюстрирую недостаточность отождествления творчества с (широко понимаемой) новизной на примере нашей профессиональной деятельности. Если некто пересказал/переписал содержание чужого открытия «своими словами», то его рассказ/текст по видимости уникален. Но можем ли мы

считать его продуктом научного/философского творчества, если он не ведет к приращению знания? Ответ на этот вопрос зависит от сложившихся конвенций по поводу того, что считать новым в науке, в искусстве и социальной практике и т.п. Если в парадигме научной этики ответ на поставленный выше вопрос будет, скорее всего, отрицательным, то можно ли считать создание авторских копий в изобразительном искусстве творчеством – вопрос дискуссионный.

В социальных же практиках различие между инновацией и «подрывом основ» в значительной мере задано типом цивилизационного развития. Если в традиционном обществе исподволь идущие медленные инновации маскировались под традицию, то в техногенной цивилизации они обретают самостоятельную и весьма высокую социальную ценность: социальный прогресс становится ключевой метафорой индустриальной современности. Подобные рассуждения призваны проиллюстрировать, что само понятие нового является предметом культурных конвенций, специфичных для различных областей социального знания. Отождествляя творчество с новизной вообще, мы обрекаем себя на заведомую размытость предмета философского исследования творчества, ибо ничто в природе и в культуре не пребывает в вечно застывшем состоянии.

Если определить – значит ограничить, то, прежде всего, следует вывести из содержания понятия творчества процессы новообразования в природе в результате её аутопоэтической самоорганизации. Проблемы саморазвития в природе – удел изучения синергетики. Но, как «объективистская» математизированная конструкция, она оперирует неинтенциональными понятиями, и вписать в неё субъекта крайне сложно, если вообще возможно. А если и возможно, то крайне высокой ценой: реставрацией идеи Создателя, Творца, или Абсолютного наблюдателя, обжившего место господина Бога и взирающего на мир с позиций венаходимости. Иными словами, включив процессы самоорганизации в природе в понятие творчества, мы непременно (но неявно) апеллируем к теологическому дискурсу креационизма.

С определением творческих характеристик собственно человеческой сознательной деятельности ещё сложнее. Любые ли её проявления отмечены печатью творчества? Рассмотрим лишь две крайние точки зрения, между которыми — целый спектр промежуточных вариаций. Первая состоит в том, что любые проявления человеческого мышления и деятельности носят творческий характер. Творчество — это атрибут человеческого бытия-в-мире: человеческое — значит творческое (В.С. Библер, Г.П. Щедровицкий, В.М. Розин и др.). Сильные аргументы в пользу этой точки зрения мы находим у ранее упомянутых А. Бергсона (*durée*) и У. Джеймса (*stream of consciousness*), заимствованные феноменологической психологией. Суть их в том, что для сохранения идентичности (бытия собою) сознание должно непрерывно изменяться во времени, «течь», «длиться», подобно героям сказочного Зазеркалья Л. Кэрролла, которые бегут изо всех сил, чтобы оставаться на месте. Акцент же на ранее упомянутых контекстуальных различиях одного и того же переживания означает, что пережитое заново — всегда иное. Это новое переживание.

Другая точка зрения состоит в том, что в общем массиве социальных действий (как внутренних, так и внешних) можно выявить корпус сравнительно несложных рутинных операций, не требующих от человека мобилизации его творческого потенциала. Теоретическое обоснование этой позиции мы находим в социальной феноменологии. А. Шюц выстраивает свою социальную методологию, стремясь вписать в неё неустранимый, но столь ускользающий элемент, как субъективный смысл социального действия [9]. Концептуальными инструментами, позволяющими объективным образом оперировать субъективными смыслами, являются социально-типологические характеристики, или просто «типы» — смысловые конфигурации, сложившиеся эмпирически в синтезе различных пластов социального опыта. Эти смысловые паттерны по определению интерсубъективны.

В рамках обжитых жизненных миров мы не так уж часто решаем подлинно творческие задачи, рассуждает Шюц. Фе-

номенология жизненного мира представляет убедительные примеры того, что в повседневности мы склонны полагаться на заготовленные социальным опытом типизации — социально одобренные опривыченные (*habitualised*) паттерны социального мышления и действия. Это апробированные рецепты социально наследованного и благоприобретенного знания, даруемого культурой и социальностью. Они позволяют полагаться на известную стабильность структур привычных жизненных миров, научных парадигм («нормальная наука» Т. Куна), классических идиом в искусстве, канонических текстов религиозного сознания. В повседневной жизни мы чаще имеем дело с готовыми образцами и социальными типами, нежели подлинно творческими проявлениями человеческого духа (см. прим. 3). Подобные образцы (когнитивные паттерны) позволяют поладить с большинством повседневных задач на пониженном уровне внимания и сберечь жизненную энергию для подлинно творческих свершений.

Которая из приведённых выше точек зрения обладает большим эвристическим потенциалом? Обе они высоко эвристичны, но каждая по-своему. То, что смысловые конфигурации сознания пребывают в постоянном изменении, свидетельствуют и данные современной нейрофизиологии. Содержание сознания действительно непрерывно меняется, и современные неинвазивные методы нейронаук позволяют сопоставить изменения нейрофизиологического субстрата этих изменений с субъективным опытом человека. Но верно и то, что существуют различные уровни сложности решаемых задач (см. прим. 4). Сложность рутинных (привычных) действий сравнительно невелика. Поэтому непрерывным изменением состава знания при их осуществлении можно и пренебречь.

Подлинная же потребность в творчестве возникает там и тогда, где и когда ранее зарекомендовавшие себя образцы и схемы мышления обнаруживают когнитивные пределы своей применимости, неадекватность наличным ситуациям социального мышления и действия. Творчество дружит с тайной. Оно всегда «на грани», на изломах привычного, на отказе от

самоочевидного, само собой разумеющегося – в глубинах эпистемологического разрыва. Искра творчества озаряет нехоженные тропы в социальном бытии, созидавая новые культурные смыслы человеческого мышления и деятельности. И это таинство духа воистину стоит того, чтобы его изучать.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анохин К.В.* Мозг, творчество, сознание // *Философия творчества* / Под ред. Смирнова Н.М., Алексеев А.Ю. – М.: ИИТелл, 2015. – С. 44-52.
2. *Богоявленская Д.Б.* Еще раз о теории творчества Я.А. Пономарева // *Философия творчества*. Вып. 6. /ред. Смирнова Н.М., Бескова И.А. – М.: Голос, 2020. – С. 183-198.
3. *Вебер М.* О некоторых категориях понимающей социологии // *Вебер М.* Избранные произведения / Пер. с нем. Сост., общ. ред. и послесловие Ю.Н. Давыдова. – М.: Прогресс, 1990. – С. 495-643.
4. *Моркина Ю.С.* Апперцепция и метафора в научном и поэтическом познании (К вопросу о теоретико-познавательных аспектах поэтического творчества) // *Философия творчества*. Вып. 6. /ред. Смирнова Н.М., Бескова И.А. – М.: Голос, 2020. – С. 99-134.
5. *Смирнова Н.М.* Понятие смысла в зеркале герменевтических практик // *Вопросы социальной теории*. Научный альманах. Том X. Человек и его смыслы в контексте цивилизационного развития России / Под ред. Ю.М. Резника. – М.: 2018. – С. 25-37.
6. *Смирнова Н.М.* Философско-методологический анализ когнитивных оснований творчества // *Философия творчества*. Вып. 7. /ред. Смирнова Н.М., Бескова И.А. – М.: Голос, 2021. – С. 10-34.
7. *Степин В.С.* Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации / Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. – М.: ИФ РАН, 1994. – 274 с.
8. *Черниговская Т.Б.* Творчество как предназначение мозга // *Философия творчества* /ред. Смирнова Н.М., Алексеев А.Ю. – М.: ИИТелл, 2015. – С. 53-62.
9. *Шюц А.* Избранное: мир, светящийся смыслом /пер. с англ, составление тома, Послесловие Н.М. Смирновой. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1056 с.

Примечания:

1. Напомню, что в феноменологической психологии опыт длящегося мгновения еще не осмыслен.
2. Термины Э. Гуссерля, означающие «удержание в памяти» (ретенция) и «предвосхищение, т.е. антиципацию восприятия» (протенция).
3. В данном случае я отвлекаюсь от того, что «прилаживание» готового социального образца к использованию в «личностном знании» (М. Полани) применительно к конкретному случаю представляет собой самостоятельную проблему.
4. Строго говоря, процесс решения даже трудных, но четко поставленных задач зачастую трудно назвать творчеством. Я бы солидаризировалась с мнением Д.Б. Богоявленской, что подлинное творчество начинается тогда, когда мыслительная активность превосходит решение поставленной задачи, т.е. простирается за пределы найденного решения.

Natalia M. Smirnova

PHILOSOPHY OF CREATIVITY AT THE VIII RUSSIAN PHILOSOPHICAL CONGRESS

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation, nsmirnova17@gmail.com.

Abstract: *Some aspects under discussion at the VIII Russian Congress on philosophy in creativity studies have been sophisticatedly analyzed in this paper. Proper definition of creativity as new cultural meanings' formation has been thoroughly substantiated. It has been clearly demonstrated, that "novelty" seems necessary, but not sufficient for creativity's definition. Two alternative approaches to the volume of the creativity definition have also been evaluated.*

Key words: *consciousness, creativity, innovation, social typification, cognitive patterns, human lifeworld.*

REFERENCES

1. *Anokhin K.V.* Mozg, tvorchestvo, soznanie // *Filosofiya tvorchestva* /red. Smirnova N.M., Alekseev A.Yu. – M.: Itell, 2015. – S. 44-52.
2. *Bogoyavlenskaya D.B.* Eshche raz o teorii tvorchestva Ya.A. Ponomareva // *Filosofiya tvorchestva*. Vyp. 6. /red. Smirnova N.M., Beskova I.A. – M.: Golos, 2020. – S. 183-198.
3. *Veber M.* O nekotorykh kategoriakh ponimayushchei sotsiologii // *Veber M. Izbrannye proizvedeniya* / Per. s nem. Sost., obshch. red. i posleslovie Yu.N. Davydova. – M.: Progress, 1990. – S. 495-643.
4. *Morkina Yu.S.* Appertsepsiya i metafora v nauchnom i poeticheskom poznanii (K voprosu o teoretiko-poznavatel'nykh aspektakh poeticheskogo tvorchestva). // *Filosofiya tvorchestva*. Vyp. 6. /red. Smirnova N.M., Beskova I.A. – M.: Golos, 2020. – S. 99-134.
5. *Smirnova N.M.* Ponyatie smysla v zerkale germenevticheskikh praktik // *Voprosy sotsial'noi teorii*. Nauchnyi al'manakh. T. 10 / Pod red. Yu.M. Reznika. – M.: 2018. – S. 25-37.
6. *Smirnova N.M.* Filosofsko-metodologicheskii analiz kognitivnykh osnovanii tvorchestva // *Filosofiya tvorchestva*. Vyp. 7. /red. Smirnova N.M., Beskova I.A. – M.: Golos, 2021. – S. 10-34.
7. *Stepin V.S.* Nauchnaya kartina mira v kul'ture tekhnogennoi tsivilizatsii /Stepin V.S., Kuznetsova L.F. – M.: IF RAN, 1994. – 274 s.
8. *Chernigovskaya T.B.* Tvorchestvo kak prednaznachenie mozga // *Filosofiya tvorchestva* / red. Smirnova N.M., Alekseev A.Yu. – M.: Itell, 2015. – S. 53-62.
9. *Shyuts A.* Izbrannoe: mir, svetyashchiysya smyslom /per. s angl, sostavlenie toma, Posleslovie N.M. Smirnovoi. – M.: ROSSPEN, 2004. – 1056 s.

Статья поступила в редакцию 25.10.2022 г.

2. ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

2.1. Проекты и решения

Решения Президиума РФО 21 октября 2022 г.

Присутствовали на заседании:

Члены Президиума РФО: А.В. Смирнов (президент), А.А. Гусейнов (вице-президент), В.А. Лекторский (вице-президент), В.С. Диев (вице-президент), Б.В. Марков (вице-президент), Ю.М. Резник (вице-президент), Н.С. Чижков (и.о. главного ученого секретаря), Ф.Е. Ажимов, И.С. Бакланов, В.Ю. Бельский, М.И. Билалов, М.А. Богатов, В.В. Васильев, И.И. Докучаев, Г.В. Драч, Н.С. Кирабаев, Е.А. Когай, А.Д. Королев, Н.В. Кузнецов, И.К. Лисеев, И.М. Чубаров, М.Д. Шелкунов. Всего: 22 чел.

Кворум для принятия решений имеется (присутствовало 22 из 39 членов Президиума РФО).

Приглашённые члены РФО: Т.В. Бернюкевич, Ю.Д. Гранин.

Повестка дня:

1. Поздравление с юбилеем вице-президента РФО, акад. В.А. Лекторского (свободное обсуждение) (отв. А.В. Смирнов).
2. Об итогах VIII Российского философского конгресса и публикации его материалов (отв. А.В. Смирнов, Ю.М. Резник и др.).
3. О конкурсе научных работ членов РФО в 2022-2023 гг. (Ю.М. Резник).
4. О внесении изменений в смету РФО-2022 (Ю.М. Резник).
5. О журнале «Вестник РФО» (А.В. Смирнов, Ю.М. Резник).
6. Разное (оргвопросы) (А.В. Смирнов).

По первому вопросу «Поздравление с юбилеем вице-президента РФО, акад. В.А. Лекторского»

Заслушав и обсудив выступление А.В. Смирнова Президиум РФО постановляет:

1.1. В связи с 90-летием выразить благодарность вице-президенту, академику РАН Лекторскому Владиславу Александровичу за многолетнюю и продуктивную работу в российском и международном философском сообществе.

По второму вопросу «Об итогах VIII Российского философского конгресса и публикации его материалов»

Заслушав и обсудив выступления А.В. Смирнова и Ю.М. Резника Президиум РФО постановляет:

2.1. Признать работу VIII РФК удовлетворительной.

2.2. Объявить благодарность всем организаторам Конгресса – членам Оргкомитета, Программного комитета и рабочей группы.

2.3. Продолжить публикацию дополненных и расширенных материалов докладов на VIII РФК всех желающих участников в журнале «Вестник РФО».

2.4. Подготовить и издать сборник материалов докладов участников VIII РФК.

По третьему вопросу «О конкурсе научных работ членов РФО в 2022-2023 гг.»

Заслушав и обсудив выступление Ю.М. Резника Президиум РФО постановляет:

3.1. Утвердить тему и Положение о конкурсе научных работ членов РФО 2022 г. «100 лет со дня образования СССР: философские уроки».

3.2. Утвердить тему конкурса на 2023 г. «Отечественная философия: проблемы самоопределения и развития».

3.3. Подготовить Положение о конкурсе научных работ членов РФО 2023 г. и вынести его на обсуждение Президиума РФО.

По четвёртому вопросу «О внесении изменений в смету РФО-2022»

Заслушав и обсудив выступления Ю.М. Резника и Т.В. Бернюкевич Президиум РФО постановляет:

4.1. Принять к сведению изменения в Смету РФО-2022, предложенные вице-президентом и исполнительным директором РФО, проф. Ю.М. Резником.

4.2. Утвердить новую редакцию Сметы РФО-2022 после её согласования с Ревизионной комиссией.

По пятому вопросу «О журнале «Вестник РФО»

Заслушав и обсудив выступления А.В. Смирнова Президиум РФО постановляет:

5.1. Освободить от обязанностей заместителя главного редактора «Вестник РФО», проф. Резника Юрия Михайловича по собственному желанию с 2023 г.

5.2. Объявить благодарность проф. Резнику Юрию Михайловичу за проделанную работу.

5.3. Утвердить в должности заместителя главного редактора «Вестник РФО» проф. Гранина Юрия Дмитриевича.

По шестому вопросу «Разное (оргвопросы)»:

Заслушав и обсудив предложения А.В. Смирнова Президиум РФО постановляет:

6.1. Избрать главным ученым секретарём РФО Чижкова Николая Сергеевича, избранного в члены Президиума на Конференции РФО 26.05.22.

6.2. Утвердить новых членов Президиума РФО, избранных заочно в состав Президиума на конференции РФО и давших письменное согласие:

Когай Евгению Анатольевну, доктора философских наук, профессора, председателя Курского отделения РФО.

Попкову Наталью Владимировну, доктора философских наук, профессора, председателя Брянского отделения РФО.

Президиум РФО

2.2. Рецензии

Королёв А.Д.

О СОЦИАЛЬНОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ*

Книга доктора психологических наук, практикующего психолога Екатерины Александровны Самойловой вышла в свет шесть лет назад, но сохранила свою актуальность. Она является вторым томом «Социальной юриспруденции», первый том которой был написан юристами, социологами, психологами, психиатрами и работниками МВД и представляет интерес для всех, кто интересуется философскими проблемами личности и малых групп. Самое ценное в книге — уникальный фактологический материал, который недоступен нашим читателям, однако нуждается в философском осмыслении. На мой взгляд, никакая философская теория личности не может считаться полновесной, если она не сможет объяснить приводимые в данной книге сведения.

Рецензируемая книга — надежный ориентир в современной пенитенциарной системе, объединяющей философские, исторические, социологические, юридические и психологические знания.

В монографии Екатерины Самойловой неслучайно представлены реальные образцы и пенитенциарного, и карательного миров, типажи «от преступной личности до личности

Королев Андрей Дмитриевич — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: korolev7772008@yandex.ru

---

* Самойлова Е.А. Юридическая психология. Социальная юриспруденция. Том 2. — М.: Издательские решения по лицензии Ridero, 2016. — 704 с. ISBN 978-5-4483-1588-6.

преступника». В своей практической работе автор широко использует забытую многими современниками первую отечественную методiku диагностики личности, разработанную совместно Институтом социологических исследований АН СССР (под руководством профессора Анатолия Алексеевича Зворыкина) и Центральным госпиталем МВД СССР (под руководством доктора философских и доктора медицинских наук, профессора Евгения Васильевича Черносивитова). Данная методика была апробирована, в частности, в Лесных ИТУ СССР (под руководством кандидата юридических наук, генерала-майора МВД СССР Ю.А. Алферова) и представлена на X Всемирном социологическом конгрессе в Мехико (Мексика) в 1982 году. Екатерина Самойлова и Евгений Черносивитов являются научными редакторами первого тома «Социальной юриспруденции», а профессор Евгений Черносивитов – научным редактором рецензируемой книги.

В книге автор развивает фундаментальные идеи Анри Сен-Симона и Михаила Сергеевича Лунина, касающиеся гражданского общества и права.

Выделю несколько интересных моментов книги, прекрасно демонстрирующих, насколько она актуальна сейчас.

Екатерина Самойлова прямо и косвенно подчёркивает, что ядром юридической психологии является пенитенциарная психология. В этом она согласна со своим предшественником, основоположником социальной юриспруденции в СССР, кандидатом юридических наук, начальником Политбюро Лесных ИТУ в последнем десятилетии СССР, генералом-майором МВД СССР Юрием Алексеевичем Алферовым (логотипом данной книги является рисунок Ю.А. Алферова). Приведу цитату из книги (Ю.А. Алферов был по приглашению юристов США в «Анголе», крупнейшей тюрьме Штатов): «Несколько слов об “Анголе”». Вмещает свыше 5000 заключённых, штат сотрудников свыше 1000. Занимает площадь 73 кв. км. С трех сторон окружена Миссисипи, с болотистыми берегами. Плантатор Исаак Франклин купил землю, на которой появилась «Ангола» в 1830 году.

В 1880 году вдова Франклина продала «Анголу» с плантациями Самуилу Джеймсу, который использовал заключённых как рабов на плантации. Применяя «тонкую политику, базирующуюся на знании психологии заключённых», он в 1916 году уволил всех надзирателей, заменив их заключёнными. Его девиз был: «они должны работать так, чтобы ночью спать от полной потери сил». И это ему легко удавалось. Побегов и бунтов не было, не считая одного, когда 30 заключённых в знак протеста перерезали себе ахилесовы сухожилия. Сейчас в «Анголе» широко практикуются декады открытых дверей: в эти дни многие заключённые отпускаются в «пробный отпуск», а тюрьму посещают туристы и родственники осужденных.

Е.А. Самойлова подчеркивает, что важнейшим из «материалов» для изучения пенитенциарной психологии, несомненно, являются формы протеста заключённых. Вряд ли кто-либо на «свободе» в знак протеста перерезал бы себе ахилесовы сухожилия. В одной из огромных колоний лесных ИТУ в СССР (вместо работы на плантациях здесь лесоповал) также в знак протеста 19 заключённых (среди которых были представители разных этносов) прибили гвоздями свои мошонки к полу.

Автор отмечает ещё одно обстоятельство для понимания, как традиционной, так и новейшей пенитенциарной психологии. Ближе всего к формам протеста пенитенциарных субъектов (а они сохраняются и на «свободе»!) это формы издевательств: «...Издеательства в пенитенциариях, мало чем отличаются от того, кто является «палачом» — заключённый или надзиратель. В психологии «издевательств» в пенитенциариях весьма очевиден моральный компонент, значительно преобладающий над физическим (своеобразие и неожиданности пенитенциарной психологии красочно описаны двумя авторами разных эпох и традиций — Henri Charriere («Papillon») и Martina Cole («The jump»)). Е.А. Самойлова предостерегает: «Осторожно, чтобы не задеть так распространённых в наше время эмоционально-суггестивных (что-то вроде вновь обре-

тённых древних символов веры и выживания) тенденций в отношении однополой любви, отметим здесь же потрясающе разную психологию и “фактуру” гомосексуализма в современных демократических обществах “на воле” и в них же – в пенитенциариях».

Книга Е.А. Самойловой – по социальной юриспруденции. Естественно, что юридическая психология здесь полностью рассматривается в аспекте основной темы. Насколько нам известно, никогда ранее отдельного научного исследования, посвященного социальной юриспруденции, в мире не было. Первым сделал попытку выделить самостоятельным научным предметом социальную юриспруденцию, был великий русский юрист Юрий Степанович Гамбаров в 1911 г. Но ему удалось написать лишь один параграф и включить его в свою книгу «Гражданское право».

«Юридическая психология. Социальная юриспруденция» Екатерины Александровны Самойловой написана ярким и живым языком. Ещё раз подчеркну, что книга даёт уникальный материал для философского анализа. Её можно приобрести как в электронном, так и в бумажном виде.

На рисунке ниже логотип книги. Автор – Юрий Алексеевич Алферов.

2.3. Поздравляем с юбилеем

ЛЕКТОРСКОМУ ВЛАДИСЛАВУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ 90 ЛЕТ!

23 августа 2022 г. Владиславу Александровичу исполнилось 90 лет! От имени всего Российского философского общества поздравляем его с этим замечательным юбилеем!

Владислав Александрович — известный философ, доктор философских наук, профессор, академик РАН, академик РАО, вице-президент РФО, декан философского факультета ГАУГН, член Международного института философии (Париж), главный научный сотрудник Института философии РАН. Многие годы он представлял российскую философию в Международной федерации философских обществ, более 20 лет возглавлял самый авторитетный философский журнал России «Вопросы философии». Всех его заслуг не перечислить.

За свою профессиональную жизнь (не менее 70 лет!) Владислав Александрович внёс огромный вклад в развитие отечественной философии. Его работы по теории познания и философии сознания, философии науки и искусственного интеллекта давно и прочно вошли в философский багаж страны. Они известны не только в России, но и за рубежом, в т.ч. в США, Великобритании, ФРГ, Франции, Финляндии, Южной Корее, Китае, Турции, Польше, Венгрии, Чехословакии, Болгарии, Румынии и др.

Владислава Александровича ценят и уважают коллеги и ученики. Он воспитал огромное количество исследователей. Мы благодарны ему за неоценимую помощь в делах Российского философского общества. Десятки лет он возглавляет международное направление и является вице-президентом

РФО. Под его руководством проведены многие российские и международные научные мероприятия.

Владислав Александрович — человек большой и щедрой души, всегда готовый прийти на помощь коллегам в трудную минуту. Его личные качества — доброжелательность, интеллигентность и уважительное отношение к людям — снискали заслуженное признание в философском сообществе.

От имени всего РФО желаем Владиславу Александровичу продолжения его плодотворной деятельности, а также крепкого здоровья, огромного человеческого счастья и творческого долголетия!

*Президиум РФО
Редколлегия журнала «Вестник РФО»*

СЕРДЮКОВУ ЮРИЮ МИХАЙЛОВИЧУ 60 ЛЕТ!

27 августа исполнилось 60 лет известному российскому философу, доктору философских наук, профессору кафедры философии, социологии и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения Юрию Михайловичу Сердюкову (г. Хабаровск).

Юрий Михайлович — главный редактор журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке», который пользуется большой популярностью в России и других странах мира. Много лет он является председателем Хабаровского отделения РФО.

Высокий научный авторитет и замечательные человеческие качества Ю.М. Сердюкова высоко ценимы в философском сообществе нашей страны, КНР и других стран.

Президиум РФО сердечно поздравляет Юрия Михайловича и желает ему крепкого здоровья, благополучия и дальнейших творческих успехов!

*Президиум РФО
Редколлегия журнала «Вестник РФО»*

2.4. Памяти коллег

КУТЫРЕВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1943-2022)

4 октября 2022 г. на 80-м году жизни, скоропостижно скончался замечательный человек и коллега, выдающийся и оригинальный мыслитель, бескомпромиссный гуманист, советский и российский философ, педагог, доктор философских наук, профессор ННГУ им. Н.И. Лобачевского, почетный работник высшей школы Российской Федерации Владимир Александрович Кутырев.

Владимир Александрович родился 24 сентября 1943 г. в дер. Высокая Чкаловского района Горьковской области. После окончания строительного техникума служил в Советской армии. После службы учился на философском факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. В 1972-1975 гг. учился в аспирантуре философского факультета МГУ и получил ученую степень кандидата философских наук. С 1986 по 1988 гг. проходил докторантуру в Академии общественных наук при ЦК КПСС, где защитил докторскую диссертацию по теме: «Комплексное взаимодействие общенаучных методов в социальном познании».

Владимир Александрович работал старшим преподавателем, доцентом Костромского педагогического института им. Н.А. Некрасова, в Горьковской высшей партийной школе, профессором в Нижегородском архитектурно-строительном университете. С марта 2003 г. работал профессором на кафедре истории, методологии и философии науки факультета социальных наук, а затем на кафедре философии в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского. Вёл курсы по социальной философии, философии куль-

туры, методологии и философии науки, социально-гуманитарному познанию. Под его руководством защищено 16 кандидатских и 5 докторских диссертаций.

В.А. Кутырев опубликовал более 350 работ. Среди них есть публикации, переведённые на английский, болгарский, чешский, словацкий и вьетнамский языках. Выступал на трёх (Москва, Стамбул, Афины) и печатался в материалах четырёх Всемирных конгрессов по философии. Им издано 12 монографий, которые получили известность в профессиональных кругах.

Владимир Александрович был председателем диссертационного совета по культурологии (кандидатского) при ННГАСУ, заместителем председателя диссертационного совета по философии при ННГУ, членом диссертационного совета по политологии и международным отношениям ННГУ. Более 12 лет он – председатель Нижегородского общегородского семинара по философии, член бюро Нижегородского отделения Российского философского общества, член редколлегии журналов «Философия хозяйства» (Москва) и «Философия и право» (Санкт-Петербург).

До последних дней Владимир Александрович продолжал свою трудовую деятельность в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского: писал работы, готовил аспирантов, читал лекции. Вся жизнь В.А. Кутырева – пример беззаветного служения гуманизму, избранному делу, верности своим идеалам и убеждениям. Он всегда имел активную научную и гражданскую позицию. Его отличали глубокая человечность, подлинная интеллигентность и высокий профессионализм.

Выражаем скорбь о невосполнимой утрате и глубокие, искренние соболезнования родным и близким Владимира Александровича. Светлая ему память.

*Коллектив факультета социальных наук
ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Президиум РФО
Нижегородское отделение РФО
Редколлегия журнала «Вестник РФО»*

ПЕРУАНСКИЙ СЕРГЕЙ СЕРАФИМОВИЧ (1938-2022)

Сергей Серафимович Перуанский – российский учёный, публицист и государственный деятель. Окончил Казанский государственный университет, кандидат физико-математических наук, доцент. Преподавал там же. В 1990-1993 гг. народный депутат РСФСР. Сергей Серафимович был одним из учредителей Российской академии образования. Будучи по-хорошему неугомонным человеком, С.С. Перуанский долгое время активно участвовал в работе Российского гуманистического общества, где издал свой «Манифест Гуманистической партии».

Долгие годы был индивидуальным членом РФО, в нашем журнале «Вестник РФО» регулярно вёл рубрику «На свежий взгляд (Заметки философского партизана)», где критически анализировал наиболее интересные публикации предыдущего номера. Лично принимал участие в работе Российских и Всемирных философских конгрессов, где всегда выступал с интересными и содержательными докладами.

Автор многочисленных философских книг и статей по истории философии, диалектике и проблемам гуманизма. Сергей Серафимович навсегда останется в наших сердцах как надёжный товарищ, принципиальный исследователь философских проблем, добрый, светлый и отзывчивый человек, настоящий интеллигент. Мы выражаем искренние соболезнования родным и близким покойного.

Редколлегия журнала «Вестник РФО»

ДУГИНА ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА (1992-2022)

20 августа 2022 года трагически погибла журналистка и общественная деятельница Дарья Александровна Дугина,

выпускница философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, она там же училась в аспирантуре и завершала работу над своей кандидатской диссертацией по теме «Интерпретация политической философии Платона в комментариях Прокла Диадоха». Именно любовь к трудам Платона побудила Дарью подписывать свои журналистские материалы как Дарья Платонова.

Мать Дарьи – преподаватель философского факультета МГУ, кандидат философских наук Наталия Викторовна Мелентьева. Отец Дарьи – кандидат философских наук, доктор политических наук, доктор социологических наук, профессор, в 2009-2014 годах и.о. заведующего кафедрой социологии международных отношений социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Александр Гельевич Дугин. Они оба принимали участие в работе РФО и являлись его членами.

Живя во Франции, Дарья Дугина в 2012-2013 гг. проходила стажировку на философском факультете в университете Бордо-Монтень.

Президент России Владимир Путин наградил Дарью Дугину орденом Мужества посмертно. Красивая, принципиальная, широко образованная Дарья – это не только пример для молодёжи. Всей своей жизнью Дарья показала, насколько актуальны жизнеутверждающие философские идеи, как их следует отстаивать, как за них нужно бороться.

Светлая память о Дарье Дугиной навсегда сохранится в наших сердцах. Выражаем глубокие соболезнования родным Дарьи Александровны, друзьям, близким, всем, кто её знал.

*Президиум РФО
Редколлегия журнала «Вестник РФО»*

2.5. Информация для авторов и читателей

О ЧЛЕНСТВЕ В РФО. 2023 г.

Уважаемые коллеги! Доводим до вашего сведения информацию о членстве в следующем, 2023 г.

Членские взносы в 2023 г. установлены в прежних размерах:

а) индивидуальные члены — 500 руб. плюс вступительный взнос — 100 руб.);

б) первичные организации или региональные отделения, в которых насчитывается от 3 до 30 человек, платят из расчета 400 руб. за каждого члена Общества. Все собранные средства в этих организациях (включая и регистрационный взнос) перечисляются на счёт РФО.

в) региональные отделения (общества) или первичные организации РФО, в которых насчитывается более 30 человек, сами определяют размер членских взносов на год; при этом каждая из этих организаций должна перечислить средства в размере 300 руб. за каждого члена Общества.

Все, впервые вступающие в члены РФО (или имевшие перерыв более года), помимо членского взноса должны уплатить также и регистрационный (вступительный) взнос в размере 100 руб. Если есть желание приобрести членский билет, то необходимо оплатить еще 150 руб.

Студенты и аспиранты очных отделений платят 50% от указанных сумм.

=====

Просим вас оплачивать членские взносы через личный кабинет или отделение Сбербанка по следующим реквизитам:

Получатель: Российское философское общество
ИНН 7704169045, КПП 770401001
Наименование банка: ПАО Сбербанк
Р/с 40703810338000017062,
БИК 044525225,
Кор. счет 30101810400000000225

Варианты оплаты членских взносов для индивидуальных членов:

1) через личный кабинет в Сбербанке (реквизиты см. выше; в назначении платежа просьба указывать следующее: «Ф.И.О. Членские взносы в 2023 г.»).

2) через отделение Сбербанка (см. реквизиты; в назначении платежа просьба указать: «Ф.И.О. Членские взносы в 2023 г.»; на сайте РФО можно распечатать нужную вам квитанцию (квитанция 2022 г.).

Электронную копию квитанции об оплате членских взносов необходимо отправить по адресу info@rfo1971.ru.

Руководители региональных отделений и первичных организаций могут оплачивать членские взносы за всё отделение (первичную организацию). В назначении платежа просьба указать: «Членские взносы в 2023 г. _____ отделения». При этом они направляют в Президиум копию квитанции и список членов регионального отделения (первичной организации) по установленной форме.

Ещё раз подчёркиваем, все отделения (философские общества) и первичные организации вместе со взносом в обязательном порядке высылают в Президиум РФО полный список членов организации, уплативших взносы (Ф.И.О. полностью и по алфавиту, ученая степень и звание, студент или аспирант, город). Вместе с индивидуальными членами РФО они составят новый список членов РФО, который будет размещен на официальном сайте в конце текущего года.

Каждый член общества может заплатить взнос в любой организации РФО независимо от места жительства; во избежание дублирования при составлении установленного списка членов РФО взнос уплачивается только в одной организации РФО, что даёт право на участие в мероприятиях других отделений и первичных организаций РФО.

=====

Обратите внимание!

С 2021 г. журнал «Вестник РФО» распространяется только через Президиум РФО, а его электронная версия размещается на официальном сайте РФО. Почтовой рассылкой журнала аппарат Президиума не занимается. Такое решение принято на заседании Президиума РФО. Просим членов РФО перечислять деньги за подписку на журнал на расчётный счёт РФО только в том случае, если есть возможность забрать экземпляр в редакции журнала (Институт философии РАН).

При этом для каждого регионального отделения (первичной организации), перечислившего членские взносы на расчётный счёт РФО, будет зарезервировано определённое количество новых выпусков «Вестника РФО» (с пометкой «Председателю рег. организации Ф.И.О.»). Для региональных отделений численностью:

до 30 чел. — 1 экз.

30–60 чел. — 2 экз.

60–90 чел. — 3 экз.

90–120 чел. — 4 экз.

Свыше 120 чел. — 5 экз.

Эти экземпляры может получить в Президиуме РФО официальный представитель регионального отделения или первичной организации.

=====

Итак, кто же является членом РФО?

Членом РФО является только тот, кто уплатил *ежегодный членский взнос в текущем году* и, следовательно, внесён в спи-

сок членов РФО. С этого момента на него распространяются все льготы, предусмотренные для членов РФО (участие на льготных условиях в научных мероприятиях РФО, в т.ч. в Российском философском конгрессе, публикация в журнале «Вестник РФО» в приоритетном порядке и пр.).

Полный список членов РФО ежегодно публикуется и регулярно обновляется на сайте РФО в конце текущего года (см.: rfo.rus-список-членов-РФО-2).

ПОРЯДОК НАПРАВЛЕНИЯ, ОФОРМЛЕНИЯ, РАССМОТРЕНИЯ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы! Редакция Вестника РФО перешла на издание полноформатных выпусков журнала. Теперь часть выпуска занимают статьи в полном объеме и со всеми необходимыми справочно-библиографическими материалами, включая DOI.

Предлагаем Вам познакомиться с порядком направления, оформления, рецензирования и опубликования статей в нашем журнале.

Правила направления и приема научных статей в журнал

1. К рассмотрению принимаются рукописи в виде файла в формате MS Word по адресу электронной почты vestnikrfo@mail.ru, соответствующие тематике журнала и оформленные в соответствии с требованиями к оформлению рукописей (см. ниже: Правила оформления рукописей и Примеры оформления литературы). Отсутствие оформления статей согласно требованиям издания может стать причиной отказа в публикации.

2. Прием статей. В редакцию журнала принимаются научные статьи и переводы научных статей, обзоры новейшей литературы, рецензии на книги. К публикации *не принимаются* фрагменты диссертаций, тексты учебно-образовательного и научно-популярного характера, тезисы различного рода докладов и тексты, не соответствующие тематике и формату журнала или написанные в иных жанрах, кроме научного.

3. К рассмотрению в первую очередь принимаются статьи, являющиеся результатом собственных исследований автора и содержащие все необходимые компоненты, в т.ч.:

— описание проблемной ситуации, обоснование актуальности и формулировка замысла (целей) работы;

— содержательный анализ концепций и подходов, существующих по теме работы;

— изложение основных положений и результатов исследования;

— формулирование выводов (итогов) исследования.

Разумеется, эти пункты не определяют жестко структуру статьи, которая остается на усмотрение самого автора, хотя для лучшего восприятия её содержания желательно сформулировать подзаголовки (параграфы) статьи и выделить их полужирным шрифтом (курсивом).

4. Постоянные рубрики журнала подразделяются на концептуальные и информационно-аналитические. Содержательные рубрики соответствуют основным направлениям философских исследований.

Концептуальные рубрики (научные доклады):

- онтология и теория познания;
- философия науки и техники;
- социальная и политическая философия;
- философская антропология;
- философия культуры и образования;
- из истории философской мысли;
- междисциплинарные исследования;
- в порядке обсуждения;

Информационно-аналитические рубрики:

- колонка редактора;
- проекты и решения;
- новости из регионов;
- заметки и сообщения;
- обзоры и рецензии;
- научная жизнь;
- полезная информация.

При подготовке научной статьи автор должен учитывать специфику той или иной отрасли философии и демонстрировать знание основных концепций и подходов, имеющих отношение к теме его исследования. Статья оформляется с учетом аннотации, ключевых слов, библиографического материала. Информационные материалы представляются в обычном порядке, без аннотации и ключевых слов. Им не присваивается идентификационный номер (DOI).

5. Объем принимаемых статей.

Научные статьи и переводы: 0,4–1,0 а.л. (включая сноски, списки литературы и аннотации); всем статьям и переводам присваивается DOI;

Сообщения и заметки: до 0,2 а.л. (для них не требуется аннотация и ключевые слова);

Рецензии и обзоры литературы: до 0,2 а.л. (для них также не требуется аннотация и ключевые слова).

1 а.л. – 40 000 знаков, включая пробелы и сноски. Статьи другого объема рассматриваться не будут.

6. **Языки публикаций:** русский и английский. При этом к опубликованию не принимаются статьи и рецензии, написанные на иностранных языках русскоязычными авторами.

7. Автор гарантирует, что текст не был опубликован ранее и не сдан в другое издание. Представленные материалы должны являться оригинальными текстами, а не перепечатками фрагментов уже изданных монографий, защищенных диссертаций и т.д. Научные переводы печатаются только при наличии авторских прав и с разрешения правообладателей. Авторы переводов самостоятельно согласовывают с правообладателями передачу прав на перевод.

8. Ссылка на «Вестник РФО» при использовании материалов статьи в последующих публикациях обязательна. Автор берет на себя ответственность за точность цитирования, правильность библиографических описаний, транскрибирование имен и названий.

Правила оформления рукописей и примеры оформления литературы

1. Рукописи статей (других материалов) оформляются следующим образом:

– шрифт: «Times New Roman»;

– размер шрифта: название статьи, Ф.И.О. автора – 14 кеглем; подзаголовки (полужирным курсивом), текст – 14; сноски – 12; литература и примечания – 12;

– междустрочный интервал – 1,0;

– абзацный отступ – 1,25;

– выравнивание – по ширине поля: 2,5 см со всех сторон;

– тексты на древних и восточных языках должны быть набраны в кодировке Unicode.

2. Рукопись должна включать в себя **обязательные элементы**, расположенные в следующем порядке:

– Ф.И.О. автора(ов) со сноской: сведения об авторе(ах): фамилия, имя и отчество автора; ученая степень, ученое звание; должность и место работы; полный адрес места работы (включая страну, индекс, город); адрес электронной почты автора¹;

– Название статьи на русском и английском языках;

– Аннотация на русском и английском языках для статей (статья объемом до 0,5 а.л. – от 100 до 150 слов; статья объёмом 0,6-1,0 а.л. – от 150 до 200 слов; рецензия или обзор – до 100 слов)²;

– Ключевые слова на русском и английском языках (до 10 слов и словосочетаний)³.

– Текст статьи (с параграфами или подзаголовками, набранными полужирным курсивом);

---

¹ Пример оформления справки об авторе:

На русском языке:

Иванов Иван Иванович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: ivanov@mail.ru

На английском языке:

Ivan Ivanovich Ivanov. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Gonchamaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: ivanov@mail.ru

² Объем аннотации составляет от 100 до 200 слов в зависимости от объема статьи в а.л. Аннотация – краткое и емкое изложение основного содержания статьи. В ней должны быть четко сформулированы ее цель, главные идеи и результаты (выводы), причем с сохранением той же самой последовательности, в которой они представлены в основном тексте. В аннотации указывается, что нового несет в себе статья в разработке данной темы. При составлении аннотации следует избегать общих и вводных фраз, не способствующих раскрытию содержания статьи, а также заведомого усложнения формулировок, использования неологизмов, ссылок на литературу и аббревиатуры. Следует помнить, что это создает трудности для адекватного перевода аннотаций на английский язык, а также для редактирования подготовленных авторами англоязычных аннотаций.

³ Приводится список до 10 слов и словосочетаний, отражающих основное содержание статьи и определяющих предметную область исследования. Ключевые слова позволяют облегчить и расширить возможности поиска статьи средствами информационно-поисковых систем. Список ключевых слов желательно составлять с учетом статистических данных Scopus по соответствующей тематике. За исключением имен собственных, ключевые слова приводятся с маленькой буквы; разделяются запятыми; в конце списка точка не ставится.

- Литература⁴;
- Примечания (при наличии)⁵;
- References.

3. Порядок расположения обязательных элементов: в начале рукописи располагаются инициалы и фамилия автора (на русском и английском языках), сведения об авторе (сноска), название статьи (на русском и английском языках), аннотация (на русском и английском языках), ключевые слова (на русском и английском языках), текст статьи, в конце рукописи располагается «ЛИТЕРАТУРА» и ПРИМЕЧАНИЯ (при наличии), а также «REFERENCES».

4. Таблицы и формулы должны быть продублированы в графическом режиме и записаны отдельным файлом. Рисунки и тексты, содержащие специфические символы и неевропейские шрифты не принимаются к печати.

---

⁴ Рукописи на русском языке должны содержать два варианта представления списка литературы:

1. В начале приводится список, озаглавленный «ЛИТЕРАТУРА» и выполненный в соответствии с требованиями ГОСТа. В начале списка в алфавитном порядке указываются источники на русском языке, затем – источники на иностранных языках.

Пример оформления библиографического источника:

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов И.И.* Основные понятия метафизики. – М.: Лабиринт, 2020. – 464 с.

Ivanov I.I. The basic concepts of metaphysics. – М.: Labyrinth, 2020. – 464 p.

2. Список, озаглавленный «REFERENCES» и выполненный в соответствии с требованиями международных библиографических баз данных (Scopus и др.). Все библиографические ссылки на русскоязычные источники приводятся в латинском алфавите по следующей схеме:

- автор;
- выходные данные автора на русском и английском языке (приводятся в сноске);
- заглавие статьи на русском и английском языке;
- название русскоязычного источника (транслитерация).

Для транслитерации русскоязычных источников нужно использовать сайт: <https://translit.net/>, в графе «варианты перевода» выбрать вариант «BSI».

После блока русскоязычных источников указываются источники на иностранных языках, оформленные в соответствии с требованиями международных библиографических баз данных. Если список литературы состоит исключительно из источников на иностранных языках, «ЛИТЕРАТУРА» и «REFERENCES» объединяются: «ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES». Список оформляется в соответствии с требованиями международных библиографических баз данных и помещается в конце рукописи.

⁵ Примечания и библиографические ссылки размещаются в конце статьи сразу после списка литературы, перед «REFERENCES». Они должны быть озаглавлены «ПРИМЕЧАНИЯ».

Правила рассмотрения рукописи и рецензирования

1. При поступлении в редакцию рукописи сотрудниками редакции проводится ее первичное рассмотрение и проверка на соответствие тематике издания и требованиям к оформлению рукописей. В случае несоответствия этим требованиям статья не принимается к рассмотрению, автору направляется уведомление об этом.

2. При соответствии рукописи формальным требованиям, проводится проверка работы на наличие некорректных заимствований (плагиата). В случае обнаружения некорректных заимствований, а также в случае обнаружения, что материал был опубликован ранее в других изданиях, статья снимается с рассмотрения, автору направляется уведомление об этом.

3. В случае соответствия публикации вышеперечисленным формальным требованиям издания статья в течение 1 месяца после поступления в редакцию направляется на отзыв двум рецензентам. Рецензирование статей выполняется на добровольной и безвозмездной основе. Срок подготовки рецензии не может превышать один месяц с момента поступления рукописи к рецензенту. Рецензент вправе отказаться от рецензирования в течение одной недели с момента поступления рукописи к нему и уведомить об этом редакцию журнала.

4. Все статьи, планируемые к публикации в журнале «Вестник РФО», проходят процедуры анонимного рецензирования и утверждения на редколлегии. Процедура рецензирования является анонимной и для рецензента, и для автора.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Рецензенты и члены редколлегии должны хранить рецензируемый материал в тайне. Рецензенты и члены редколлегии не должны показывать материалы, присланные для экспертной оценки, третьим лицам.

6. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензентами могут быть как члены редколлегии, так и другие эксперты из различных научных учреждений и вузов страны. В качестве экс-

пертов могут выступать также ученые из других стран. В случае, если статья носит междисциплинарный характер, возможно привлечение экспертов из других областей наук.

7. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы, а также научные руководители соискателей ученой степени и сотрудники подразделения, в котором работает автор. Рецензент обязан поставить в известность редакцию о любом возможном конфликте интересов.

8. Рецензия должна содержать квалифицированный анализ материала рукописи, его объективную аргументированную оценку и обоснованные рекомендации. В заключительной части рецензии должно содержаться итоговое решение о целесообразности публикации статьи: рекомендуется к публикации; рекомендуется с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков; не рекомендуется к публикации в журнале (с указанием причин отказа в опубликовании).

9. В случае положительных отзывов от обоих экспертов, статья должна быть утверждена на редколлегии, после чего автору по электронной почте посылается согласие на публикацию статьи с указанием изменений, которые автору необходимо внести в статью (если такие рекомендации поступили от экспертов). Редколлегия оставляет за собой право не утвердить статью даже при наличии двух положительных отзывов от рецензентов. При этом автору отсылается мотивированный отказ в публикации.

10. В случае отрицательных отзывов от обоих рецензентов, автору отправляется мотивированный отказ в публикации данной статьи в журнале. При поступлении двух противоположных отзывов от обоих экспертов решение о публикации принимается на редколлегии, либо непосредственно главным редактором журнала или его заместителем. В спорных ситуациях статья может быть отправлена третьему независимому эксперту. Выбор рецензентов определяется на редколлегии или главным редактором (его заместителем или ответственным секретарем).

11. По запросу автора редакция журнала направляет ему анонимные копии рецензий на предоставленную им статью.

12. Рецензии хранятся в редакции журнала в течение 5 лет.

Правила опубликования научных статей

1. Решение о публикации принимается в течение двух-трех месяцев с момента предоставления рукописи. В исключительных случаях срок рассмотрения статьи может быть продлен.

2. Номер (выпуск) журнала, в котором будет опубликована принятая к печати статья, определяется на редколлегии. Принятие статьи к публикации не означает ее публикацию в ближайшем номере издания.

3. Редакция принимает решение об опубликовании текста в соответствии с решениями редколлегии, главного редактора (заместителя главного редактора) и оценкой экспертов. Решение о публикации принимается в течение двух месяцев с момента предоставления рукописи.

4. После принятия решения о публикации с автором заключается авторский договор установленного образца.

5. Плата за опубликование статей и материалов не взимается. Гонорары авторам не выплачиваются.

CONTENTS

EDITOR COLUMN

Reznik Yu.M. (Moscow) Should philosophy serve the state? 6

1. SCIENTIFIC REPORTS

1.1. Ontology and theory of knowledge. Logics

Krushanov A.A. (Moscow) On the picture of the world
which is blurring 43

Lyapustin A.G. (Moscow) On another understanding
of the basic question of philosophy 55

1.2. History of philosophy

Sidorin V.V. (Moscow) The formation of philosophical
Leniniana (1923-1924 y.): some remarks on the reconstruction
of the context 69

1.3. Philosophical Anthropology and Practical Philosophy

Bogdanova V.O. (Chelyabinsk) Transcendental-phenomenological
and existential-phenomenological practices of self-knowledge 79

1.4. Philosophy of Science and Technology

Bytchkov S.N., Zaytsev E.A. (Moscow) Is it difficult
to understand school physics? 95

*Malinetsky G.G. (Moscow), Voitsekhovich V.E. (Tver), Volnov I.N.
(Moscow), Dudakov S.M. (Tver)* Is the evolution of AI
to artificial intelligence possible? 112

Rozin V.M. (Moscow) The philosophy of technics at a crossroads 134

Yakovlev A.A., Pchelko-Tolstova E.A., Andreev G.P. (Moscow)
On the issue of the difference between scientific, technical
and technological paradigms 143

1.5. Philosophy of Culture and Education

Kopirovskiy A.M. (Moscow) The concept of a “living museum”
by priest Pavel Florensky: utopia, dystopia, reality? 158

Livshits R.L. (Saint-Petersburg) When will educational reforms
in Russia come to the end? 178

Markova T.B. (Saint-Petersburg) Library as a component
of educational space 188

Pigalev A.I. (Volgograd) Cultural identity and strategic essentialism 202

1.6. Essays

*Gorelov A.A. (Moscow) A Few Words about A.A. Zinoviev.
Notes on the 100th Anniversary of Birth* 217
*Kulev A.V. (Saint-Petersburg) About the relationship
between science and art* 223

1.7 Scientific life

*Semenov S.N. (Ufa) Problems of the philosophy of creativity
at the VIII Russian Philosophical Congress* 226
*Smirnova N.M. (Moscow) The philosophy of creativity
at the VIII Russian Philosophical Congress* 235

2. INFORMATION AND ANALYTICAL MATERIALS

2.1. Projects and solutions

Decisions of the RPhS Presidium (22.10.2022) 245

2.2. Reviews

Korolev A.D. (Moscow) About social jurisprudence 248

2.3. Congratulations on anniversary

Lektorskiy Vladislav Aleksandrovich – 90 years old! 252
Serdyukov Yuriy Mikhailovich – 60 years old! 253

2.4. In memory of colleagues

Kutyrev Vladimir Aleksandrovich (1943-2022) 254
Peruanskiy Sergey Serafimovich (1938-2022) 256
Dugina Darya Aleksandrovna (1992-2022) 256

2.5. Information for authors and readers

Membership in the RPhS in 2023 258
The procedure for sending, processing, reviewing and reviewing
manuscripts in the journal “RPhS Bulletin” 262
Contents (in English) 270

ISSN 1606-6251

Сайт Российского философского общества
<https://rfo.rus>

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА. 2022. Вып. 3-4 (101-102). — М.: РФО, 2023. — 272 с.

Свидетельство о регистрации в Государственном Комитете Российской Федерации по печати № 016777 от 06 ноября 1997 г.

Юридический адрес Президиума РФО:
119002, Москва, Смоленский бульвар, д. 20

Банковские реквизиты для денежных переводов:
Получатель: Российское философское общество
ИНН 7704169045, КПП 770401001
Наименование банка: ПАО Сбербанк
Р/с 40703810338000017062, БИК 044525225,
Кор. счет 30101810400000000225

Тел. главного редактора: +7 (495) 697-95-69 — Президент РФО,
акад. РАН А.В. Смирнов

Тел. редакции: +7 (495) 697-94-89.

Компьютерная верстка — М.В. Николаев

E-mail: vestnik@rfo1971.ru

Адрес в Internet: <https://rfo.rus>

Подписано в печать 30.01.2023 г.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печ. л. 17. Тираж 500 экз. Заказ №5482.

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»

ООО «Сам Полиграфист» 109316,

г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5
«Технополис Москва». www.onebook.ru